

ЧАСТЬ II
В ПРЕДДВЕРИИ ДИКТАТУРЫ

ОТ АВТОРА

В процессе печатания книги мне приходилось беседовать со многими сибирскими деятелями и вносить в текст соответствующие поправки. Как им, так и другим лицам, помогавшим мне в отыскании материалов, приношу свою искреннюю благодарность — в частности С. В. Востротину, В. В. Вырубову, М. Л. Киндякову, Р. А. Колчаку, В. М. Кудрявцеву, Н. С. Лопухину, ген. Лохвицкому, В. А. Маклакову, В. Н. Новикову, ген. Розанову, И. И. Сукину, кн. С. Е. Трубецкому, ген. Хорошину, полк. Щепину.

Я особо должен отметить отзывчивое отношение к моим вопросам со стороны ген. Нокса.

В ответ на возможный упрек в том, что я в своих «беседах» игнорирую голоса «левых» участников гражданской войны в Сибири (такой упрек я слышал), я должен сказать, что и Н. Д. Авксентьев, и В. М. Зензинов, и А. А. Аргунов — деятели Директории, равно как председатель Сибоблдумы И. А. Якушев, печатно уже высказали свои точки зрения на события, мною описываемые, этими данными я широко пользуюсь в своем изложении. В свое время, в 1924 г., по отъезде из России, я «интервьюировал» Е. Ф. Роговского о перевороте 18 ноября в Омске и благодарен ему за все рассказанное.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Директория

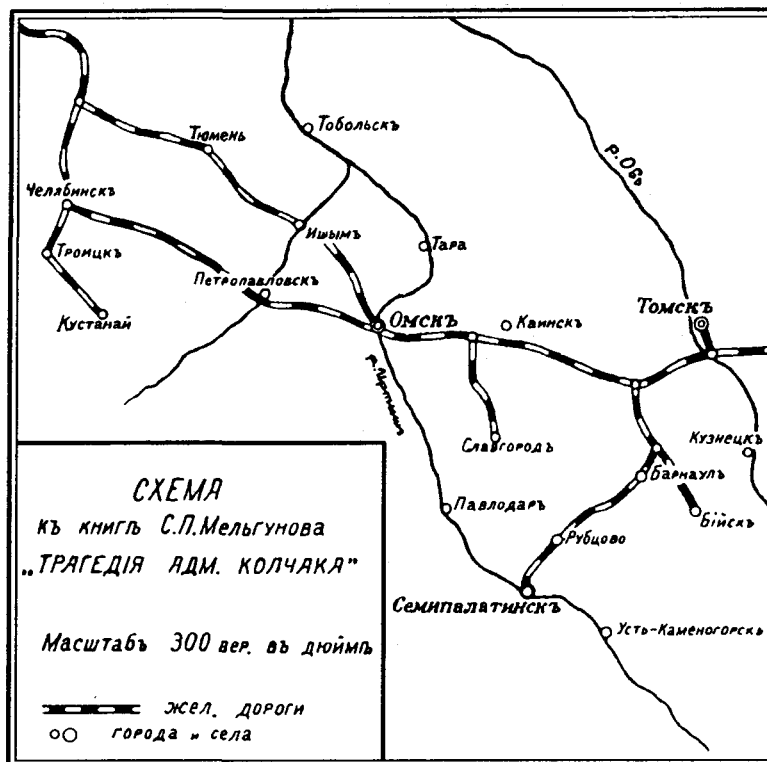
1. Миссия Аргунова

При плохих ауспичиях родилось в Уфе то Временное Всероссийское правительство, создания которого настойчиво требовали активно боровшиеся на антибольшевицких фронтах военные силы. Русская общественность оставалась раздвоенной, и грозные симптомы, как мы видели¹, обнаружались уже на другой день после того, как была создана власть, долженствовавшая быть в идее общенациональной. Совершенно неизбежно в атмосфере недоверия и вражды общенациональная задача стухивалась перед назойливыми директивами местной политики. Ей, этой местной политике, суждено было задавать тон в общенациональном деле и цепко держать в своих руках Директорию.

С первого дня своего формального существования всероссийская власть вынуждена была вмешаться в сложные взаимоотношения Омского правительства и Сибоблдумы в связи с тем острым конфликтом, который возник на почве роспуска Думы и убийства Новоселова. По-видимому, в целом Директория сильно колебалась, не зная, как ей поступить, так как среди отдельных ее членов, бывших в то время налицо, имелись существенные разногласия.

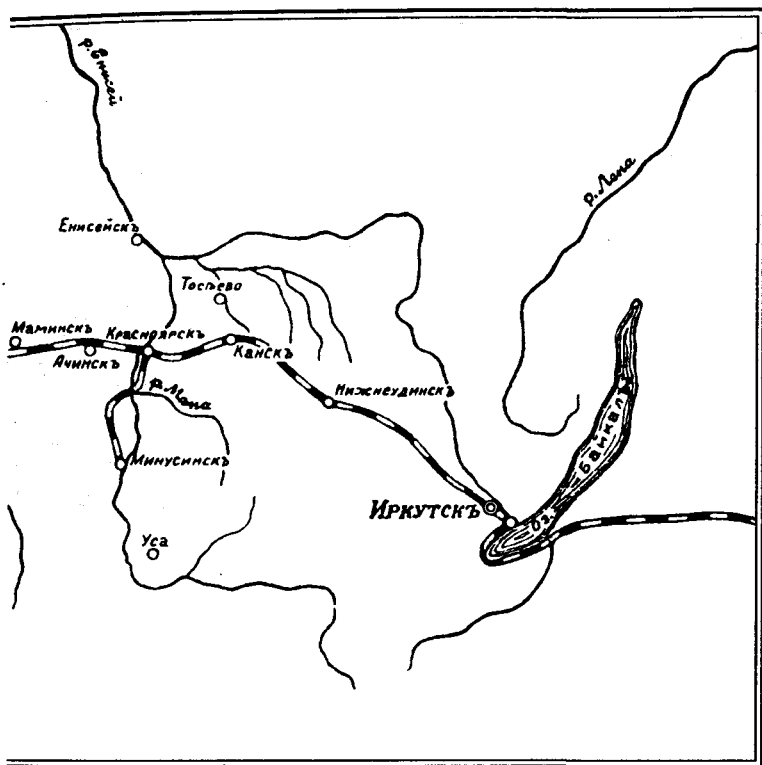
«...Я спускался утром 24 сентября из своего номера в столовую, — вспоминает Л. А. Кроль, — когда узнал потрясающую новость: в Омске убит министр Новоселов, и чехи требуют от Директории приказа о немедленном аресте скрывающегося от них И. А. Михайлова, считая его главным виновником убийства... Для первого дня существования Директории сюрприз был не из приятных... Члены Директории были заняты этим делом... Вот к Болдыреву провели генерала Иванова-Ринова. Вид у него далеко не тот, что в вечер приезда, когда он милостиво здоровался с Болдыревым в пиджаке... Да и удивительного ничего нет: идет речь, не за-

¹ См. главу V первой части.

держатъ ли в Уфѣ омскихъ правителей и министровъ впредь до выясненія омскихъ событій... Члены Директоріи совѣщаются съ отдельными лицами. Спрашиваетъ Авксентьевъ мое мнѣніе. Я категорически высказываюсь противъ принятія Директоріею какихъ бы то ни было незаконныхъ меръ: нельзя съ этого начинать и становиться на путь беззаконія» [с. 136]. Вместе съ темъ привлеченный къ совѣту Серебренниковъ предупредилъ, по словамъ Гинса, «о той горячей поддержкѣ, которой пользуется Сибирское правительство въ различныхъ кругахъ, и въ частности среди военныхъ, и Директорія не решилась начинать сразу съ конфликта» [I, с. 248].

В сущности, у новаго Всероссійскаго Вр. правительсва въ Омскѣ абсолютно не было никакой реальной силы. «Быстрая и короткая расправа съ переворотчиками (т. е. въ данномъ случаѣ съ Сибирскимъ правительствомъ) могла быть

выполнена только через чехов» — это должен признать Болдырев. «Но закреплять первые шаги всероссийской власти штыками чехов Директория не считала возможным» [с. 52]. Остановились на компромиссе. 25 сентября было опубликовано следующее постановление Правительства:

- «1. Признавая непререкаемые права Сибирской Областной Думы... но имея в виду невозможность при создавшихся условиях нормальной деятельности Областной Думы, — отсрочить ее занятия впредь до создания таковых. 2. Отставку членов Временного Сибирского правительства считать... недействительной. 3. Предоставить Уполномоченному Вр. Вс. пр. гражданину А. А. Аргунову чрезвычайные права в деле выяснения степени виновности тех или иных лиц в имевших место событиях. 4. Призвать население Сибири к полному спокойствию и уверенности в том, что интересы, права и закон-

ность Вр. Вс. пр. будут сохранены в полной мере» [«Хроника». Прил. 110].

Решение это не удовлетворило «левых». Томский «Голос Народа» прямо заявил, что совершена «величайшая ошибка, последствия которой трудно в настоящий момент учесть». Однопартийцы Авксентьева, Зензинова и Аргунова считали, что расправу надо совершить с «переворотчиками» не из Сибоблдумы, а из среды Омского правительства. «Казалось, — пишет в своих воспоминаниях Майский, — после целого ряда ударов судьба наконец смилостивилась над эсеровской партией. Счастье само собой давалось ей в руки. Наступил момент, когда одним решительным ударом эсеры могли восстановить свое сильно поколебленное влияние и даже — кто знает? — стать политическими гегемонами на всей территории от Волги до Владивостока. Что же сделали эсеры? Всю ночь с 24 на 25 сентября они совещались¹ о создавшемся положении и в конце концов постановили... чешское предложение отклонить. Вместо чешских батальонов в Омск был послан заместитель Авксентьева Аргунов... Эта ночь по справедливости может считаться началом конца демократической контрреволюции в Поволжье и Сибири². Она оттолкнула чехов от эсеровско-меньшевицких элементов и тем самым подготовила близкую гибель как Комитета членов Учредительного Собрания, так и Директории» [с. 255].

Не удовлетворилась решением Директории и Сибоблдума. Вот что докладывал томский губернский комиссар Гаттенберг 30 сентября Михайлову по прямому проводу: «Арестованные 28-го все освобождены. Наружно в городе как будто наступило успокоение... В действительности происходит подготовка к новому выступлению. Исполнительный Комитет Думы не распущен. Собрания происходят в

¹ Очевидно, надо думать, что здесь имеется в виду совещание не членов Правительства, а в среде партийных единомышленников.

² Бывший министр труда Самарского правительства писал свои мемуары, уже будучи коммунистом. Его собственная прежняя деятельность рисовалась контрреволюционной. Отсюда своеобразный термин: демократическая контрреволюция.

кабинете председателя Думы, происходят деятельные сношения Глоса и Быховского с Якушевым и Зензиновым в Уфе по железнодорожному проводу; фракции Думы, за исключением областников, выражают сомнение в том, чтобы Якушев мог дать какое-либо согласие за Думу, и, очевидно, не думают считаться с ним... Исполнительный Комитет вступил в сношения с дерберовским Правительством... Общее настроение чрезвычайно тревожное... ежеминутно ожидаю осложнений». «Здесь (т. е. в Омске) наступает успокоение», — отвечал Михайлов. Прибывший из Уфы Аргунов не сразу ориентировался в положении, но теперь поддерживает Административный Совет и к Думе относится отрицательно... Серебренников, я и Административный Совет будем вести прежнюю политику и беспорядков не допустим... Прибывающие иностранные представители оказывают поддержку Правительству и отрицательно относятся к политике чехов»... [«Хр.». Прил. 111].

Воспоминания А. А. Аргунова «Между двумя большевиками» решительно противоречат определению Михайлова о позиции уполномоченного Вр. Вс. пр. Они дают весьма резкую характеристику Административного Совета, состоявшего «в большинстве из чиновников, прошедших школу старого режима, сохранивших отчасти и симпатии к нему», и несшего с собой «дух антидемократизма и упрощенное понимание задач в области политики в форме необходимости всякого рода «крутых» мер как всеисцеляющего средства от всех недугов» [с. 23]. Борьба с Сибоблдумой, по мнению «мемуариста», — это «удар по социалистам», к которым «была отнесена вся сибирская демократия» [с. 27]. Таков отзыв в воспоминаниях, написанных в 1919 г. Следственная комиссия Аргунова, по его словам, собрала «огромный стенографически записанный материал из показаний всех министров, общественных деятелей, военных и пр.». В этом материале «историк найдет... многое для правильного понимания истории сибирского государственного строительства» [с. 22]. Где этот материал — неизвестно, поэтому пока «историку» приходится вылавливать отдельные кусочки. И получается несомненное противоречие между словами уполномоченного Вс. Вр. пр. и мемуариста, тяжело пережившего катастрофу в Омске 18 но-

ября. Как будто бы до 18 ноября настроения Аргунова были несколько иными по сравнению с пристрастным и резким тоном воспоминаний в отношении Сибирского правительства. Оценка роли и значения Сибирского правительства была другая — не даром известный нам самарский деятель Лебедев в своем «Дневнике» называет даже Аргунова «комиссионером Сибирского правительства» [«Воля России». VIII, с. 170].

То, что Михайлов по прямому проводу говорил томскому губернскому комиссару, он вновь повторяет Вологодскому, находившемуся в то время во Владивостоке¹: «Аргунов, приступив к образованию особой Следственной комиссии по расследованию последних событий, еще в пути из Челябинска по чешскому проводу обратился в Томск с предложением освободить арестованных членов Думы. Гаттенберг отказался исполнить приказ Аргунова без подтверждения Адм. Совета. Согласно мнению Аргунова, Адм. Совет признал возможным освободить членов Думы ввиду данного Якушевым обещания, что Дума безоговорочно подчинится постановлению в перерыве занятий. На первых порах по приезде Аргунов обнаружил отрицательное отношение к направлению деятельности Сибпрительства. В заседании Адм. Совета 28 сентября, делая сообщение о своей миссии, отмечал репрессии против печати, эсеров-думцев. Ряд членов Адм. Совета (ген. Иванов) указали, что если есть группы, стоящие за Думу, то несравненно большие по численности и располагающие реальной силой круги ненавидят Думу и возмущены деятельностью эсеров и покровительствующих им чехословаков. Теперь Аргунов под давлением общественных групп радикально изменил свой взгляд, поддерживает Адмсовет, борется с Думой и побуждает Директорию ехать в Омск»². Советский комментатор воспо-

¹ Телеграмма предсовмину Вологодскому № 0208. Имевшаяся у меня копия передана в Русский Исторический Архив в Праге.

² Некоторое «воздействие», или вернее информация со стороны общественных групп, было. Так, Парфенов сообщает о посещении Аргунова делегацией от Совета всесибирских кооперативных съездов в лице Сазонова, Балакшина и Щура [с. 50]. Между прочим, Якушевым было создано особое совещание из представителей социалистических групп. Соц.-дем. и соц.-рев. «интерна-

минаний Болдырева, имевший возможность широко пользоваться еще не опубликованным материалом, приводит цитату — к сожалению, единственную и укороченную — из одного «доклада» Аргунова Директории: «Сибирь — деловой, сознательный и государственный край. Если кто-либо виноват во всем создавшемся острым моменте и кризисе власти и нежелании идти на уступки, то это, к сожалению, местная фракция эсеров» [Прим. 47]¹.

Следственная комиссия Аргунова могла выяснить ту общественную атмосферу, среди которой родились конфликты, но в омской обстановке была довольно беспомощна в смысле конкретного выявления виновников убийства Новоселова. Ехал Аргунов с предвзятой точкой зрения в отношении Михайлова, про которого Авксентьев, как утверждает Святицкий, в Уфе неосмотрительно говорил, что его «давно следовало расстрелять» [с. 42]. Следствие не могло обнаружить данных для привлечения Михайлова к ответственности, т. е. не обнаружило заговора, о котором говорили сибоблдумские эсеры². Полковник Волков на допросе показал: «Как офицер, давший честное слово, я заявляю, что у меня сообщников не было». Нормально следствие было затруднено противодействием, которое встречала комиссия в омской казацкой военной среде. Привлеченного к ответственности полковника Волкова взял с собой на Дальний Восток военный министр Иванов-Ринов, и комиссии пришлось обратиться к содействию Болдырева. На категорическое приказание вернуть Волкова, Ива-

ционалисты» на собрание не явились. Мнение довольно единодушное сложилось против Думы — вплоть до разгона ее «даже вооруженной силой». [Доклад Емельянова о всесибирском съезде кооператоров в заседании иркутского отдела Всесоюза. — «Сибирь», № 84.] Отметим, что бывшие на собрании соц.-дем. указывали на непричастность Михайлова к убийству Новоселова.

¹ Я исправляю явные бессмыслицы, вкравшиеся в текст. Этот разговор «по прямому проводу» по сохранившейся ленте воспроизводит и Гутман в книге «Россия и большевизм» [с. 290].

² Этот итог Кроль [с. 143] передает со слов самого Аргунова. Мемуарист, вращавшийся в верхах тогдашней правительственной общественности, был достаточно осведомлен в интимных, откровенных разговорах за кулисами официальной политики.

нов-Ринов, исполняя приказ главковерха, в телеграмме чрезвычайно определенно рисовал взгляд казачьей общественности на омские события 21–22 сентября. «Если бы Крутовскому, Шатилову и Якушеву удалось осуществить государственный заговор в Омске, то, несомненно, произошли бы катастрофические события. Выступление Волкова, может быть, юридически преступно, но в результате, несомненно, спасло положение! Единственно, над ним тяготело преступление в убийстве Новоселова, за что я, будучи в Уфе и не посвященный в омские события, отрешил его от должности начгарнизона, заключив под стражу. По расследованию же событий, я пришел к глубокому убеждению, что Волков к убийству Новоселова не причастен... Командируя Волкова по вашему приказанию в Омск, усердно ходатайствую... не отказать войти в рассмотрение следующих моих соображений: 1. широкие общественные массы... считают Крутовского, Шатилова, Якушева и Облдуму вставшими на путь государственной измены, вовлекшими в противогосударственный заговор иностранное чешское войско; 2. те же группы считают Волкова выполнившим свой государственный долг; 3. всякая репрессия... при условии оставления безнаказанными Крутовского, Шатилова и Якушева и принявшую участие в заговоре Облдуму, может вызвать новую смуту...» [*Болдырев. С. 71*]¹.

¹ Местонахождение непосредственных убийц Новоселова, бежавших из-под ареста (совершение этого акта приписывается казакам-офицерам Семашко и Мефодиеву, адъютанту Волкова), комиссия Аргунова не могла обнаружить [*«Сибирь», № 88*]. Аргунов в своей брошюре несколько преувеличивает обстановку, говоря, что зверская расправа произошла «на глазах публики в 11 часов в Загородной роще». Якушев тогда же сообщал Вологодскому об обстоятельствах, сопровождавших убийство Новоселова: «Лесник видел, как трое шли по лесу и из них двое военных. Один офицер несколько отстал, вынул револьвер, выстрелил в затылок. Затем, по-видимому, тело сбросил в ров и дал несколько выстрелов по убитому». В рапорте офицер объяснил, что Новоселов пытался бежать. Может быть, подобное объяснение было лишь обычным трафаретом. В убийстве Новоселова все же были некоторые специфические черты, которые Иванов-Ринов отметил в письме князю Львову, — это была «расправа казачьих офицеров». Еще молодой человек, лет 35, Новоселов, беллетрист-

Положение в Омске было действительно крайне затруднительно, ибо деятели Облдумы принимали «меры к возобновлению положения до переворота» (из сообщения Якушева Вологодскому). Крутовский требовал, чтобы Серебренников сдал ему должность заместителя предсовмина. Создавалась напряженная атмосфера. Поэтому Серебренников обращался к Вологодскому с просьбой «телеграфно воздействовать на Крутовского и Шатилова в том смысле, чтобы не был вызван какой-либо конфликт». «Админсовет, — сообщал Серебренников, — не допускает мысли, чтобы они вошли в состав Правительства до окончания работ Следственной комиссии Аргунова, и решительно отказывается вести с ними какую-либо работу. Если они будут настаивать на своем, то Админсовет видит единственный выход из положения в радикальных мерах. Эти меры, по его мнению, состоят в следующем: «Сибирская Директория¹ в лице пяти или четырех волею Вс. пр. должна быть упразднена; одновременно должна быть окончательно распущена Сиб. Обл. Дума настоящего состава, причем не исключается возможность созыва новой Думы на других началах. Временно Админсовет волею того же Вс. пр. преобразуется в сибирский Совет министров. Об этом мнении Админсовета я уведомляю сегодня Аргунова, которому предстоит распутать наши сибирские дела... Может быть и другой выход. Пока ведется расследование, могут уклониться от работы министры Михайлов, Шатилов и Крутовский. Деловая же работа перешла бы к Админсовету под моим председательством. Тем временем выяснились бы взаимные отношения Вс. пр. к Сибирскому. Положение дел в Сибири изменилось бы к скорому удовлет-

этнограф, служивший до войны воспитателем в казачьем пансионе и далекий от политики, сделал довольно обычную в 1917 г. революционную карьеру, записавшись на Кавказском фронте в партию эсеров. (Его некролог, написанный старым товарищем Новоселова партийным большевиком Березовским, см. в «Сиб. Огнях», 1922, № 1.) Каким образом в безнаказанности убийц Новоселова оказался виновным адм. Колчак [Якушев. «Вольная Сибирь». VI, с. 74] — понять невозможно.

¹ Неофициальное, как мы видим, именование первого Сибирского правительства.

ворению политических страстей»... «Ваш приезд, — заключал Серебренников свою информацию, — мог бы улучшить здешнее положение». Характерно то, что отвечал Серебренникову Вологодский, — человек, которого противники склонны были заподозрить в руководстве ведомой интригой: «Вами сообщенное меня очень огорчает. Неужели мы так неспособны справиться с дорогим нам делом создания автономной Сибири и возрождения России. Нам (т. е. находящимся во Владивостоке с ответственной миссией) думается, что действительно нет никакой надежды. Опускаются руки. Я еще раз прошу Админсовет не покидать своей работы, ради общей цели забыть все уколы самолюбия»...

С своей стороны Якушев в разговоре с Вологодским выражал уверенность, что при выявлении истинных «вдохновителей» переворотов «политическая репутация Думы» в этой грязной клоаке политического интригантства только выиграет в своей лояльности.

Едва ли стремящаяся быть объективной история без значительных оговорок согласится с мнением председателя Сибоблдумы. К этим итогам конфликта нам придется еще вернуться, так как сибирский конфликт был внешне ликвидирован с немалым трудом лишь тогда, когда Всер. Прав. переехало в Омск.

2. Екатеринбург или Омск?

Послав своего уполномоченного в тот кипящий котел, какой являл из себя Омск, Директория оставалась в Уфе в состоянии нерешительности. Крайне тенденциозный Майский так характеризует уфимские переживания этих дней: «Настроения в «Сибирской Гостинице», где продолжали пребывать Всероссийское правительство и Союз членов Уч. С., были хмурые и упадочные. Никто не знал, что надо было делать, и все с грустной тревогой смотрели в будущее. В Директории господствовала полная растерянность... Члены Уч. С. также находились в состоянии глубокой прострации... Не чувствовалось живого дыхания жизни... Один видный эсер, с которым я поделился своими нерадостными впечатлениями, откровенно мне

сказал: «Мы запутались. Но теперь уже поздно, — надо как-нибудь доигрывать игру» [с. 261—262]. 17 дней нахождения Съезда У. С. в Уфе и Святицкий называет «пребытием во власти тоскливо-тягучего настроения» [с. 25]. «Земля горит под ногами» — так характеризует положение Авксентьев в разговоре по прямому проводу с Вологодским. «Мы все удивлены медлительностью союзных войск. Положение на Волжском фронте весьма угрожающее, чехи крайне переутомлены и волнуются, не видя обещанной помощи союзников. Потери Волжского фронта громадные. Моральный политический удар... Союзники должны спешить, иначе потеряют и они. Достаточно было бы спешно прибыть дивизии, чтобы изменить положение... Необходимо, чтобы во Владивостоке вы выяснили причину их медлительности». Вся надежда у Авксентьева на союзников. «Только активная и серьезная помощь союзников могла спасти Восток от завоевания его большевицкими войсками», — заявляет, в свою очередь, Святицкий [с. 33]. Чрезвычайно характерен этот интервенционный фатализм представителей эсеровской партии. Он их сильно отличает от сибирских настроений. Всякий фатализм понижает активность и самодеятельность. При отсутствии веры в себя начинаются колебания.

28 сентября по инициативе Авксентьева состоялось пленарное заседание Бюро Съезда У. С. и Центр. Комитета партии с.-р., на котором был поставлен вопрос о резиденции Всероссийского правительства. Отчет об этом партийном совещании мы имеем только в изложении Святицкого. «Глава Директории, — рассказывает Святицкий, — обратился к собравшимся с краткой речью. Он указал, что настоящее совещание происходит в совершенно частном порядке, что он и его товарищи по Директории, как члены партии с.-р. и демократы, не могут не желать услышать голос организованной демократии (выделено мной. — С. М.) при разрешении столь важного вопроса, как выбор места для резиденции Правительства. В Правительстве борются сейчас два мнения. Одно стоит за переезд Директории в город Омск (на этом настаивают сибиряки во главе с заместителем Вологодского в Директории проф. Сапожниковым). Другое, под-

держиваемое Авксентьевым, высказывается за Екатеринбург... В Омске имеется готовый правительственный аппарат, без коего Правительство не может ступить ни шагу: именно по этой причине каждый день промедления в Уфе гибелен для Правительства и страны. Не пугает Авксентьева и перспектива очутиться в центре организованной реакции, каким слывет Омск. Он считает толки о реакционности Омска преувеличенными... В Омске Правительству будет легче побороть реакционные круги, чем руководить этим делом откуда-то издали... Авксентьев готов все-таки признать, что переезд туда сейчас произвел бы неблагоприятное впечатление на демократические круги. Поэтому он склоняется к тому, чтобы избрать резиденцией Екатеринбург — город достаточно большой, чтобы вместить в себя и правительственные учреждения, и Съезд, который, по мнению оратора, должен находиться там же, где будет Правительство»... «Шаткость позиции Н. Д. Авксентьева, — продолжает Святицкий, — вызвала среди собравшихся единодушный и горячий протест. Только один участник собрания (В. В. Подвицкий) считал возможным переезд Правительства в Омск. Мнение всех остальных собравшихся было единодушное. Переезд Директории в Омск мог оказаться для нее гибельным» [с. 21–22].

На запрос Вологодского, определено ли местопребывание Директории, Авксентьев через два дня после указанного совещания определенно ответил: «Временное правительство решило ехать через 3–4 дня в Екатеринбург и там обосноваться, воспользовавшись аппаратом Омска и Самары в его нужных частях»¹. Через несколько дней план, однако, был изменен. Вновь Авксентьев и Зензинов захотели побеседовать со своими партийными товарищами. Приходится опять обращаться к тексту Святицкого. Последний рассказывает: «Предупредив присутствовавших, что предмет и содержание предстоявшей беседы должны остаться в полной и безусловной тайне, Н. Д. Ав-

¹ Болдырев говорит, что одной из причин нежелания Директории переселиться в Омск было то, что переход являлся как бы отрывом от Европейской России: «суживал влияние Директории до сибирского масштаба» [с. 63].

ксентьев перешел к обрисовке создавшегося положения¹. На пути к тому, чтобы Директория встала на свои собственные ноги, лежат крупные препятствия, из которых главные: поведение союзников и существование областных правительств, главным образом Сибирского... Союзники выжидают и медлят с признанием Вс. прав., демократизм его заставляет их, очевидно, сомневаться в его прочности, и предпочитают иметь дело с твердо вставшим уже на ноги Сибирским правительством, представляющим собой вполне реальную величину. Чувствуя за собой поддержку союзников, Сибирское правительство признает Всероссийское только на словах... Касаясь дальше миссии Вологодского на Дальнем Востоке и подчеркивая холодность отношения Вологодского к избранию его в состав Директории, Авксентьев якобы говорил: «Цель Вологодского — привлечь симпатии союзников к Сибирскому правительству и заключить у них довольно крупный денежный заем. Получается... незавидная картина: член Вс. пр... предпочитает действовать в интересах областного Сибирского правительства... Отсюда Авксентьев делал следующие выводы. Военная помощь союзников и их деньги необходимы Директории, без них она не может существовать. Необходимо поэтому заставить союзников признать Вс. пр., а для этого необходимо уничтожить средостение, существующее между союзниками и Директорией, — Сибирское правительство. Директория должна встать на место Сибирского правительства. Уничтожив Сибирское правительство, Директория в то же время покажет союзникам свою реальную силу и значение». Но как это сделать? «В конституции, родившейся на Уфимском Гос. Советании, санкционировано существование всех областных правительств... Следовательно, и мероприятие, выдвигаемое в отношении Сибирского правительства, надо поставить на более общую и принципи-

¹ Возможно, что Святицкий несколько субъективно излагает последующую аргументацию Авксентьева, хотя автор в характеристике эсеровской позиции довольно точен. Книга Святицкого вышла в Москве в 1921 г. Святицкий дает материал первостепенного значения для понимания развернувшихся событий. Желательно было бы услышать голос самого Авксентьева.

альную почву, применяя ее вообще ко всем областным правительствам... Прибегая к этому опасному плану, он (Авксентьев), во избежание будущих нареканий и недоумений, желает посвятить в него представителей демократии, узнать их мнение и действовать в тесном контакте с ними» [с. 33—35]... Логическим следствием этой меры является необходимость переезда Директории в Омск. «Для Авксентьева очевидно, что уничтожить Сибирское правительство невозможно путем применения физической силы, такой силы у Директории пока что вовсе не имеется, а у Сибирского правительства она есть... Одержав верх над Сибирским правительством можно только путем его «обволакивания»... Это значит, что Директория должна выбрать в состав всероссийского кабинета министров наиболее пригодные и демократические элементы Сибирского правительства, приспособить себе правительственный аппарат и этим уничтожить сопротивляемость Сибирского правительства» [с. 33—36]. Представители «левого крыла» партии — их было в то время двое: Гуревич и Святицкий — возражали на «хитроумный» дипломатический план, предложенный Авксентьевым. «Цель, поставленная себе Директорией, вполне правильна, и осуществление ее неотложно. Однако указанные средства недостаточны. Излишне нарушать конституцию и прокламировать даже и временное уничтожение всех областных правительств только для того, чтобы устранить Сибирское. Во-первых, этой задней цели не скрыть... Во-вторых, она покупается слишком дорогой ценой... Мусульмане — наша поддержка и сильная опора... Если нужно, чтобы не было обидно сибирякам, устранить наряду с их Правительством еще какое-либо другое правительство, то ведь вот происходит добровольная ликвидация самарского Комитета. Разве самарский Комитет не являлся всегда антиподом Сибирского правительства? Ликвидация того и другого может быть приравнена друг другу... Но вот вопрос: как фактически устранить от власти Сибирское правительство? Ясно, что добровольно оно своей власти не уступит. Тактика обволакивания... скользкая тактика, в результате которой сами «обволакивающие» могут раствориться во враждебном лагере. Нет, тут

нужны решительные действия. Директория должна сказать себе: либо пан, либо пропал. Либо мы сломаем сибирскую реакцию, либо мы сломаем себе голову (Н. Д. Авксентьев при этих словах одобрительно кивает головой). Вот если так ставить вопрос, то мы бы, в конце концов, ничего не имели против того, чтобы Директория переехала в Омск. Там она будет ближе к врагу, там у нее может явиться решительность, которая, очевидно, отсутствует здесь» [с. 37—38].

Одному «хитроумному» плану, таким образом, противопоставлялся другой, в одной части более решительный, в другой более циничный — впрочем, скорее наивный своей сверхулисовской дипломатией с упразднением фактически несуществующего Самарского правительства. Когда читаешь повествование Свяцицкого, не можешь отрешиться от мысли, что инициатор упомянутого эсеровского совещания, быть может, применял в данном случае только оболакивающую тактику и в отношении своих партийных единомышленников: надо было тем или иным путем пресечь протест в случае переезда Директории в Омск. Примененный метод был опасен и чреват последствиями. Если не сделать такого рода предположения, то, в сущности, придется признать, что в эти дни в Уфе был составлен «заговор» против Сибирского правительства, причем заговорщики расходились лишь в методах практического осуществления этого «заговора».

Трудно было предположить, что Сибирское правительство не раскусит такого ореха. В действительности же новый «заговор» неизбежно приводил к столкновению двух соперничающих сил. Если не Сибирское правительство как таковое, то отдельные его члены с самого начала стремились устранить ту «громадную опасность», которую представлял долженствовавший собраться 1 января эсеровский осколок «Уредительного Собрания»... «Ликвидация этого Собрания, что возможно лишь при участии союзников, является Вашей главной обязанностью», — писал Иванов-Ринов 30 сентября уезжающему в Америку и Зап. Европу кн. Львову.

Через несколько дней «Директория покинула Уфу, увозя в двух специальных поездах свою многочисленную

свиту» [*Майский*. С. 284]. На недоумение Кроля¹, при встрече в Челябинске, Авксентьев ему ответил: «Иначе нельзя было. Мы должны сунуться волку в пасть: или он нас съест, или он нами подавится» [с. 140]. «Много позднее, — добавляет Кроль, — я узнал, что Директория опасалась как бы Омск не постарался сдать большевикам Екатеринбург с Директорией»². Новая интрига со стороны Омска! Эту легенду, однако, легко разрушают слова ген. Болдырева: «Уклон в сторону Омска усилился после заявления приглашенного на одно из совещаний ген. Сырового, что при создавшихся на фронте условиях он не может гарантировать не только безопасность Екатеринбурга, но не исключает возможности его оставления». «Пессимизм Сырового, — добавляет Болдырев, — имел источником неприятные осложнения, начавшиеся в чешских войсках в районе Самары. Я лично не считал это явление достаточным для отказа от Екатеринбурга и исходил из другого соображения — главный враг Директории был все-таки Омск, надо было вплотную подойти к нему и так или иначе обезвредить его или окончательно убедиться, что Директория в наличном ее составе не более как «досадное осложнение». Большое сомнение возникало у меня и в отношении возможности быстрого создания делового аппарата, а без него Директория только бесполезно тратила время на заседания» [с. 63—64].

* * *

Вслед за Директорией в конце концов в Омск решил ехать и Съезд Уч. Собр., но накануне его отбытия неожиданно была получена телеграмма от депутатов «весьма правого

¹ Кроль был горячим сторонником переезда Директории в Екатеринбург и согласно полученным уже директивам принял от имени Уральского правительства все необходимые меры для размещения учреждений Всер. прав.

² Кроль в данном случае [с. 151] опирается на слова лидера омских к.-д. Жардецкого, сказанные в партийном совещании и не имевшие никакого отношения к Директории. Жардецкий указывал, что, быть может, будет разумнее избавиться на время от Урала, отдав его большевикам.

настроения» — Быховского и Фомина, предостерегавших от поездки в Омск. Не откладывая решенной поездки, Бюро Съезда вызвало для обмена мнений в Челябинск указанных лиц и Брушвита из Екатеринбурга.

Майский, бывший среди членов У. С., в минорных тонах описывает настроения «учредителей» в дни продвижения от Уфы в Челябинск. Три дня длилось это путешествие. «Поезд У. С. подолгу стоял на попутных станциях, но теперь вокруг него уже не кипела жизнь, которую он вызывал лишь семь недель тому назад. Точно вместе с осенью увядала притягательная сила к Учр. Собр... В самом поезде тоже господствовали уныние и апатия. Не было почти никаких заседаний, старались избегать говорить о том, что висело угрозой над всеми... Чувствовалось, что все очень довольны затяжкой путешествия, так как это отсрочивает наступление того страшного момента, когда надо будет опять вернуться к политике, что-то решать, что-то делать, в чем-то проявлять свою волю» [с. 288—289].

15 октября прибыли в Челябинск. Приехавшие из Омска депутаты нарисовали самую мрачную картину. В Омске слова: «социалист-революционер», «Учредительное Собрание» — слова одиозные для большинства интеллигенции и буржуазии... Ненависть к отдельным более популярным депутатам такова, что их могут убить. Переезжать в Омск Съезду нельзя. «Сообщения Быховского и Фомина создали, — говорит Майский, — среди эсеров почти паническое настроение» [с. 291]¹. «К сожалению, и то, что сообщили приехавшие из Екатеринбурга, было тоже далеко не из радостных». Чехи «любезно согласились» на пребывание Съезда в Екатеринбурге, но гражданская власть находится в руках Сибирского правительства. Коалиционное областное правительство «никакой власти не имеет». И в Екатеринбурге можно ожидать недоразумений и инцидентов [*Святыцкий*. С. 43]. И все-таки поехали в Екатеринбург — «ничего другого не оставалось».

¹ Ср. [*Святыцкий*. С. 43]. После ночного заседания Майский и его группа на всякий случай тут же в поезде постановили «отныне отделить свою судьбу от судьбы эсеров и Учредительного Собрания». Мотивировалось это тем, что Комитет У. С., как выяснилось на ночном заседании, уже «труп».

3. Съезд Учредительного Собрания

Оставим на время Директорию и заглянем хронологически несколько вперед для характеристики деятельности «учредиловцев» в период пребывания Съезда в Екатеринбурге... Это одна из важнейших страниц в истории эпохи, нами описываемой, ибо она дает ключ к пониманию всех последующих событий.

Месяц пробыл Съезд в Екатеринбурге. Майский, преисполненный пессимизмом, который не помешал ему, однако, вести переговоры с Директорией, чрезвычайно иронически отзывается о трудах и днях екатеринбургского сидения Съезда. Этот высший «государственно-правовой орган» России ничем не ознаменовал себя, кроме «добрых намерений» и кипы резолюций¹. Жил он в Екатеринбурге «в положении бедного родственника». Раздираемый непрекращающимся внутренним разногласием между «правыми» и «левыми», он прожил в Екатеринбурге на бивуаках, «не зная, что делать и на что решиться». «Какое жалкое положение занимал Съезд, можно судить по тому, что ему так-таки и не удалось получить в Екатеринбурге хоть сколько-нибудь подходящего здания для своих занятий» [с. 339—340]. Последнее не совсем верно, ибо Съезд обзавелся в конце концов собственным помещением в условиях, достаточно ярко характеризующих умонастроение членов того «правового государственного органа», функции которого, по соглашению на Уфимском Совещании, были ограничены лишь подготовкой созыва У. Собр. К «реквизициям» Съезд сознательно ни разу не прибегал — с некоторым как бы сожалением говорит Святицкий: «Увы! Эсеры действовать по-большевицки не

¹ Содержание Съезда У. С. обходилось довольно дорого государству, так как по «положению», принятому Съездом, депутат получал жалованья 1500 руб. и по 250 руб. добавочно на каждого члена семьи. «Многим казалось это жалованье слишком высоким», — пишет Святицкий. Однако имелось в виду не оставлять на произвол судьбы семьи тех депутатов, которые, перебравшись через фронт и понадеявшись на быструю ликвидацию большевизма, большею частью оставили близких без достаточных денежных средств» [с. 30—31].

умели» [с. 45]. Для обеспечения себя помещением «учредиловцы» решили, игнорируя местную гражданскую и военную русскую власть, обратиться «непосредственно» к чешскому главнокомандующему фронтом ген. Гайде, для переговоров с которым был послан Брушвит. Гайда на выбор предложил два помещения. Однако соблазнительное для Съезда помещение общественного клуба было занято лазаретом. Опираясь на Гайду, Съезд мог бы выселить этот лазарет. Но Съезд вообще был уступчив, а в данном случае он боялся, кроме того, возбудить общественное неудовольствие. Остановились на здании старого епархиального училища. «Все это показывает — насколько местные власти и учреждения пренебрежительно относились к Съезду членов У. С. В сущности, вопрос о размещении мог быть разрешен очень просто и легко, стоило целиком реквизировать одну какую-либо гостиницу, выселив оттуда спекулянтов и военных. Военные власти, не задумываясь, производили такие реквизиции. Нам же в этом отказывали» [с. 46]. Совершенно естественно, что обращение «учредиловцев» к авторитету Гайды вызвало некоторый саботаж со стороны местной власти. Из позднейших показаний адм. Колчака на суде мы знаем, какое неудовольствие у русских вызывали действия иностранцев с реквизициями помещений [«Допрос». С. 144]. По-видимому, не все возмущались тем, чем возмущался адм. Колчак. Но самое характерное то, что достаточно, очевидно, наивному Святицкому и в мысль не приходило сомнение о праве Съезда У. С. производить какие-либо реквизиции. Мысль эта не приходит потому, что «черновцы» (наименование Святицкого) по-своему начинают толковать уфимские резолюции и выдвигают Съезд У. С. на первый план: Съезд — это правительственный орган, которому должна быть фактически подчинена Директория.

Тенденция эта определенно сказалась в работах Съезда, весьма оживившихся с приездом 2 ноября в Екатеринбург Чернова. Дело не в самом Чернове — в какой-либо его инициативе и энергии¹, а в том, что к этому времени на

¹ «Хроника» определенно заносит в свою летопись: «Чернов повел кампанию против Директории» [с. 93]. Конечно, советские историки правы.

Съезде определенно образовалось «левое большинство». У Съезда намечались два плана работы, разработанные представителями разных крыльев Съезда — правого и левого. Автором одного из них был Святицкий, другого — Д. С. Розенблюм. По плану «левых» Съезд должен быть противопоставлен реакции и явится центром, собирающим вокруг себя активные силы демократии. Прежде всего особая комиссия должна заняться завершением выборов в тех избирательных округах, где они не были закончены. С другой стороны, Съезд должен принять меры, чтобы обеспечить возможность созыва У. С. «Разумеется, задача может быть осуществлена только вмешательством Съезда в его целом во внутреннюю политическую жизнь страны, выражающимся в непосредственном воздействии на политику Вс. пр. и в строжайшем наблюдении за выполнением Правительством всех обязательств, возложенных на него Уф. Соглашением» [Святицкий. С. 48—49]. План Святицкого намечал разработку ряда законодательных вопросов в виде подготовки их для Уч. Собр. и завершал все организацией боевых отрядов и дружин для защиты У. С. Этот план отчетлив и ясен, если мы примем во внимание утверждение alter ego Чернова, что они отлично понимали, что «новые выборы в Уч. Собр.» станут возможны «только тогда, когда мы будем иметь единую Россию», т. е. новым выборам должен предшествовать «довольно большой период времени собирания России». План Святицкого сводил на нет Уфимское Соглашение и пытался передать всю полноту власти «охвостью» старого У. Собр. на длительный период времени — как раз из-за этого ломались копья в Уфе, как раз это было неприемлемо для самых разнообразных кругов русской общественности.

Представитель правого крыла Съезда Розенблюм честно, хотя с большими оговорками и большой осторожностью, с экивоками в сторону помещичьей реакции, исходил из status quo, установленного Уфимским Совещанием. Учредительное Собрание, «по всей вероятности», вынуждено будет ограничиться организацией всероссийской власти, выработкой нового избирательного закона и назначением новых выборов. Поэтому задача Съезда заниматься не столько подготовкой законопроектов, сколько обеспечением само-

го созыва У. С. С этой целью надо всячески содействовать «великой работе» Всер. пр. по освобождению России от большевицкого и немецкого ига... Любопытные комментарии к таким тенденциям делает Святицкий: «правое крыло Съезда робко и нерешительно встает... на новый путь... отрицания У. С.» [с. 53]. За отсутствием кворума на собраниях оба плана обсуждались лишь на частных совещаниях, причем оказался принятым план Святицкого. 2 ноября с Черновым и Вольским прибыли из Самары более десяти депутатов левого направления. Все они, как оказывается, приехали в «боевом настроении». Небезынтересно то описание совещаний левой группы, которое дает Святицкий. «Совещания происходили в номере Чернова. У многих возникал вопрос: не настал ли уже момент для решительных действий? Некоторые товарищи предлагали уже сейчас выступить против Директории¹. Съезд, по их мнению, должен был бросить перчатку реакции, заявив о разрыве Уфимского Соглашения. Члены Директории эсеры при таком положении не останутся в Директории... Последняя расколется и исчезнет с лица земли сама собой. Съезд останется лицом к лицу с сибиряками и должен употребить все свое влияние, чтобы привлечь на свою сторону чехов и опереться на их военную помощь. Большинство товарищей заняло, однако, более осторожную позицию... Пусть реакция сама даст повод к возникновению гражданской войны. Мы же, чтобы не быть застигнутыми врасплох, должны заняться не медля ни одного дня напряженной работой по подготовке своего контрнаступления... В особенности нам не следует упускать из своего внимания Екатеринбург, где мы должны произвести революционный переворот в первую голову, изгнав сибирское командование и водрузив на его месте свою собственную власть» [с. 68].

Правые имели свои совещания. На них было принято решение выступить печатно против Ц. К. с особым воззванием, «так сказать с контрреволюцией».

6 ноября, наконец, состоялось пленарное публичное заседание Съезда — присутствовала, правда, только «своя

¹ Основанием служило соглашение Директории с Сибирским правительством. Об этом ниже.

публика», работавшая при Съезде. На пленуме был окончательно принят план Святицкого, т. е. план вступления на самостоятельный политический путь¹

Правые после этого не ушли со Съезда и приняли участие в общей посылке делегации в Америку для выяснения вопроса: помогут ли союзники российской демократии или нет?² Оставаясь на Съезде, в сущности, «правые» принимали на себя формально как бы ответственность за то, что делалось от имени Съезда³.

Такова была внешняя оболочка. Гораздо важнее было реальное осуществление принятого плана. В сущности, его основной чертой было признание, что с большевиками возможно бороться только при помощи союзников, а с внутренней реакцией (подразумевалось Сибирское правительство) — только при содействии военной силы чехов. И в отношении надежд на вмешательство чехов во внутренние российские дела, и в отношении расчетов на иностранную интервенцию описанные екатеринбургские настроения действительно чрезвычайно резко расходились с настроениями значительной части сибирской общности, в особенности адм. Колчака, появившегося к тому времени на политическом горизонте. Конкретно задача нового Бюро Съезда формулировалась как подготовка «к активному действию, к защите не словом, а делом Учредительного Собрания»: «предстояла схватка с реакцией — надо было к ней готовиться». В первую очередь решено было заняться агитацией. Ее лозунг — «защита У. С. и образование для этой цели рабоче-крестья-

¹ Характерен эпизод. Съезд решил издавать газету. В. А. Алексеевский пытался доказывать, что этот орган не может быть органом какого-либо одного направления. Резолюция Алексеевского, конечно, провалилась. Отмечу, что этот Алексеевский не имел отношения к лицу, участвовавшему в суде над адм. Колчаком.

² Инициаторы этой делегации, по словам Святицкого, были чехи. (См. так же «Сибирь», № 87.)

³ Голоса на Съезде распределились так: левое течение (Чернов, Вольский) собрало 22 голоса; центр (Минор, Гендельман, Архангельский) — 10. Правые — 10. Три члена воздержались [«Новая Сибирь», № 22]. «Центр» Святицкий характеризует так: эти депутаты колебались, идя то с левыми, то с правыми [с. 70].

янских добровольческих отрядов, а также русско-чешских батальонов» [с. 75]¹. Бюро озаботилось посылкой депутатов в крупные заводские поселки Урала в целях мобилизации отрядов против реакции. Далее Бюро вошло в сношения с чехами относительно образования в Екатеринбурге «русско-чешских полков» наподобие уфимских. Командный состав должны были поставлять чехи, а добровольцев набирать «учредилловцы». «Мы же, — повествует Святицкий, — имели и право распоряжения этими частями, а также право надзора за офицерским составом, отстраняя от командования малонадежных для нас (в демократическом смысле) офицеров» [с. 76]. Другими словами, и здесь организаторы пытались таким путем обойти русские военные власти и за их спиной создать какую-то самостоятельную военную силу². «Мы имеем основания надеяться, — пишет Святицкий, — что... в той борьбе, которая вскоре и неизбежно завяжется между нами и этим (т. е. Сибирским) правительством, чехи будут действовать либо открыто с нами вместе, либо соблюдая в отношении нас дружественный нейтралитет. Нашей целью было обеспечить сотрудничество чехов. В этом смысле действовали в разговорах с чешскими представителями и руководители Съезда: В. М. Чернов, В. К. Вольский, И. М. Брушвит и др. Надо признать, что все подобные разговоры оставляли желать большего: чехи как будто избегали откровенно говорить на откровенные темы. Все ограничивалось изъявлениями чувств симпатии, дружеской поддержки и т. п. Встречая такое отношение, и мы избегали пока ставить вопрос прямо, надеясь, что само развитие событий поставит чехов в решительный момент по одну сторону баррикад, вместе с нами» [с. 83].

«Для обороняющейся демократии, — продолжает Святицкий, рассказавший очень много закулисного из партийной деятельности в порыве откровенности, которая часто

¹ На организации батальонов Святицкий настаивал на сентябрьском заседании Съезда, на котором присутствовали и члены Директории, «резко» протестовавшие против этого и заявившие, что воинские части могут состоять в непосредств. распоряж. только самого Правительства [с. 17].

² Весьма ошибочно эсеры рассчитывали на войска рабоче-крестьянского района Прикамья.

появляется у оппозиционеров, — огромным препятствием, тормозом служила политика бесформенной и нерешительной «коалиционной» Директории. Становилось нужным в первую очередь «расчленив» это препятствие. Либо Директория будет с нами и вполне наша, либо пусть не будет ее самой! Таково было наше настроение... Мы, конечно, не предполагали, что Съезд сейчас же, на первом же своем закрытом политическом пленарном заседании, должен объявить Уфимское Соглашение нарушенным и вообще объявить войну Директории. Наша цель была воздействовать на Директорию. До сих пор мы не упускали случая пытаться и устно, и письменно влиять на с.-р-ю часть Директории... Только что... председатель Съезда Вольский довольно резко предостерегал товарищей. Старался воздействовать... и Цент. Ком. партии, послав в этих целях в Омск творца Уфимского Соглашения — М. Я. Гендельмана, к этому времени уже настроенного против политики Директории» [с. 88]. Выжидая «удобного» момента, Съезд на практике весьма мало считался с распоряжениями, которые шли из Омска от имени Директории.

На прямое запрещение Болдырева формировать добровольческие части помимо военного министерства Съезд ответил отказом, ибо добровольческие части, организуемые в защиту У. С., не могли быть распускаемы Правительством. Приказ Болдырева направлялся не к Съезду, а к Совету управл. ведомствами бывшего Самарского правительства, который в Уфе как бы отправлял функции областного правительства и формировал добровольческие части согласно директивам Совета. Совет упр. вед. не подчинился распоряжению Болдырева с «ведома и одобрения Съезда...» «И что было весьма характерно, — добавляет эсеровский летописец, — ему предложило помогать в этой работе и высшее чешское командование» [с. 86].

В октябре размеры территории Совета упр. вед. — власть осуществлялась здесь 4 эсерами: Филипповским, Веденяпиным, Климушкиным и Нестеровым — ограничивались Уфой и окружающим районом. Несколько неожиданно самоликвидирующееся Правительство ожило и признало в качестве высшего политического органа Съезд У. С. Между Советом и Бюро Съезда установились са-

мые оживленные сношения путем посылок курьеров, корреспонденции и переговоров «по прямому проводу». С Бюро Съезда Совет сносился почти по всем главным вопросам. Действительно получалось самостоятельное правительство, обладавшее и собственной армией, и собственными деньгами (из парижского доклада Ключникова) и подрывавшее авторитет всероссийской власти. Поистине вся деятельность Съезда носила характер антигосударственный и по тем временам антинациональный. Никакая демократическая прикрышка не могла оправдать партийного политиканства. Это было только политиканство, ибо у Съезда, как мы увидим, не было никакой реальной силы. Более чем естественно, что при таких условиях направление деятельности Съезда вызывало к себе резкое отрицательное отношение даже со стороны элементов далеко не реакционных. В кругах же, действительно реставрационно настроенных и враждебных по существу всяким проявлениям со стороны так называемой «революционной демократии», видевших в проявлении коллективной воли лишь выражение мнений толпы, росло чувство прямой ненависти к тем, которые разрушали своей работой противобольшевицкий фронт. Широкая публика не могла разбираться в партийных нюансах — да и не было материала для этого.

В одних тонах обрисовывалась деятельность партии эсеров, и отношение к партии рикошетом переносилось к левой части коалиционной Директории, не всегда умевшей, как мне кажется, выбрать правильную тактику в сложной обстановке.

4. В Омске

Директория начинала действовать в совершенно исключительно трудных условиях. В значительной степени прав был б. управляющий Вед. ин. дел Правительства адм. Колчака Ключников, прибывший в Париж и делавший в июне 1919 г. доклад в среде Политического совещания: «Несмотря на видимое единодушие в момент избрания Директории, она покоилась на весьма непрочном основании». Прежде всего считали, что Директория

сама по себе недолговечна. Через два-три месяца ее сменил У. С., которому «никто не верит». Это замечание принадлежит уже Болдыреву [с. 66]. «Ее существованием, в сущности, мало кто интересовался», — добавляет с.-р. Колосов [«Былое». XXI, с. 250]. Общее мнение о Директории было «хуже чем отрицательное», должен признать, говоря об екатеринбургских настроениях, горячий сторонник Директории Л. А. Кроль [с. 140]. Приехавший в Омск адм. Колчак также слышит лишь отрицательные отзывы: казаки говорили, что «это есть представители партий, которые войдут в соглашение с большевиками и погубят Россию» [«Допрос». С. 155]. Так отливались в примитивном сознании просачивающиеся в Омск слухи. «Мне совершенно ясно, — замечает в Харбине 1 октября вечно будирующий Будберг, — что из смеси эсеровщины, думских пустообрехов и, естественно, настроенных очень реакционно офицерских организаций ничего, кроме вон и взрывов, не выйдет; из таких продуктов даже самые первоклассные специалисты по соглашательству ничего не сварят [XIII, с. 255]. Не верит Будберг Правительству, рожденному «торгом», и предсказывает, что «недовольные начнут подпольную работу».

При таких предзнаменованиях Директория прибыла в Омск 9 октября. Здесь она была встречена «без особых торжеств и помпы» [Серебренников. С.16]. И все-таки в черновике своего дневника Болдырев записал: «встреча царская». Вокзал был убран национальными флагами. «В вагон вошли командующий Сибирской армией ген. Иванов-Ринов, председатель Областной Думы Якушев¹, член

¹ Я не знаю, естественно или случайно произошло соединение делегаций. Гинс говорит, что Якушев, приглашенный на заседание блока, «поддавшись впечатлению горячих филиппик против него и Думы, публично покаялся» [I, с. 248]. Это «покаяние» как-то не вяжется с последующей деятельностью Якушева. Гинс довольно резко отзывался о председателе Сибоблдумы — отмечает, черду прочим, его слабохарактерность. Может быть, этой именно жертой и объясняются не всегда как будто последовательные поступки лидера сибоблдумских эсеров. Во всяком случае, в день 9 октября появление на перроне встречающих членов Директории Иванова-Ринова, Якушева и Серебренникова было только благоприятным симптомом, что вызывало негодование у некоторых эсеров.

Сибирского правительства Серебренников. Его «добро пожаловать» звучало как-то не особенно радостно. Приветствовал чешский уполномоченный Рихтер и многие другие. На перроне был выстроен чешский почетный караул — станция находилась в ведении их коменданта. Затем поехали по ветке в город. Станция Ветка декорирована национальными и сибирскими флагами. Площадка усыпана песком. Несколько арок; одна с надписью: «Добро пожаловать». Почетный караул от сибирских стрелков. В штабе армии был приготовлен чай и закуски. Отсюда поехали на парад, которому предшествовал торжественный молебен... Огромная толпа народа. Картина грандиозная. Давно не слышанные звуки «Коль славен», пришествии после молебна духовной процессии... Гремело ура... Затем Правительству были представлены высшие чиновники, представители городских и общественных организаций. Все шло чудесно. Официальная сторона безупречна» [с. 65–66].

Я подробно остановился на описании встречи потому, что против Сибирского правительства выдвигалось обвинение в демонстративном игнорировании Директории с момента ее переезда. Дело в том, что «квартиреры» Директории не нашли подходящего помещения и пришлось оставаться в вагонах на ветке. Это был «явный вызов», по мнению Болдырева (скорее, нераспорядительность в омской сутолоке). Много анекдотов, нервирующих слух членов Директории, распространялось по Омску — довольно типичному провинциальному городу. Очевидно, им придавали значение, если они попали на страницы мемуаров. «Дерзко ведут себя и отряды атаманов, — записывает Болдырев 15 октября, — Авксентьев рассказывал, будто Красильников, стоя подбоченясь перед поездом Директории, кому-то говорил: “Вот оно — воробьиное правительство — дунешь и улетит”» [с. 74]¹.

В первые же дни Директорию посетил ряд общественных делегаций — в том числе от омского отдела «Союза Возрождения России», местной группы тр.-энэсовской партии,

¹ У Кроля разговор с «кем-то» приобретает уже вполне реальные очертания [с. 143].

эсеров, «воленародцев» и Союза кооперативов. В своих воспоминаниях Болдырев излагает декларации, сделанные представителями общественных групп, посетивших Директорию, и *post factum* их комментирует. Болдырев считает эти декларации весьма характерными для настроений, господствовавших тогда в Омске. Характерны и комментарии Болдырева. «Возрожденцы» подчеркивали, что только в сибирской окраине заложены прочные основания государственного строительства, здесь власть сумела возвыситься над всякими партийными и иными соображениями. Выражая пожелание сохранить Админсовет, «возрожденцы» характеризовали Сибоблдуму как учреждение, не отвечающее ни принципам народопрравства, ни реальному соотношению общественных сил. Социалисты-революционеры также решительно отметали старое Уч. Соб. и Обл. Думу, называя их суррогатами представительных учреждений. Кооператоры подчеркивали заслуги Сибирского правительства, завоевавшего симпатии широких масс, и выражали надежду, что в борьбе Админсовета с Обл. Думой Всер. пр. не станет на сторону последней.

Членам Директории не понравилась лестная оценка Сибирского правительства, данная голосами демократической общественности Омска. «Административный Совет вел игру тонко, — замечает Болдырев. — Директория собиралась поглотить Вр. Сиб. пр., представлявшееся таким совершенным в оценке этой общественности». «Замысел» их «мы узнали весьма скоро» [с. 67—69].

К сожалению, Директория не отнеслась серьезно к предостерегающему голосу известной части демократических кругов сибирских, именно тех, которые одни и недвусмысленно могли бы поддержать Директорию. С предвзятостью подошла Директория к этому голосу, — недаром Авксентьев с иронией называл представителей блока «9 музами». Допустим, что Админсовет «вел игру тонко». Но если не тонко, то весьма последовательно вели свою игру те, которые шли под знаменем Сибоблдумы и Комитета У. С. И ими была применена ошибочная тактика дискредитирования тех слоев сибирской демократии, которые не поддерживали официальной линии партии с.-р. Дезавуируя демократичность блока, они

лили воду лишь на мельницу подлинных противников коалиционной работы буржуазных, демократических и социалистических элементов страны. Они доказывали тем самым, что Директория действительно является каким-то «досадным недоразумением», препятствующим естественной эволюции общественных отношений. Эту тактику дезавуирования проводили сибирские эсеры с момента, когда потеряли прежнее, быть может, несколько внешнее влияние в значительной части местной кооперации. Видные деятели кооперации, как мы уже отметили, пошли по линии, установленной блоком. В этом союзе были представители подлинной сибирской демократии. Между тем окружение Директории видело в поступках блока лишь стремление каким бы то ни было путем изжить Директорию [*Кроль*. С.152], а в статьях неофициального омского органа «Союза Возрождения» открывало какую-то систематическую кампанию против Директории [*Аргунов*. С. 32]. Кто возьмет на себя труд посмотреть «Зарю», тот легко убедится, что ничего подобного в действительности не было. «Заря» не была официозом Сибирского правительства, что впоследствии утверждал Аргунов, и не фальсифицировала общественного мнения, прикрывая свою антидемократичность социалистической этикеткой [*Зензинов*].

«В обстановке Омска нам приходилось быть скромными», — замечает Болдырев. В действительности же вы чувствуете излишнюю нервность в правительственных действиях, но отнюдь не скромность. Обвиняя Юг в чрезмерных претензиях за то, что там не желают считаться с организацией всероссийской власти, Директория подчас сама была не в меру претенциозна и самомнительна во внешних сношениях. Производит впечатление, что этой внешностью она как бы пытается заменить отсутствие подлинной власти и подлинного авторитета. В результате получилась какая-то голая формула, которая мало кого могла обмануть и свидетельствовала о какой-то «заносчивости», как выразился впоследствии в газетном интервью Вологодский.

Еще из Уфы, 2 октября, циркулярной телеграммой на имя российского поверенного в делах в Копенгагене за

подписью председателя Авксентьева и секретаря Кругликова новое «Всероссийское правительство» объявляло себя *urbi et orbi* избранным «всенародным собранием»¹ и преемником власти Временного правительства 1917 г. Русский народ, объединившись вокруг Вр. пр., борется для освобождения страны от большевицкой власти, существование которой покоится на германских и венгерских войсках. Всенародное собрание передало «верховную власть» на всей территории Государства Российского Директории. «Вследствие чего, — гласило циркулярное послание, — Вам поручается Вр. Рос. пр-ом осведомиться у Правительства, при коем Вы аккредитованы, признает ли оно нас единственной законной русской властью и готово ли аккредитовать своего дипломатического представителя при Вр. Рос. пр.». Такое заявление, пожалуй, было смешно в омской обстановке. Разговаривая с Авксентьевым по прямому проводу из Владивостока (до переезда Директории в Омск), Вологодский предупреждал его: «На Дальнем Востоке международное положение в общих чертах рисуется так. Союзники желают иметь перед собой определившееся правительство, поэтому отношение к всероссийской власти пока очень сдержанное. Они с появлением этой власти видят очередные фигуры в нашем многовластии и поэтому очень осторожны. Сиб. правительство с большими усилиями достигло положения более или менее сносного, и, не признавая его как суверенное, считались с ним как с фактически завоевавшим себе международное положение. Поэтому в переговорах с ними мне приходится всеми силами сохранять позиции Сибирского правительства как величины, с которой так или иначе считаются. Должен сознаться, что таинственная история в Омске² несколько поколебала основы, положенные нами». «Поэтому я и впредь буду исходить из этого соображения значения Сибправительства и всероссийской власти», — с от-

¹ Этот термин часто употреблялся потом (см., напр., статьи Маевского после омского переворота). Конечно, в значительной степени прав А. И. Деникин, отмечающий, что Уфим. Совещ. не могло претендовать «на демократичные способы своего избрания».

² Имеется в виду сентябрьский конфликт.

кровенностью говорил Вологодский, рисуя наличную обстановку. На это Авксентьев отвечал: «Иностранцы могут видеть какую угодно фигуру во Всероссийском правительстве, ибо это их дело, но мы добьемся признания, так как от России и ее областей с иностранцами должно говорить только Всерос. правительство. Правительство поручило мне просить вас представлять именно Российское правительство и до конца уяснить нашу точку зрения»¹. Все это красиво, но и только, в момент, когда, по признанию самого Авксентьева, земля горела под ногами.

Демократическая коллегия, желавшая представлять из себя «коллективного монарха», вообще склонна была к авторитарным приемам, забывая, что истинная авторитарность не определяется внешней показной стороной. В этом грехе обвиняет Директорию не кто иной, как один из ее членов, Вологодский [интервью в «Заре», № 6]². Авторитарность подчас проявлялась действительно не к месту. Вот, например, беседа Зензинова с журналистом. Представитель Директории — «Его однопятое величество» — говорит, что никакого насаждения частноземельной собственности не будет допущено — «пусть это зарубят у себя на носу реставраторы старых порядков». Можно было бы не поверить этому интервью, если бы оно не было напечатано в «Вест. Рос. Пр.» от 13 ноября. Это безапелляционное заявление делается тогда, когда Директория доживала уже последние дни, когда весь Омск говорил о необходимости диктатуры как единственного выхода из создавшегося положения, а представитель Англии, сэр Эллиот, посетив Мин. ин. дел, больше всего интересовался вопросом: может ли власть гарантировать владение земельной собственностью (из официальной переписки). Отсюда, очевидно, и вытекли наблюдения Болдыре-

¹ Надо сравнить эту беседу с речью Авксентьева, правда, в изложении Святицкого, на упомянутом выше эсеровском совещании.

² Мемуаристы утверждают, что Директория ввела титулование: «Ваше Высокопревосходительство». Для демократии у власти это вообще характерная черта. Гинс рассказывает совершенно юмористические вещи о претензиях тов. мин. вн. дел эсера Михайлова. Майский то же рассказывает про Роговского и т. д.

ва, которому Зензинов представлялся всегда пишущим передовую статью в партийной газете! Его особенно ненавидели омские общественные круги — добавляет Болдырев: «платился за грехи партии» [с. 69].

«Все мы желали добра стране»... Никто не будет оспаривать этих слов Болдырева [с. 54]. Здесь нет сомнений. И житейски можно понять тяжелые переживания временного председателя Вр. Всер. правительства Н. Д. Авксентьева, писавшего своим товарищам на Юг: «Вы чувствуете, что вас здесь используют. Вы говорите против большевиков и оказываетесь в липких руках людей, которые хотят задушить не только большевиков, но и социализм. Вы скажете о реакционности антибольшевицких образований — ликуют господа, называющие Ленина и Троцкого товарищами. И самое ужасное, что до России, до ее горя, стремлений дела никому нет. На спине России ведут свою домашнюю борьбу одинаково и правые и левые». «Справа не оценили стойкости Авксентьева», — говорит Кроль [с. 156]. Так, вероятно, это и было. Но беда Директории в том, что она не сумела или не смогла взять определенного и твердого курса. Ее «левая» часть боялась порвать со своим партийным прошлым, которое в настоящем становилось тяжелым придатком. Как мудры были те, которые на Уфимском Совещании рекомендовали членам Директории выйти на время из состава партии. При устранении формальной связи само собой устранились бы многие из позднейших обвинений. Не могла бы претендовать и партия на некоторое хотя бы преимущественное к себе внимание со стороны членов Правительства из своего состава¹.

¹ В Уфе ограничились официальным оглашением представителями партий обязательства, согласному которому они не имели права отзываться из состава Правительства своих членов, не имели права оказывать на них воздействия (!!), не имели права требовать от них отчета в их действиях. «Члены Правительства, — писал Зензинов в своей статье «Правда о неправде» в апреле 1919 г. в парижском «Общем Деле», — по воле всех участников Уфимского Совещания должны были быть совершенно свободны и независимы в своей деятельности» [«Гос. Пер.». С. 187]. Долженствующее не всегда совпадает с сущим. Так было в дни

Левая часть Директории все же оставалась загнипнотизированной демократическими формулами и болезненным страхом грядущей контрреволюции. Это лишило Директорию возможности аналитически разобраться в сибирских делах и найти опору и в Сибирском правительстве, и в тех кругах местной общественности, которые поддерживали это Правительство¹. Без опоры Директория должна была носиться по волнам стихии, подчас как ладья без руля.

Директории с партией с.-р. Следует обратить внимание на то, что указанные партийные обязательства были оглашены только в Согласительной комиссии — в той лаборатории, в которой протекала вся основная работа Совещания (протокол комиссии 22 сентября). К сожалению, эта работа в значительной степени оставалась работой закулисной и теряла свое общественное значение. По словам Святицкого, на Совещании членов У. С. в Екатеринбургe «произвело фурор» оглашение выдержек из протокола заседания Согласительной комиссии, где Гендельман от имени партии давал как бы обязательство, что «У. С. данного состава по своему созыве ограничит свою деятельность «национальными» задачами обороны страны, восстановлением государственного единства и организацией новых выборов в новый парламент». «Огромное большинство членов Съезда возмутилось, что именем партии было совершено неправомерное покушение на права У. С. Несомненно, если бы вся фракция об этих «оговорках» в Уфе знала, то никакого соглашения там не состоялось бы»... «Теперь же мы заявили, — добавляет Св., — что отнюдь не признаем заявлений, сделанных Гендельманом от нашего имени, но без нашего ведома» [с. 57].

¹ По словам Майского [с. 340], Зензинов объяснял нерасположение сибиряков к Директории тем, что сибиряки почти все сплошь областники, а Директория является носителем идеи всероссийской власти. Конечно, дело было не в этом. Если позднее звучали такие мотивы, то, скорее, это придуманная аргументация для оправдания постигшей неудачи. Такие мотивы звучали в речи А. В. Сазонова в приморском Народном Собрании (1921). Успехи Сибирской армии им объяснялись энтузиазмом освобождения Сибири. «Но вот к нам пришла Директория, а вместе с ней и масса беженцев из Европ. России, она к нам принесла мысль о том, что надо строить все в широком всероссийском масштабе. Этим убили энергию, убили подъем духа в сибирском населении и в Сибирской армии» [«Вольн. Сиб.». II, с. 177—180].

Попутно уже приходилось отмечать штрихи для характеристики сибирской общественности, и впредь придется еще много раз это делать. Я не наблюдал ее непосредственно. По документам и материалам, симпатии относишь к тем демократическим кругам, в центре которых были областники-кооператоры, которые в период Сибоблдумы были на ее как бы правом фланге, которые в конфликте с ней поддерживали Админсовет, в дни Директории были ее «девятью музами», а после 18 ноября сочли необходимым во имя национальных интересов России поддержать новую власть. В тактике блока были, вероятно, ошибки. Но общая его линия не уклонялась от среднего пути — она, по моему мнению, была последовательно государственной.

5. Организация власти

17 августа Авксентьев, незадолго перед тем прибывший из Советской России, дал газетное интервью с общей оценкой деятельности Сибирского правительства [«Сиб. Вест.», № 2]. Он указывал, что политическая линия Сибирского правительства, поскольку он познакомился с декларациями, «государственна, глубоко выдержана и правильно намечена»... Такая оценка косвенно осуждала уже тактику Сибоблдумы. Возможно, что для Авксентьева это интервью было лишь одним из первых шагов политики «обволакивания». Но многие усматривали в некоторых последующих выступлениях Авксентьева противоречие и объяснили это влиянием партийных кругов.

С переездом в Омск основным вопросом для Директории являлось создание правительственного аппарата центральной власти. Надлежало, использовав существовавший административный аппарат, размежеваться с ним в сфере центральной и областной. Сибирское правительство, которому было подчинено $\frac{3}{4}$ территории, вызволенной из-под большевицкой власти, не могло при доброй воле так легко формально самоупраздниться, как это сделало (в сущности фиктивно) Самарское правительство, почти лишенное территории и не имевшее налаженного административного аппарата (общее признание).

Сибирское правительство, с установившимися в известной степени внешними сношениями, не могло быть так легко ликвидировано, как вновь образовавшееся Уральское правительство — скорее характера земской власти, нежели правительство с государственными функциями. Директория не сумела, в сущности, найти целесообразного и достойного выхода. Месяц переговоров с Сибирским правительством, — месяц нудного топтания на месте, раздражающих споров и компромиссов, приводивших очень многих к сознанию, что из сожительства Директории и Сибирского правительства ничего не выйдет. В своих показаниях адм. Колчак свидетельствует: «Я вынес впечатление, что армия относится отрицательно к Директории, по крайней мере в лице тех начальников, с которыми я говорил. Все совершенно определенно говорили, что только военная власть может теперь поправить дело, что такая комбинация из пяти членов Директории, кроме борьбы, интриг, политической розни, ничего не дает и не даст и что в таком положении вести войну нельзя». Особенно резко говорил ген.-майор Пепеляев: «С моей точки зрения, совершенно безразлично, кто будет вести дело войны, но я считаю, что из комбинации Директории с Сибирским правительством ничего не выйдет хорошего» [с. 166].

Вредная атмосфера борьбы разрушала необходимое единство и соглашение. Кто в этом виноват? Допустим, что обе стороны. Но, во всяком случае, на стороне Сибирского правительства было то, что ему приходилось уступать чему-то неизвестному. В политическую игру входил еще третий партнер в лице представителей фактически не существующей Сибоблдумы: Якушев в беседе с Вологодским по прямому проводу определенно заявлял, что передача функций Сиб. правительства может быть сделана только актом Совета министров Вс. пр. по соглашению с Думой.

В цитированной выше беседе с Авксентьевым Вологодский из Владивостока убеждал своего собеседника в необходимости сохранить в том или ином виде Сибирское правительство, по крайней мере хоть временно. Вологодский отчасти мотивировал это необходимостью получить заем в 200 млн руб., который дается союзника-

ми Сибирскому правительству «на удовлетворение неотложных текущих нужд» и под честное слово его, Вологодского, и кн. Г. Е. Львова. Авксентьев, как мы знаем, на это отвечал: «Заклучайте заем от имени Вс. пр.» — и говорил об использовании «аппарата Омска и Самары в его нужных частях»... Мне кажется естественным, что Вологодский хотел закончить переговоры в тех пределах, в которых они велись уже достаточно долгое время. Видеть здесь особую интригу и проявление сепаратизма со стороны Вологодского едва ли правильно. Во всяком случае, Вологодский, дав согласие на участие в Директории, не продолжал вовсе хлопотать о признании союзниками Сибирского правительства, как утверждает Аргунов [с. 31]¹. При общем недоверии к Директории подсознательно могло возникнуть опасение за сохранность Сибирского правительства. Что получится взамен его? Боялись той «свиты» из членов У. С., которая сопровождала Директорию. Боялись не только того, что «деловой аппарат будет составлен из людей, не обладающих надлежащими техническими знаниями и административным опытом», — но и того, что эсеры, фактически придя к власти, «разрушат достигнутые Сибирью результаты в государственном строительстве». Призрак Сибоблдумы выступал перед деятелями Адм. Совета. Сообщая Вологодскому эти опасения, Михайлов закликает предсовмина всемерно воздействовать на Всероссий. правительство. Со своей стороны Гинс телеграфирует в Админсовет: «Добиться положительных результатов возможно только при условии устойчивости сибирской власти. Малейшие колебания вызывают здесь пересуды, раздуваются события, порождаются невероятные слухи. Союзники не верят во всероссийскую власть. Во избежание неорганизованности необходимо приостановить реконструкцию хотя бы на неделю, пока разрешится вопрос о займе двухсот миллионов, затем судьба железных дорог, которые отстаиваем от покушений американцев, доставка снабжения для стотысячной армии, что обеща-

¹ Это было, пожалуй, мнение большинства членов Директории. По крайней мере, Болдырев счел необходимым предостеречь Иванова-Ринова от дачи подписи под сепаратным соглашением Сибири с союзниками [с. 67].

ют англичане, отправка во Владивосток невыкупленных военных грузов, охраняемых иностранцами. Все это, более или менее налаженное, погибнет. Утверждаю, что в интересах общегосударственных необходимо сохранить неприкосновенным сибирский аппарат... Дождаться приезда Совмина для проведения реконструкции»...

Так ли были необоснованны все эти суждения? Директория своими первыми шагами, во всяком случае, не давала основания для опасений Админсовета в смысле какой-либо партийности правительственного аппарата. Еще в Уфе Директория пригласила Старынкевича на пост министра юстиции, проф. Сапожникова на пост министра народного просвещения и Устругова на пост министра сообщений в Центральном правительстве. Бывший с.-р. Старынкевич уже был в составе Админсовета, равно и Сапожников, Устругов входил в хорватовское Правительство. Следовательно, здесь соблюдено было как будто бы полное политическое беспристрастие¹. Но атмосфера взаимного недоверия и недоброжелательства была слишком насыщена².

Левые члены Директории не были склонны сотрудничать с Админсоветом в целом ввиду его репутации в партийных кругах. Конечно, в установлении этого факта Гинс прав [I, с. 263]³. Но так или иначе по неизбежности приходилось использовать единственный деловой аппарат Сибирского правительства. «У нас нет кандидатов, ко-

¹ Велись переговоры и с сибирским министром проф. Гудковым.

² Уколы самолюбия возникали по всякому поводу. Члены Всероссийской Директории не считали нужным по прибытии сделать визиты местным министрам. Те обижались. В результате подчеркнутое как бы игнорирование Директории, члены которой не приглашаются 22 октября на официальный завтрак в Мин. ин. дел, где присутствуют представители иностранных миссий [Болдырев. С. 81].

³ Этим, вероятно, отчасти объясняется противодействие, которое оказывает Сиб. правительство переходу своих членов в состав Центр. правительства. Это «политическая ошибка» — телеграфирует Гинс из Владивостока. Этим ослабляется влияние Сибири. Возможно только принятие членами Сиб. правительства на себя исполнения обязанностей всер. министров.

торых мы можем противопоставить омским министрам», — откровенно сказал Авксентьев Кролю [Три года. С. 145]¹.

12 октября, т. е. через три дня после приезда Директории в Омск, в отсутствие еще Вологодского (и это ставили в вину Вологодскому — видели здесь сознательное уклонение, проявление выжидательной политики) состоялось совместное заседание Директории и Админсовета. Следы этого, по-видимому, достаточно бурного заседания имеются в воспоминаниях различных его участников. Серебренников пишет:

«На этом совещании членам Директории, Авксентьеву и Зензинову, пришлось выслушать немало неприятных слов со стороны сибиряков, опасавшихся грозных последствий партийной гегемонии эсеров. Авксентьев, в свою очередь, делал какие-то глухие предостережения сибирякам, указывая на то, что за Директорией стоят силы, которые сумеют за нее постоять, это были, очевидно, намеки на чехословаков. После бурных прений, проходивших в недружелюбной атмосфере², совещание пришло все же к определенным решениям. Эти решения состояли в том, что Сибирское правительство прекращает свое существование, избирается Совет министров Всероссийского правительства, но формирование Совета министров определяется совместно Всероссийским и Сибирским правительствами по обоюдному соглашению.

¹ Нужных людей не было и в Сибири. Кроль, сам сознающийся, что его считали слишком пристрастным в отношении Сибирского правительства, говорит, что сибиряки умели пускать пыль в глаза своей «помпой» [с. 135] и этим производили впечатление на Авксентьева и Болдырева. Но другого выхода просто не было. Потому несколько непонятны слова Болдырева, который признает пагубной мысль об использовании сибирского Совета министров, выдвинутую впервые в Уфе проф. Саложниковым.

² Болдырев добавляет: «Заявление Авк. вызвало крайне резкие нападки министров Петрова (земледелия) и Михайлова. Я принужден был выступить и несколько охладить эти горячие головы заявлением, что меня удивляет тон нотаций и непрошеной критики по адресу всероссийской власти. Настроение сразу понизилось, боевой задор исчез, были сделаны конкретные предложения» [с. 69].

«Сибиряки этим как бы говорили Директории: Да! Мы готовы, в силу решения Уфимского Совещания, упразднить Сибир. правительство, передать вам весь налаженный с таким трудом правительственный аппарат этого Правительства, но мы должны быть уверены, что все, созданное нами, не погибнет и аппарат получит надлежащее руководство. Гарантию этой уверенности мы можем иметь только тогда, когда мы примем участие в деле формирования вами нового все-российского Совета министров и когда без нашего одобрения не будет назначен ни один министр. Если вы готовы сделать нам эту небольшую уступку, то мы готовы на весьма большое самопожертвование — упразднение Сибирского правительства» [«Сиб. Ар.». I, с. 16–17].

В «дневнике» Зензинова, записи которого цитирует Гинс, добавляется: «От нас потребовалось много выдержки и хладнокровия. В результате мы пришли к такому соглашению все против Н. Д. Авксентьева, который настаивал на ожесточенной борьбе с Административным Советом... Административный Совет устами Михайлова выразил свое «глубокое удовлетворение» решением Вс. пр. Посмотрим, где здесь политический задний план, где искреннее желание сохранить результаты своих работ» [I, с. 265–266].

После совещания с Админсоветом происходило заседание Директории. О нем Болдырев говорит: «Авксентьев неимоверно волновался, говорил, что предложения эти — капитуляция для нас, что надо рвать. Ему резонно возразили: а потом что? Что выиграет от этого дело возрождения России? Спорили долго и горячо. В конце концов согласились признать приемлемыми предложения сибиряков» [с. 70]¹.

18 октября приехал в Омск Вологодский. При обо-стренных отношениях каждый шаг, каждая мелочь ставится на учет. Вот как описывает Болдырев первую встречу: «Утром прибыл П. В. Вологодский. Встречала исключительно Сибирь. Нам официально не сообщили о часе приезда, а потому никого от нас не было. Конечно, это произвело неприятное впечатление и пошло нам на ми-

¹ Подробно эти «тезисы-условия» изложены у Гинса [I, с. 269–270].

нус. Авксентьев поехал было, но Вологодского уже не застал на вокзале. К Вологодскому поехал Кругликов — был принят сдержанно. Вологодский обещал приехать в Правительство к 2-м часам, но потом позвонил, что ему предварительно надо сходить в баню — явная отплата за наше отсутствие при встрече. Прием — не лишенный чисто местного колорита. Мне это даже понравилось, но Авксентьев очень взволновался. Он временами близок к истерике» [с. 76]...

Следить за всеми перипетиями переговоров и борьбы мы не будем. Действительно, она была тосклива и давала печальную картину русской общественности в ответственный момент жизни страны. Все эти заседания сам Болдырев характеризует так: «обычное бесплодие» [с. 78]; «начинаю тяготиться этой болтовней и взаимобоязнию» [с. 80]. Директории казалось, что Сибирское правительство склонно поставить новую всероссийскую власть «на положение английского короля», а между тем Директория, стремясь быть «коллективным монархом», желала быть «монархом самодержавным, а не конституционным» [слова Вологодского в интервью «Св. Кр.», № 158, 1919, 22 янв.]. Нервничал в этой обстановке не один Авксентьев. «Все эти переговоры и трения, — пишет Серебренников, — настолько утомили и нервно измотали и без того слабого здоровьем Вологодского, что он стал походить более на мертвеца, чем на живого человека» [с. 20]¹.

Споры шли теперь не в области принципов, а лишь в сфере практического разрешения принятого соглашения. Надо было распределить министерские портфели и решить вопрос об Облдуме, роспуск которой вполне логично являлся условием самороспуска Правительства. Левая часть Директории была в этом отношении несколько затруднена, ибо, по словам Якушева (беседа с Вологодским по прямому проводу), дала гарантию возобновления деятельности Облдумы. Очевидно, по соглашению с Якуше-

¹ Между тем Гинс [I, с. 267] дает такой образ Вологодского: «Здоровая уравновешенность его природы выражалась в поразительном спокойствии. Он никогда не проявлял ни торопливости, ни раздражения, ни страха. Своим спокойствием и выдержкой он иногда обезоруживал, а иногда обескураживал горячие головы».

вым была выдвинута комбинация самороспуска Думы, для чего ее надо было собрать, а это вызывало решительный протест со стороны как Админсовета, так и значительной части сибирской общественности. 24 октября Болдырев записывает: «Заседание Правительства началось довольно бурно по вопросу о самороспуске Думы. Я был определенно против этого нового осложнения. Вологодский сначала угрожал было ультиматумом, т. е. если мы Думу соберем даже для самороспуска, то они разгонят ее своим указом... Однако ультиматум был очень резко встречен с нашей стороны, и Вологодский уступил» [с. 83—84]. 26 октября... «В 7 час. Я был приглашен на заседание Адм. Совета... Авксентьев состязался с сибирскими министрами по вопросу об открытии Обл. Думы. Я оставался на своей старой позиции — роспуска ее одним актом, одновременно с упразднением Сибир. пр., но предлагал сибирякам подумать, отвергая предложение Авксентьева о созыве Думы для самороспуска, особенно ввиду выявившейся симпатии чехов к этому «политическому трупу», как называли Думу ее враги» [с. 85].

Официальный документ Сибирского правительства — зашифрованная телеграмма представителю Правительства на Д. Востоке Гревсу — несколько по-иному освещает картину заседания: Сибпривительство, возражая на проект созыва Облдумы на один день в целях самороспуска, указывало на невозможность созыва Думы, объявленной Сибпривительством «низложенной», находило созыв Думы «бесцельным, опасным, подрывающим авторитет Правительства». Всеросправительство большинством трех против двух (Авксентьева и Зензинова) согласилось с Сибпривительством. Авксентьев и Зензинов заявили о выходе из состава Директории. Вмешался чехосовет в лице уполномоченного Рихтера, потребовав созыва Думы и грозя в противном случае уходом из Сибири чеховойск. Тогда Сибпривительство уступило.

Одновременно шли и острые разногласия о составе будущего Совета министров. Вся омская общественность так или иначе реагировала на споры, которые шли в правительственных сферах. Горячо обсуждал каждую кандидатуру «блок». «Днем и вечером, — рассказывает Гинс, — происходили совещания, на которые приглашались и

представители Сибирского правительства. На одном из заседаний был даже Вологодский. Блок наседа на него, добиваясь его настойчивости и решительности в отстаивании кандидатур» [с. 273]. Происходили заседания «Нац. Союза», или «Священного Союза», как называли белоруссовскую организацию между собой члены Директории. Собирались отдельно кадеты¹.

«Не обширен был круг лиц, среди которых можно было вербовать кандидатов в министры, — замечает Гинс. — Промелькнули случайные лица, как, например, Савинков, пробравшийся в это время в Сибирь и показавшийся подходящим человеком для заведывания иностранной политикой, но сейчас же устранный из числа кандидатов энергичными возражениями Авксентьева...

В большинстве случаев выбирать приходилось, однако, либо «сибирских», либо «самарских» министров...

Со стороны Директории были предложены в министры: Колчак (военный и морской), Ключников (по иностранным делам), Сапожников (народное просвещение), Старынкевич (юстиция), Устругов (пути сообщения), Роговский (внутренние дела), Майский (вед. труда)².

Сибирское правительство возражало против Роговского и Майского, выдвигая вместо первого Михайлова, вместо второго Шумиловского»... [с. 274].

Как видим, Гинс утверждает, что кандидатура адм. Колчака, приведшая в особенное негодование екатеринбургских эсеров, была выдвинута Директорией. Кандидатура эта имеет уже свою маленькую историю. Колчак

¹ В обывательских же кругах создавалась вредная атмосфера пересудов на тему «Кто кого съест». Эти разговоры в «коммерческом клубе» отмечает Кроль, причем в общем отзывы о Директории были «мало лестные» [с. 144].

² Между Майским и Зензиновым по поводу кандидатуры первого произошла некая полемика. Зензинов [«Дни», 1923, № 86] отрицал свои переговоры с Майским о занятии поста министра труда, на чем настаивал Майский. Полемика эта представляет, конечно, мало интереса. Интересно лишь то, что, по словам Зензинова, кандидатура Майского, предложенная им и Авксентьевым, была отвергнута остальными членами Директории [Майский. С. 313].

на допросе показал, что переговоры с ним вел Болдырев, вызвавший его по собственной инициативе, узнав о его приезде в Омск. Болдырев убеждал Колчака на Юг не ехать и войти в состав Правительства. Колчак сначала ответил отказом, ссылаясь на то, что он специалист по морскому ведомству. На повторные убеждения Колчак ответил: «Я дам вам окончательный ответ только тогда, когда я выясню себе, что, собственно, мне придется делать, какие взаимоотношения будут у меня с вами — командующим армией и со всеми теми войсками, которые находятся на территории Сибири... Я ставил еще одно условие... Я человек посторонний и считаю необходимым в ближайшее время поехать на фронт для того, чтобы лично объехать все наши части и убедиться в том, что для них требуется»¹. Следовательно, совершенно неверно утверждение Святицкого в брошюре «Реакция и народ» [с. 18], что Колчака пригласил Вологодский и что Директория безуспешно пыталась бороться против этого назначения. Серебренников подчеркивает, что кандидатура Колчака «не вызвала ниоткуда возражений». «Мне помнится, — добавляет он, — особенно настойчиво выдвигал его кандидатуру Авксентьев» [с. 19]². Отсюда со-

¹ Надо иметь макиавеллиевскую хитрость, которая столь несвойственна была характеру Колчака, чтобы таким путем заранее подготавливать себе поездку на фронт, которая должна была привести к диктатуре. В этом обвиняли будущего «диктатора». У Колчака не было предубежденности против Директории. 1 октября он писал Алексееву: «Я не имею пока собственного суждения об этой власти, но, насколько я могу судить, эта власть является первой, имеющей все основания для утверждения и развития» [Деникин. III, с. 190]. Лицо, одно время близкое к Колчаку и присутствовавшее почти при всех переговорах, подчеркивает в письме ко мне, что отношение адмирала к Директории если и не было «восторженным», то «безусловно лояльным».

² То же утверждает Болдырев [с. 82]. За кулисами были возражения против кандидатуры Колчака. Возражало окружение Иванова-Ринова — тогдашнего военного министра. Кроль говорит о возражениях, которые были в среде к.-д. Выступил против Востротин, бывший вместе с Колчаком в хорватовском Правительстве. Востротин отмечал личную неуравновешенность назначаемого кандидата. Истинная подкладка, по мнению Колосова,

вершено очевидно, что предположение о каком-то давлении со стороны «одной союзной державы» на назначение Колчака надлежит отбросить.

Итак, соглашение на кандидатурах налаживалось. Страстные споры возникли главным образом около имен Михайлова и Роговского. Наиболее острыми были те заседания 27–29 октября, о которых уже упоминалось: Сибирское правительство настаивало на кандидатуре Михайлова и отвергало кандидатуру Роговского, как «партийного с.-р.», на пост тов. мин. вн. дел, ведающего милицией, «не возражая против Роговского на другом посту». Левая часть Директории решительно отвергла какую-либо кандидатуру Михайлова. О том, что происходило на заседании Директории, рассказывает Болдырев. Вологодский заявил, что «вопрос о кандидатуре Михайлова на пост министра вн. дел, под давлением местной «общественности» (кавычки Болдырева), считается безусловным. Авксентьев заявил о выходе из Правительства, после горячей речи его поддержал в этом решении Зензинов. О невозможности оставаться в Правительстве высказался и Виноградов. Смущенный Вологодский заявил, что ему остается, видимо, одно — отказаться от миссии составления Совета министров. Авксентьев со свойственной ему экспансивностью решил идти в солдаты, в армию, которая не занимается политикой. «Таким образом, — заключает Болдырев, — распад Вр. Вс. пр. и распад бесславный» [с. 86]. Отмечает Болдырев в своем дневнике, между прочим, давление, которое оказывается на Директорию извне: «Виноградова все время вызывали уполномоченный чеховоиск Рихтер и члены упомянутого выше «Священного Союза»».

Настроение, царившее в Административном Совете, передает имеющийся у нас официальный документ —

заклучалась в том, что сибирские к.-д. и областники уже с августа во всероссийские правители проводили Хорвата. Чтобы приобщить Хорвата к «областничеству», организовалась даже поездка самого Потанина на Восток [«Былое». XXI, с.251–252]. Информация Колосова вызывает сомнения. Указанное выше лицо, давшее мне много сведений о сибирском периоде деятельности Колчака (оно просило меня пока в печати имени не упоминать), всецело подтверждает слова Серебренникова.

шифрованная информация Гревсу. «Соглашение, несомненно, было бы достигнуто, — передает она, — если бы во время заседания Адм. Совета не явился член чехосовета Кошек, требуя именем чехосовета исключения из списка мин. финансов Михайлова, грозя уходом из Сибири чеховойск». «При таких условиях, — продолжает сообщение, — всякое правительство становится игрушкой в руках чехов, а через них с.-р., с которыми чехосовет тесно связан, давая им обещания, окрыляющие их». Гревсу поручалось выяснить отношение представителей иностранных держав к вмешательству чехов во внутренние дела — «согласуется ли желание чехов уйти из России, придравшись к любому поводу, (с) видами союзников». Присутствующий на заседании Колчак в своих показаниях говорит, что вмешательство чехов определило его позицию и было императивным в том смысле, чтобы поддержать кандидатуру Михайлова [«Допрос». С. 163].

Можно почти не сомневаться, что вмешательство чешских представителей, появление Рихтера и Кошека у Вологодского и членов Директории, было в значительной степени инспирировано. Ясно, что действовавшая за кулисами рука тянулась так или иначе к Екатеринбург. Что это было именно так, подтверждает рассказ много вообще разболтавшего Святицкого. «Из разговоров по поводу и главным образом из писем... мы узнали следующее, — рассказывает он. — И Авксентьев, и Зензинов и слышать не хотели об оставлении у власти Михайлова... Но Сибирское правительство заявило, что в вопросе о Михайлове оно ни в коем случае не уступит. В переговорах Директории с Сибирским правительством готовился таким образом разрыв. Разрыв этот неизбежно должен был закончиться спором оружия — другого исхода не было. Директория знала, что сибиряки приготовились уже к ее аресту (?!). У самой Директории воинской силы не было, но при желании она могла получить ее — это был отряд чехословаков... Последних было в Омске до 3-х тысяч человек. И чехи дали понять, что они к услугам Директории и в два часа расчистят Омск от всей реакционной сволочи, как они выражались... Фактически перевес силы мог быть, таким образом, у Дирек-

тории. Но для этого она должна была решиться действовать, не боясь вступления на путь гражданской войны с реакцией. Однако решимости-то у нее и не было. Директория состояла, во-первых, не из одних Авксентьева и Зензинова, а во-вторых, даже эти последние не решились приступить к активным действиям. Рассказывают, что, когда их спросили, почему они не хотят прибегнуть к помощи чехов, от них получен был следующий поистине удивительный ответ: «Невозможно, чтобы Директория утвердила свою власть с помощью «иностранных» штыков». Когда мы в Екатеринбурге узнали об этом, мы только руками развели» [с. 63–65].

Из изложения Святицкого столь определенно явствует, что в Омске в эти дни споры могли бы быть разрешены силой оружия. Что же это, поклеп «ренегата»?¹ Обратим внимание, что Болдырев, по словам Колчака, пытавшийся все время быть примиряющим началом между двумя борющимися группами, усиленно подчеркивает при убеждении противников возможность осложнения у чехов, что в связи с ростом большевизма и в стране и на фронте может погубить дело возрождения России [с. 86]. Достаточно осведомленный Кроль определенно говорит: «Чешский гарнизон, «как известно», предлагал арестовать по первому приказу Директории Сибирское правительство» [с. 143]. Осторожный в утверждении фактов Серебренников свидетельствует в своих воспоминаниях: «Как я уже потом узнал, в эти дни действительно делались предложения о том, чтобы прекратить правительственный торг

¹ «Ренегатом» именуют Святицкого некоторые зарубежные эсеровские публицисты, пытаясь этой терминологией опорочить сведения, которые я привожу в своей книге из воспоминаний Святицкого. Подобная кличка не совсем подходит к Святицкому, ибо он все же не пошел в лагерь коммунистов. Отмечу, что Чернов, картинная позиция которого близко подходит к точкам зрения, излагаемым Святицким, отмечая субъективизм мемуаров Святицкого, признает, что эта книга «не лжива», следовательно, более или менее точно передает, что происходило в партии за кулисами. В свое время в Москве мне были переданы для архива «Голоса Минувшего» письма-донесения Святицкого по партийной линии. Расхождения между письмами и мемуарами нет.

силой вооруженного вмешательства. Один из членов партии с.-р. рассказывал впоследствии мне, что он участвовал в переговорах с чехословаками относительно возможности с их стороны устройства переворота в Омске, свержения Сибирского правительства и предоставления всей полноты власти Директории. Чехословаки будто бы дали свое согласие на это, все зависело далее от санкции Авксентьева, который, однако, не решился прибегнуть к силе оружия. Не берусь утверждать, верно ли все это, так как не имею в своем распоряжении никаких документальных доказательств» [с. 18]. Есть ли сомнение в подлинности рассказанного? Сделанные сопоставления как будто бы достаточно убедительны. Можно усомниться только в некоторой агрессивности чехов (или, точнее, в инициативе с их стороны), которая как будто бы выступает в изложении некоторых мемуаристов. Поэтому важно свидетельство Ракитникова, по взглядам довольно близкого Святицкому, что именно чехи, в конце концов, советовали эсерам пойти на компромисс ради сохранения Правительства [«Сибирская реакция». С. 17]. К чести Авксентьева и Зензинова надо сказать, что они не солидаризировались с мнениями интернационалистов «черновцев» в Екатеринбурге, — их психология, достаточно национальная, была действительно иной. Майский, пытавшийся, по его словам, со своей стороны убедить Авксентьева в необходимости «действовать», получил ответ: «Во всяком случае, я не возьму на свою совесть разнуздывание гражданской войны внутри антибольшевицкого лагеря». «Так говорил не мальчик, не юноша, а умудренный опытом политический деятель», — резонерствует бывший марксист [с. 311]¹. От Авксентьева Майский отправился к Зензинову, которого считал «человеком более левого уклона» и у которого надеялся найти «больше сочувствия» своим планам. Зензинов ответил: «Я не считаю возможным нарушить то соглашение, которое с таким трудом было достигнуто в

¹ В противоречие с этой репликой Майский одновременно утверждает, что Авксентьев ему сказал: «Мы с Зензиновым пошли бы на такую комбинацию (опереться на чехов). Болдырев же категорически возражает против втягивания иностранцев в наши дела».

Уфе и которое мы клялись свято соблюдать. Если Директория распадется, Россия погибла» [с. 312].

«Действовать» Авксентьев и Зензинов «не решились». Не решились и выйти из состава Директории, как они «в первый момент предполагали сделать». «Подумают, что струсил. Придется испить чашу до дна», — будто бы сказал Зензинов. «Мы — мученики компромисса... Бывают и такие мученики, и, может быть, они особенно нужны России» — такие слова в уста Авксентьева вкладывает Майский [с. 326]. Не знаю, приводили ли они такую аргументацию; более реалистичные мотивы выставил Кроль: «Они чувствовали слишком ясно, что весь вопрос — в них: стоит им уйти из Директории, и омская общественность примирится с Директорией из Болдырева, Виноградова и Вологодского. Вопрос о своем уходе, в целях сохранения Директории, Авксентьев и Зензинов в частном порядке и поставили. Но тогда о намерении уйти одновременно с ними заявил и Виноградов. Мотивом такой постановки вопроса Виноградовым было совершенно правильное соображение: с уходом Авксентьева и Зензинова защита интересов широких демократических кругов легла бы целиком на плечи Виноградова. Ему неизбежно пришлось бы защищать политическую линию более левую, чем при Авксентьеве и Зензинове, ибо широкие круги не прощали бы ему того, что прощали бы им... Идти «левее», чем при Авксентьеве и Зензинове, было бы политической бессмыслицей, да и невозможно практически. Решение Виноградова удержало в последний момент Авксентьева и Зензинова»¹.

Члены Директории сделали так после совещания с партийными товарищами. «Был созван совет из депутатов», — передает сообщение из Омска Святицкий. Авксентьев и Зензинов совещались с делегацией Бюро Съезда. Только один из трех членов этой делегации — правый депутат В. Е. Павлов (член «Союза Возрождения». — С. М.) —

¹ Вопрос об уходе Виноградова Кроль относит к периоду более раннему — до приезда Вологодского. Но, по существу, это мало изменяет дело. Фактически, по-видимому, Кроль просто сделал хронологическую ошибку.

подал голос за немедленный выход эсеров из Директории. Остальные вместе с членами Директории решились уступить. Вместе с тем члены Директории прислали, по словам Ракитникова, в Бюро Съезда мотивированное сообщение, почему они в данный момент не ушли. Упоминается с некоторыми вариациями это партийное совещание, происходившее у Авксентьева и в «дневнике» Зензинова под 29 октября: «Якушев, Колосов и Павлов высказались против принятия Михайлова и, следовательно, за наш выход из состава Правительства. Аргунов, Раков, Роговский, Кругликов, Мазинг (секретарь Президиума Думы), Лозовой, Пумпянский, Архангельский соглашались на вхождение Михайлова, лишь бы только не распадалась всероссийская власть. Н. Д. Авксентьев и я согласились с последними и приготовились сделать об этом заявление на заседании Правительства» [Гинс. I, с. 275]¹.

Только что стороны пошли на взаимные уступки, как неожиданно явилось новое осложнение в деле с кандидатурой Колчака, отказавшегося входить в состав Совета министров при наличии в нем Роговского. Болдырев здесь видит интригу Админсовета: «Придуманно ловко. Адм. Совет хотел провалить Роговского через Колчака, добросовестно ломившегося на пролом в этом вопросе» [с. 88]. Едва ли предположения Болдырева основательны. Вот как описывает Серебренников «решительное совещание Сибирского правительства и его Административного Совета»...

«На совещание был приглашен и адмирал Колчак. Председательствовал на совещании П. В. Вологодский. В довольно продолжительной речи он тихим и усталым голосом изложил совещанию весь ход его переговоров с отдельными ответственными и партийными группами и лицами о формировании российского Совета министров, указав на тяжелую об-

¹ Оказывали вновь на членов Директории давление и со стороны. Непримиимый левый к.-д. Кроль, высказывавшийся в свое время против переговоров Директории с Сибирским правительством, явился к Авксентьеву с заявлением о необходимости покончить с кризисом, идя «даже на назначение Михайлова и отказ от Роговского» [с. 152].

становку, в которой находится страна, и заявил, что все его усилия по организации новой правительственной власти не дали до сих пор положительных результатов, что он чувствует себя совершенно измученным физически и нравственно и вести дальнейшие переговоры для выполнения возложенной на него миссии отказывается.

Речь произвела большое впечатление на присутствующих. Водворилась какая-то жуткая тишина: все сознавали ответственность сделанного заявления.

Вологодский встал, передал мне председательствование и покинул совещание. Я занял председательское кресло. Взоры всех как-то невольно устремились на адмирала Колчака. Эти взоры говорили: вот тот единственный, кто еще упорствует, от него теперь зависит все дальнейшее... Я обратился к адмиралу от имени всего совещания с коротко выраженным предложением спасти положение дел, войти в состав Совета министров, примирившись с присутствием в этом Совете некоторых нежелательных лиц, указав, что его положительного решения с одинаковым нетерпением ждут как Всероссийское Временное, так и Сибирское правительство. Адмирал уступил и дал свое согласие» [с. 20–21].

«Кризис был разрешен»...

6. Омская «неразбериха»

Составленный по соглашению состав Совета министров Всероссийского Временного правительства был достаточно демократичен по своим политическим взглядам. Ни одной реставрационной фигуры не было в его среде. Но он не удовлетворил оппозиционеров. «Итог был неутешительный, — заключает Л. Кроль. — Под вывеской Директории фактически исполнительная власть оставалась в руках... сибирских министров». Конечно, в негодование пришли «черновцы» в Екатеринбурге. «Такого списка даже левое крыло Съезда, готовое ко всему, не ожидало, — констатирует Святицкий. — Бросалось в глаза, что в составе Совета министров не было ни одного кандидата из партии большинства в У. С., из партии с.-р., перед которой через два месяца этот Совет министров должен был отчитываться... Даже министерство земледелия (искони эсеровское!!) находилось на этот раз в чужих руках».

Это замечание екатеринбургского рупора не совсем понятно: каким образом в Совете министров коалиционного правительства могли бы оказаться представители большинства, отвергнувшего сам принцип коалиционности? «Главное же, — продолжает Святицкий, — в составе нового Правительства были два «гвоздя», приковывавшие всеобщее внимание и служившие лучшей характеристикой нового кабинета. Эти гвозди: адм. Колчак и Иван Михайлов. Первый был лицом с широкой и притом весьма определенной известностью еще во времена Керенского (как лицо, умевшее ладить с «революционной демократией»¹. — С. М.). Потом он, «спевшись с японцами (!?), диктаторствовал на Дальнем Востоке, соперничал с Хорватом. Нынче он получил всероссийскую военную власть. Это лицо будет распоряжаться военной силой в момент созыва У. С. к 1 января! Хорошие перспективы стояли перед нами!»...

«Перспективы» действительно были плохие. Ибо ясно было, что те, кто «проиграл» бой, постараются взять реванш. В Омске пытались, однако, соглашение обставить некоторой внешней торжественностью. 6 ноября происходил по поводу образования Совета министров специальный раут, на котором Гинс сравнивал, между прочим, Сибирское правительство с разборчивой невестой, — долго раздумывавшей, прежде чем решиться на празднуемый на банкете брак [«Вест. Вр. Пр.», № 4]². К сожалению

¹ Святицкому следовало бы знать, что как раз эсеры поддерживали адм. Колчака в его выступлениях на митингах в Черноморском флоте [Кришевский Н. В Крыму. — «Архив Рус. Рев.». XIII, с. 36]. Политическая благонадежность адмирала была заподозрена некоторой частью «революционной демократии» с того момента, когда «Маленькая Газета» Суворова стала выдвигать Колчака в председатели Временного правительства (июнь 1917 г.). По собственным словам, Чернов тогда же предупредил свой ЦК о появлении на горизонте опасного честолюбца. Чернов и омской Директории из Екатеринбурга указывал на то, что допущение Колчака в Совет министров знаменует «начало конца». Пытался воздействовать он в этом отношении и на чешских социалистов [«Рев. Рос.», № 4].

² Болдырев подчеркивает, что на банкете «большой успех» имело его заявление, что русские войска «теперь почти одни держат весь фронт» [с. 92].

нию, приходится сказать, что брак заключен был уже поздно. «У нас пропало два месяца. Мы занимались “вермишелью”», — говорил Вологодский, открывая первое заседание Совета. Эту затяжку не могли простить. Если «ничего неделание» Директории в Уфе производило тягостное впечатление на Святицкого и его единомышленников, то омская обстановка «ничего неделания», борьба за власть производили угнетающее впечатление на широкие круги. «В тот момент, когда нужна напряженнейшая работа, когда каждый час дорог, ни Директория, ни Сибирское правительство ничего не делают. Они забросили все, потому что все заняты одним: борьбой за власть!» Такие слова, может быть, и не совсем уместны под пером мемуариста Л. А. Кроля, но факт констатирован все же правильно [с. 152]. Болдырев отмечает, что «проволочка с кандидатурами отразилась на финансах»: из банков стали вынимать вклады [с. 87]¹.

¹ «Торг с переторжками», шедший в Омске, раздражал все активные элементы. В «Кр. Арх» (кн. XX) опубликованы два письма из Омска 20—24 октября с.-р. Альтовского Ракитникову. Между прочим, он пишет: «Дело, для которого я сюда приехал, стоит неподвижно. Все заняты совершенно другим. «Идет «торг с переторжками» о министерских местах». Приехал Альтовский в целях получения денег, в сумме 2—2 1/2 млн руб. ежемесячно для помощи эсеровским организациям, ведущим дезорганизаторскую «работу в тылу большевицких и немецких войск» — уничтожение запасов военного снаряжения посредством поджогов и взрывов, порчи орудий и пр., проникновение в штабы сторонников Вр. пр., организация разведочной службы и т. д. Соответствующую докладную записку Альтовский представил Верховному главнок., при котором и должен бы состоять «особый отдел» из трех лиц, руководящий это работой. Зензинов вначале отнесся сочувственно, но потом на него напала «раздумчивость», ибо находившийся в Омске представитель ЦК партии Раков, ознакомившись с положением в Омске, встал на позицию: «ждать выяснения обстоятельств для определения нашего отношения к Правительству», а до тех пор «не ангажировать партию». У Ракова, впрочем, было и другое соображение — в состоянии ли эсеровские организации в Советской России, «полуфиктивные и номинальные», выполнить обязательства, которые сопряжены с получением денег. Чрезвычайно характерны взгляды самого Альтовского, члена ЦК. «Оно,

Идея всероссийской власти в сознании широких кругов была уже дискредитирована. Это с такой очевидностью выступает из записей Болдырева в дни омской «неразберихи». Записи эти характерны и для царивших настроений. Болдырев записывает:

15 октября: ... «В городе определенно ведется агитация против Врем. прав., в этом косвенно участвуют отряды типа Красильникова и другие представители монархизма» [с. 73].

18 октября: ... «Слухи со всех сторон, явный саботаж и агитация против Вс. правительства. Слухи о переворотах в чисто мексиканском стиле. Вынужденное бездействие Правительства, конечно, нервирует всех бесконечно. Страх перед переворотом и угроза диктатуры, видимо, сбили с толка и Виноградова. Он также во власти тревожных слухов» [с. 76].

19 октября: ... «Розанов сообщил мне, что в городе ходит слух, что в меня бросили бомбу. Конечно, он такой же вздор, как и все другие слухи. У Розанова целый вечер просидели воджи здешних кадетов. Они считают авторитет Вс. пр. безнадежно погибшим из-за слабости и бездействия... Старынкевич тоже болен страхом переворота... Вечером два раза прибежал ротмистр С. из к.-р. Ставки предупредить, что мы в сетях интриги и заговоров, предлагал усилить охрану и тоже явно намекал на измену Белова» [с. 78].

23 октября: ... «Во время прений (на заседании Правительства) прибыл казачий взвод для охраны Вологодского... Командир взвода доложил, что распоряжение... (сделано) по требованию мин. Михайлова, ввиду будто бы ожидаемого ареста Вологодского. Это походило на фарс. Я вернул конвой домой. Что это — трусость или провокация? Я успокоил Вологодского и отвез его на квартиру в моем автомобиле. У дома Вологодского оказалась охрана из сербов, здесь, видимо, уже не стеснялись иметь «своих латышей» ...Чего они

конечно, — пишет он, — можно с большим глубокомыслием сидеть на реках Вавилонских и плакать о международной конъюнктуре, но мне-то казалось бы, что уже довольно мы проворонили. Ведь Комитет член. Уф. Сов. был вполне в наших руках и, конечно, мог снабдить партию в Сов. Рос. несколькими миллионами рублей, которые очень быгодились на черный день. Теперь, когда этот черный день, может быть, совсем на носу, не следует упускать ни малейшей возможности получить для партии денег» [с. 165–174].

так бояться? Ведь мы все еще безоружны. Мексика среди снега и морозов» [с. 83]¹.

26 октября: ... «В городе убийство. Без вести пропал Б. Н. Моисеенко. Тяжело ранены, кажется, адъютант Белова — поручик Костендий и г. Сафо. В помещении, где происходят заседания Директории, был какой-то офицер, посланный будто бы Розановым собирать адреса членов У. С. Произведенным дознанием выяснилось, что офицер этот — член какой-то военной организации, руководимой кап. Головиным, имеющей связь с штабом Сибирской армии. Розанов заявил, что это провокация» [с. 85]².

28 октября: ... «Настроение отвратительное, вся работа стоит... В общественных и военных кругах все больше и больше крепнет мысль о диктатуре. Я имею намеки с разных сторон. Теперь эта идея, вероятно, будет связана с Колчаком».

29 октября: ... «Настроение служащих подавленное»... [с. 87].

Картину, которая вырисовывается из записок Болдырева, легко можно пополнить. «Помню, — рассказывает Майский, — как однажды Зензинов мне сказал: “Когда поздно вечером, после заседания Директории я возвращаюсь домой и на крыльце ожидаю, пока мне отворят дверь, я стою с взведенным револьвером в руках и глазами стараюсь пронзить ночную темноту. Каждый момент я ожидаю выстрела или удара”» [с. 306]. В «дневнике», который цитирует Гинс [I, с. 305], также отмечается «тревожное беспокойство» автора дневника: при каждом шуме и стуке ему кажется, что идут «арестовывать»... Но и Михайлов со своей стороны не ночует дома из-за боязни

¹ Болдырев довольно односторонне записывает этот случай с «непрощеной охраной». Надо выслушать и другую сторону, которую как бы представляет Гинс. Последний рассказывает, что ночью, перед заседанием, Вологодского разбудила присланная к нему казачья охрана, ввиду будто бы готовящегося покушения со стороны Директории. Перед заседанием из штаба второго корпуса позвонили Гинсу с сообщением, что Сиб. пр. будет арестовано, и предлагали прислать охрану. Несмотря на отказ, охрана появилась. Гинс добавляет, что «до той поры Сиб. пр. не знало охраны»... [I, с. 273].

² Из мухи сделали слона. Этот пустяшный случай в изображении Майского и др. превратился в целую террористическую организацию военных против членов У. С.

быть арестованным¹. Его примеру следует ген. Белов и т. д. [*Болдырев*. С. 97]. «Страхи» были взаимные.

Кто создал всю эту обстановку в Омске? Только ли «маленькие атамань» — «современные ландкнехты», по не совсем справедливой характеристике Болдырева [с. 55]. Очевидно, нет? Я имею в виду, конечно, политическую обстановку того времени. В ней повинны в значительной степени сами «политики», как старался я, иллюстрируя фактами, показать на предшествующих страницах. В слухах и всеобщей тревоге много было преувеличений. Настроения эти рождались по поговорке «У страха глаза велики». Своего рода истерикой было настроение с.-р. Ракова, который встретил Майского такой тирадой: «Что вы тут делаете? Зачем вы не уезжаете из Омска? Бегите возможно скорее из этого проклятого места! Здесь каждый миг вы можете быть убиты или зарезаны. К чему бесполезная растрата сил? Пусть в городе остаются только те, кому это абсолютно необходимо, а прочие должны себя поберечь для дальнейшей борьбы» [с. 307]. Я отнюдь не склонен смягчать условий бытовой обстановки в Омске², которые содействовали внедрению в политику того, что Болдырев назвал «мексиканскими нравами». Но те, которые претендуют на исключительное звание представителей демократии, каждое темное пятно в омской повседневной жизни безоговорочно пытаются поставить на счет «черносотенной военщины» и Сибирского правительства. Так делают большевицкие историки, так делает Майский, так делают и эсеровские публицисты.

¹ У министра целых три нелегальных квартиры, что вызывает лишь удивление у не привыкшего к «конспирации» Колчака.

² Вот как описывает англичанин Уорд, сгущая очень краски, эту бытовую обстановку. Он называет ее «неописуемой». «Каждую ночь, как только темнело, начинали раздаваться... выстрелы. Наутро санаторные двуколки поднимали от 5—20 мертвых офицеров... В отчаянии офицеры... без разбора мстили населению»... [с. 79]. Об отдельных убийствах, организованных большевиками, можно найти указания в большевицкой литературе о партизанской борьбе. Аргунов, подтверждая факт ночных убийств офицеров на улицах Омска, довольно искусственно объясняет их мстью за пение офицерами в кабачках царского гимна [с. 33].

9 марта, как уже упоминалось, погиб с.-р. Моисеенко — один из активных деятелей «Союза Возрождения» и борцов с большевиками. Среди версий, которые так легко создавались в Омске и которые так охотно распространяла стоустая молва, была и та, что Моисеенко — жертва организации, поставившей себе целью уничтожить членов У. С., дабы оно не могло собраться в прежнем составе¹. Болдырев записывает 1 ноября: «Были эсеры Павлов и Архангельский по поводу исчезновения Моисеенко. Пытались было указать, что эсеры найдут средства для ответа военщине. Я рекомендовал не касаться армии» [с. 89]. Но откуда же следует, что Моисеенко был захвачен офицерами отряда атамана Красильникова, как бездоказательно утверждает Парфенов? [с. 21]. Скорее всего, это было уголовное преступление на почве, конечно, грабежа — Моисеенко был казначеем Съезда У. С., и было известно, что он привез с собой 2 1/2 млн руб.² Во всяком случае, история гибели Моисеенко никак не выяснена. Это не помешало, однако, бывшим членам Директории публично возложить на «совесть»

¹ Руднев С. П. При вечерних огнях. Воспоминания. Харбин, 1923. Слухи эти могли иметь под собой почву в том ожесточении, которое наблюдалось в некоторых военных кругах — это была реакция против «левых», — реакция легко, по выражению Гинса [II, с. 110], впадавшая в крайность.

² Труп, брошенный в Иртыш, носил следы истязаний. Это лишь подтверждает версию о грабеже. Денег при Моисеенко не оказалось, ибо он оставил их в поезде Роговского. Убийство Моисеенко как исключительно уголовное дело охарактеризовал Колосову и беседовавший с ним конспиративно нач. штаба Красильникова кап. Шемякин. Между тем это убийство в Сибири всемерно пытались представить как политический акт. Негодуя на «Зарю», иркутская «Новая Сибирь» [№ 6] писала: «Все (?) знают, что убийство Моисеенко — акт политического террора»... Малоосведомленный о сибирских делах орган парижских членов «Союза Возрождения» «La Russie Démocratique» повторял лишь чужую, на веру принятую версию, когда в апреле 1919 г. [№ 1] писал: что Моисеенко убит «несколькими царистами, для которых всякий не монархист — большевик».

уже колчаковского Правительства ответственность за убийство Б. Н. Моисеенко¹.

7. Эпитафия Сибирскому правительству

«Сибирское правительство превратилось в пустую игрушку в руках черносотенной военщины», — утверждает Майский [с. 306]. В действительности этого не было. Во всяком случае, в такой характеристике много тенденциозного преувеличения. При такой концепции надлежит вспомнить то, что пришлось отмечать при обозрении деятельности Самарского правительства на территории Комуча: Правительство, демократическое вне сомнений, оказалось бессильным в борьбе с эксцессами военной власти в период гражданской войны. Совершенно неизбежно не только на фронтах, но и в тылу подчас первенствует власть военная. То невмешательство армии в гражданские взаимоотношения, которое пыталось теоретически установить Уфимское Собрание, — фикция в жизни. Многие эксцессы психологически объяснимы; многие эксцессы житейски почти неизбежны. Гражданская война куда ужаснее войны внешней — должен повторить Болдырев. Это truism. Во всяком случае, не от реакционности того или иного правительства зависело большинство тех эксцессов, которые отмечала жизнь. Не одни рыцари великой идеи, не одни герои действуют на поле брани.

Обстановка в Сибири была гораздо сложнее обстановки самарской. «Атаманщина» здесь, как уже отмечалось, с самого начала получила некоторые специфические черты. Рассеянная на огромной территории, почти самостоятельная в своих действиях², она с трудом подчи-

¹ «По поводу декларации Омского правительства» — ответ Авксентьева, Аргунова, Зензинова и Роговского в газете «Русское Слово» 4 марта 1919 г. [Зензинов. С. 175]. Сам Зензинов, однако, в предшествовавшем своем печатном заявлении 15 декабря назвал убийство Моисеенко «загадочным».

² Калмыков прямо заявлял, что никакого правительства не признает [Болдырев. 26 октября]. Сам член Директории впоследствии так охарактеризовал власть Омского правительства: «Омское градоначальство и не более, авторитет которого идет не дальше города Омска и его слобод» [Будберг. XIII, с. 271].

нилась той законодательной нормировке, которую пытались установить из центра. «Трудность объединения всей этой вооруженной силы... при самом разнообразном понимании событий делала задачу управления чрезвычайно сложной», — замечает главковерх Директории. Весьма мрачно рисуя сибирскую атаманщину в своей брошюре, председатель Следственной комиссии Аргунов добавляет: «Сибирское правительство не пыталось бороться с этим злом, ибо даже при желании ничего не могло бы с ним сделать, и зло росло»... Это уже фатализм. Но он знаменателен под пером автора, в брошюре своей выступающего крайне враждебно в отношении Сибирского правительства: «Смертная казнь, военно-полевые суды, репрессии против печати, собраний и пр. — вся эта система государственного творчества быстро расцвела на сибирской почве» [с. 24]. Думается, что кое-какие поправки к изложению Аргунова внесет сам читатель на основании фактов, которые были уже приведены. Других явлений, отмеченных автором, мы коснемся дальше, характеризуя деятельность колчаковского Правительства, ибо аналогичные обвинения будут предъявлены и этой власти¹. И следует запомнить ту характеристику административного произвола, которую дают будущие противники Верховного правителя первому периоду существования освобожденной от большевиков Сибири, ибо они слишком часто потом были склонны этот произвол рассматривать как проявление именно «диктаторской» власти.

И все-таки при всем произволе на местах, при всех эксцессах «реакционно настроенных» офицеров, которые в должностях начальников гарнизонов, командующих отрядами законодательствовали, не оставляя места гражданским властям, сибирская печать — главное орудие общественного мнения — оставалась свободной и разнообразной в своих политических направлениях. Всякий, кто возьмет на себя труд просмотреть эту печать без предвзятой заранее точки зрения, должен будет признать пра-

¹ Напр.: «реакционный» закон о выборах в городские и земские самоуправления, утеснение профессиональных рабочих союзов, из которых, по словам большевиков, к концу октября было «более $\frac{2}{3}$ наших».

вильность такого утверждения. Он будет, может быть, несколько удивлен, что наибольшее число регистрируемых печатью эксцессов падает на октябрь и даже на ноябрь месяц¹, когда уже фактически существовала всероссийская власть, правда царствовавшая, но не властвовавшая, не имевшая ни своего правительственного, ни своего карательного аппарата. Эти эксцессы падут на время, когда Сибирское правительство, или, точнее, Админсовет, как бы реакционно оно ни было, должно было усиленно сдерживать своих агентов на местах — к этому побуждала простая тактика Правительства, которому приписывали «тонко» проводимую «интригу».

Зарегистрируем несколько фактов. 11 октября закрыто омское эсеровское «Дело Сибири» [«Отеч. Вед.»]; 19 октября закрыто эсеровское «Дело народа» — орган акмолинского Комитета [«Сибирь», № 79]. Закрыта иркутская «Сибирь» постановлением командующего 4-го сиб. корпуса. Все эти газеты немедленно вышли под другим наименованием. В начале ноября запрещено командующим Юго-Западного фронта оренбургское «Рабочее утро» [«Вл. Нар.», № 127]. 24 октября шадринскому кооперативному съезду, собравшемуся с санкции местных властей, не разрешено приветствовать Областную Думу и Съезд членов У. С. [«Вл. Нар.», № 126]. 1 ноября происходит обыск в барнаульской земской управе по распоряжению начальника гарнизона [«Вл. Нар.», № 126] и т. д. и т. д. Я взял, может быть, несколько случайных фактов. Дабы оценить их, надо произвести по отношению каждого из них своего рода расследование. Вот пример. Ген. Елец-Усов, один из активных борцов за освобождение Сибири, входивший в тайные военные организации 1917—1918 гг., 2 ноября издал приказ в Иркутске по своему 4-му сибирскому корпусу. «Во втором Забайкальском казачьем полку имела место преступная агитация вахмистром... Чечулиным и казаками Григорьевым, Угловским, Тодоровым и... Зайцевым, направленная на свержение власти Сибирского Временного правительства и неповиновение начальникам. Означенные предатели родины

¹ Напр., в иркутской с.-р. газете «Сибирь».

по приговору военно-полевого суда была расстреляны, а Угловский — приговорен к отдаче на три года в дисциплинарный батальон. Объявляя о сем... подтверждаю, что всякая преступная агитация, как измена родине, будет неумолимо караться по всей строгости закона» [*Парфенов*. С. 53]. Я при всем желании не могу поверить голословному заявлению большевицкого историка, что «всемирно было известно, что расстрелянные казаки были социалистами-революционерами и вели агитацию за скорейший созыв Сибирским правительством Учредительного Собрания». Думаю, что это были большевики.

Когда дело идет о шадринском кооперативном съезде, надо учесть обстановку этого съезда, созванного, по словам «Заур. Края» [6 ноября, № 81], «лжекооператорами слева». Можно принципиально с точки зрения последовательного «демократизма» возмущаться приказом ген. Белова по Сибирской армии от 18 октября: «В настоящий момент, когда большевики, взявшие Самару, продолжают свое наступление, когда по железным дорогам перебрасываются наши войска, в этот момент всякие забастовки на железной дороге являются изменой родине и армии... поэтому... приказываю: принять самые решительные меры к ликвидации забастовок, включительно до расстрела на месте агитаторов и лиц, активно мешающих возобновлению работ»... [*«Хроника»*. Прил. 123]. Но не будет ли подобная принципиальность слишком отрешенной от жизни? Можно вообще не соглашаться с подобной тактикой, считать ее практически нецелесообразной, но можно ли огулом записать ее исполнителей в ряды реакционеров, которые пытаются набросить «мертвую петлю на рабочие организации»¹. Я тем более легко ставлю подобные вопросы, что в свое время в 1917 г. печатно протестовал против административного закрытия газет — практика, введенная Временным правительством, — и против смертной казни по суду. Но, если Сибирское правительство пошло на восстановление смертной каз-

¹ См., напр., протест против разрушения профессиональных организаций со стороны томского «Железнодорожника» в № 19 от 6 ноября.

ни, неужели это само по себе было признаком реакционного курса? Многие ли скажут это теперь — на тринадцатый год властвования коммунистического большевизма? Впрочем, в работе исторической, а не публицистической не приходится убеждать кого-либо. Надо только констатировать факты. И когда с.-р. фракция Сибоблдумы выносила теоретические протесты и резолюции против военного положения и всех последствий, связанных с ним, — выносили протесты те, кто в тот момент не несли тягот власти. Ясно, что коллизии между принципом и жизнью не разрешало простое декларирование принципов. (Это декларирование имеет значение своего рода *memento mori*, если не является средством простого дискредитирования власти.) Сделайся властью, эти «теоретики», очевидно, пошли бы по пути Комуча, непререкаемый авторитет которого они пытались поддержать в Сибири. На практике этот путь, в смысле репрессий, ничем не отличался от пути, по которому шло и Сибирское правительство. Что сделало бы Правительство Сибоблдумы с органом, отказавшимся подчиниться правительственному распоряжению о предварительной цензуре, как это имело место с упомянутым выше оренбургским «Рабочим Утром»?..¹

Экسسессы учащались, ибо осложнилась жизнь и раздражающе действовала вся политическая обстановка. Экسسессы на местах росли неизбежно в момент, когда две центральные власти конкурировали между собой и все свое внимание сосредоточивали вольно или невольно на этой борьбе. Не бездействовали и большевики, ведшие не только агитацию. Пользуясь наступившим «безвластием», они организовали свои силы и провоцировали восстания. «Теперь почти при каждом партийном комитете, — констатирует письмо партийного работника в Мос-

¹ Вот пример. «Кровавая государственная власть» в Приморской области, т. е. эсеры, в сентябре 1918 г. без всяких реальных поводов запретила «ввиду антигосударственного направления» негодные ей органы печати, желая тем самым «прекратить смуту, сеянную газетами». По-видимому, из этой радикальной попытки ничего не вышло, так как типография указанных газет «оказалась охраняемой японскими солдатами» [Материалы Вр. Пр. Авт. Сибири. — «Кр. Арх.». XXXVI, с. 43].

кву от 29 октября, — имеется военная организация как для работы в войсках, так и для организации рабочих военных дружин» [«Хроника». Прил. 252].

Между первым и двенадцатым ноября произошел ряд бунтов в тюрьмах: Тобольской, Екатеринбургской, Челябинской, Семипалатинской, Омской, Каинской, Новониколаевской, Томской, Мариинской, Красноярской и Иркутской. Парфенов не преминул сообщить своим читателям, что это был «гигантско-зверский план уничтожения политических заключенных на законном основании» [с. 65]. Парфенов рассказывает довольно фантастическую историю, неизвестно откуда почерпнутую, о том, как Иванов-Ринов поручает Волкову, Красильникову и Катанаеву выработать соответствующие законные способы ликвидации политических заключенных; как «секретным распоряжением соответствующим начальникам гарнизона приказывается спровоцировать политических заключенных возможностью восстаний и уничтожить их, как бунтовщиков»; как в «некоторые города посылаются даже специальные провокаторы из Омска». Опровергать эти большевицкие легенды, правда, не стоит. Нам придется позже коснуться одного бунта, тоже «спровоцированного» властью, — бунта, сопровождавшегося в Омске трагическими для власти обстоятельствами в конце декабря. Шила в мешке не утаишь, и здесь будет видно, с чьей стороны шла эта провокация. Сами большевики проговорились. Но и про ноябрьские бунты можно сказать словами томской «Народной Сибири» (орган эсерствующего направления): это были бунты уголовно-большевицкие, бунты, организованные комиссаро-державцами, «не брезгающими ровно никакими средствами для достижения своих преступных целей» (10 ноября).

Сибирскому правительству пришлось столкнуться и с начавшимся крестьянским движением. Оно прокатывается уже «волной» с августа и сентября. История крестьянского движения в Сибири в годы 1918–1919-е сложна, и я коснусь ее в особой главе, приуроченной к разгару этого движения в период уже колчаковской власти. Важность установления нормальных отношений в деревне прекрасно понимала власть, о чем свидетельствует хотя бы речь

Вологодского на первом заседании Совета министров Всероссийского правительства. Он, между прочим, отмечал, что деревня, не имевшая еще своего волостного земства, жила обособленно от государственной жизни и распоряжалась самочинно. Это не была самодеятельность, это была анархия — во всяком случае в смысле государственном. Быть может, здесь и был корень зла, а вовсе не в том «реакционном» законе о земле, как думает Аргунов, который издало Сибирское правительство (кстати, тогда, когда Админсовет не захватил еще власти). Мне кажется очень типичным донесение Гаттенберга (томского губ. комиссара) мин. вн. дел 26 октября о восстании в Мариинском уезде — здесь уже отмечены многие черты, характеризующие последующие повстанческие движения среди сибирского крестьянства... «Причиной восстания служили провокационные слухи о падении власти Сибирского правительства, захвате крупных сибирских городов, сообщении об отобрании у крестьян союзниками 95% хлебных запасов, лошадей, фуража. Элемент восставших — в большинстве красные Мариинского фронта при июньских боях, с наступлением холодов вышедшие из таежных пространств с оружием и провоцировавшие крестьян. Установлена причастность к организации восстания ответственных работников местного союза кооперативов, приютившего бывших советских деятелей; в помещении кооператива найдены патроны, свыше тысячи; скомпрометированы члены уездземуправы: Фролов, Ларин при безусловной осведомленности остальных членов управы; скрывавшийся председатель земельного отдела управы Берестовский, ориентации центра партии с.-р., оставил в своем письменном столе собственноручное воззвание к населению с призывом восстания и др. компрометирующие документы... Арестованы в Мариинске пока 20 человек, в том числе члены управы и почти все правление кооператива» («Хроника». Прил. 134).

* * *

3 ноября (нов. ст.) Сибирское правительство, или Адм. Совет, закончило свое официальное существование. Исчезая формально с исторической сцены, оно опубликовало следующую грамоту:

«Приняв на себя верховную власть после свержения большевиков в Западной Сибири, Временное Сибирское правительство с величайшим напряжением сил осуществляло свою трудную задачу дальнейшего освобождения всей Сибири и укрепления в ней начал законности и порядка.

Тяжелое бремя выпало на долю Сибир. прав.: ему досталось народное достояние разграбленное, промышленность разрушенная, железнодорожное сообщение расстроено. Заново приходилось строить власть, заново созидать порядок в условиях непрекращающейся борьбы. Славное русское офицерство и казачество и самоотверженные отряды добровольцев, опираясь на братскую помощь доблестных чехов и словаков, героически боролись за освобождение страны.

Ныне на всем пространстве Сибири действует единая власть. Вновь созданная молодая, но сильная духом армия. Учреждено подзаконное управление.

Работы по укреплению новой государственной власти в Сибири еще далеко не закончены, но в помыслах о благе сибирского населения не могут быть забыты интересы истерзанной России.

Наша родина истекает кровью. Она отдана большевиками на поток и разграбление немецким пленным и разнузданным бандам русских преступников.

Приближается конец мировой войны. Народы будут решать свою судьбу, а великая раньше Россия, в этот исключительно важный момент, может остаться разрозненной и заположенной. Без великой России не может существовать Сибирь. В час величайшей опасности все силы и все средства должны быть отданы на служение одной самой важной задаче — воссозданию единого и сильного Государства Российского. Эту ответственную задачу приняло на себя Временное Всероссийское правительство, на Государственном Совещании в Уфе избранное и верховной властью облеченное. Единой воле этого Правительства должны быть подчинены все силы и средства управления, и дальнейшее существование нескольких областных правительств представляется ныне недопустимым.

В сознании священного для всех народов и частей России патриотического долга, Сибирское правительство, получив гарантии, что начала автономии Сибири будут восстановлены и укреплены, как только минуют трудности политического положения России, ныне во имя интересов общегосударственных п о с т а н о в и л о: в отмену декларации 4 июля 1917 г. «О государственной самостоятельности Сибири» сло-

жить с себя верховное управление и всю полноту власти на территории Сибири передать Временному правительству Всероссийскому» [«Хроника». Прил. 120].

Оценка роли и значения Сибирского правительства будет всецело зависеть от нашего подхода к гражданской войне. Взгляды здесь столь различны, что примирить их невозможно. У одних та тактика, которой держалось Сибирское правительство, будет вызывать положительное отношение; у других — всегда резко отрицательное.

Мои политические симпатии совершенно неизбежно, конечно, выступают в исторических оценках. Если бы в дни гражданской войны я был в Сибири, мне кажется, что в общем я солидаризировался бы с линией кооператоров и с их омской газетой «Заря». Бывший член Директории Зензинов называет этот орган правым, по смешному недоразумению именовавший себя социалистическим (в письме в «Общее Дело»). Но такая «правизна» мне представляется и подлинно государственной, и национальной в ответственные дни испытания зрелости русской демократической интеллигенции. Поэтому мне и кажется наиболее правильной позиция той части сибирской демократии, которая шла нога в ногу с А. В. Сазоновым и его друзьями — пытавшимися еще в дни предпарламента в Петербурге создать фракцию «с.-р.-ов-государственников»¹.

И вновь несомненным мне кажется одно — Сибирское правительство не было реакционно. Кто возьмет на себя труд просмотреть «Собрание узаконений и распоряжений Вр. Сиб. пр.» или познакомиться хотя бы с обзором его деятельности, сделанным проф. Рязановским в сибирском «Прав. Вестнике» (уже колчаковского периода) в № 180—186², тот не усмотрит специфической реакционности, отмечаемой противниками Сибирского правительства из лагеря будущих «нинистов» (ни Ленин, ни Колчак). В эсерствующей иркутской «Сибири» [№ 52 от

¹ Чернов Вик. Записки соц.-рев. Изд. Гржебина. Берлин. С. 49.

² В № 191—195 помещен такой же обзор деятельности Директории.

4 сентября] я несколько неожиданно встретил такую характеристику Сибирского правительства в его целом: «Несомненно, Сибирское Временное правительство показало себя действительно твердой властью, и нельзя не пожелать, чтобы и впредь Правительство шло таким же твердым путем»... Статья эта появилась перед Уфимским Гос. Совещанием — в ней, вероятно, сказалась тактика момента. Во всяком случае, сентябрьские события в Омске, поскольку дело касалось конфликта Админсовета с Облдумой, не провели грани между двумя периодами деятельности Сибирского правительства. Недаром реалистически мыслящий с.-р. С. С. Маслов, посланец Архангельского правительства, лишь приветствовал в письме к Н. В. Чайковскому роспуск Областной Думы — этого «разнужданного совдепа».

8. Упразднение областных правительств

На смену Сибирскому правительству пришло новое Всероссийское. Мы, конечно, не знаем, как фактически сложилась бы власть Директории, ибо дни ее были слишком кратковременны и она не могла себя достаточно проявить в конкретной деятельности. Конечно, при ее разнородном составе она была бы обвинена со стороны более левых, чем она, в реакционности — обвинения в попустительстве уже раздавались. Она бы сделалась очень скоро «игрушкой в руках реакционного офицерства». Правда, Болдырев «был спокоен и держался уверенно». Он говорил, что «мало-помалу военных приберет к рукам». «Производило впечатление, — говорил Кроль, — что Болдырев верит тому, что он нам говорит» [с. 147]. Самому же Кролю это казалось только странным, ибо «справиться с некоторыми военными кругами Директория была совершенно бессильна» [с. 149].

Если бы «слева» была иная тактика, может быть, Директория действительно справилась бы со своими трудными задачами. В создавшейся конъюнктуре положение ее было безнадежно. Для непосредственных участников Директории вполне понятна несколько преувеличенная оценка того, что они успели сделать. В интервью Авк-

сентяева, данном в декабре американскому журналисту Бернштейну, говорилось:

«В течение своего краткого 2-месячного существования ему (т. е. Всер. пр.) удалось увеличить свой авторитет, удалось завоевать доверие как со стороны населения и армии, так и со стороны местных судебных установлений. Архангельское, Уральское, Закавказское и Закаспийское правительства по собственной инициативе признали власть Вр. Всерос. пр. Ему подчинились также такие авантюристы, как Семенов и Калмыков» [Зензинов. С. 183].

Эпитафия Директории, написанная Болдыревым, еще больше подчеркивает ее заслуги:... «Люди, составлявшие Директорию, пытались обойтись без расстрелов и казней, не хотели особенно злоупотреблять и тюрьмой, это было расценено как слабость и привело к взрыву изнутри... Изю дня в день велась и явная и скрытая разрушающая работа, обезвреживание которой поглощало почти все время членов не успевшей еще окрепнуть Директории... И тем не менее за столь короткий срок своего существования Директория организовала фронт, подчинила чехов, добила добровольного самороспуска Сибирской Областной Думы, самоупразднения областных правительств, расширила свое влияние за пределы ее территории»... [с. 120].

Может быть, некоторые заслуги Директории в оценке Болдырева были фиктивными¹. Одну «историческую миссию», как говорил проф. Рязановский в упомянутом обзоре законодательной деятельности государственной власти в Сибири» [«Пр. Вест.», № 195], Директория совершила — она начала собирание России и ликвидировала областные правительства. Казалось бы теоретически, что областные правительства, возникшие в процессе борьбы с большевизмом, должны были только содействовать «собиранию России», в действительности в ненормальных

¹ Вегман, комментатор воспоминаний ген. Болдырева, не без основания указывает, что роспуск областных правительств, в сущности, был требованием Сиб. правительства. О заслугах В. Г. Болдырева по организации фронта мы скажем во второй части своей работы в общей оценке стратегического положения.

условиях жизни они создавали лишь тормоз для центральной власти, плодили недоразумения и конфликты¹.

Грамотой 6 ноября Директория ликвидировала правительство. «Подтверждая ныне непреклонную волю признать и предоставить отдельным частям Государства Российского права широкой автономии, провозглашенные в грамоте, данной в городе Уфе 11—24 сентября 1918 г., — гласил документ 6 ноября, — и в полном сознании великой ответственности перед народами России, Вр. Вс. пр. в исторический момент создания единого и крепкого государства признало необходимым установить: с образованием органов центрального управления всероссийской власти на ближайший период времени все без исключения областные правительства и областные представительные учреждения должны прекратить свое существование»... [«Хроника». Прил. 124]. Грамота сопровождалась специальными указами правительствам Урала, Совету упр. ведомств, Алаша-Алаш-Орды [Прил. 126—128]. Несомненно, личный состав Директории облегчил дело упразднения местных правительств: только Директория могла заставить, напр., владивостокское земство, претендовавшее на роль областной власти, признать центральное Правительство².

Кроль, видевший в упразднении областных правительств нарушение уфимской конституции³, конечно, не противодействовал тому, чтобы Уральское правительство

¹ Л. А. Кроль считал это величайшей ошибкой, ибо упразднение областных правительств лишало Директорию всякой опоры [с. 145]. Любопытно, что и ген. Акулинин в «Общем Деле» также позже склонен был объяснять неудачу Сибирского правительства централистическими устремлениями.

² Замечание это принадлежало В. Н. Львову, с неизданными воспоминаниями которого о Сибири я мог познакомиться в силу любезности Я. П. Поволоцкого.

³ Кроль уверяет, что Авксентьев соглашался с тем, что указ Директории является нарушением «конституции», но не видел другого выхода. У Болдырева имеется не совсем понятное указание, помеченное датой 31 октября: «Снова решали участь Уральского (Екатеринбургского) правительства. Авксентьев опять предлагал больше, чем у него просили. Я решительно высказался против возникшей мысли — о новой Областной Думе в Екатеринбурге»... [с. 89]. Областная Дума там, где был Съезд членов Учр. Собр.?!

беспрекословно сложило свои полномочия во имя подчинения «верховному водительству» всер. власти. Не подчинялись или пытались не подчиниться по «мотивам политическим» лишь остатки Комуча. Это достаточно характерно.

Провел Авксентьев и «самороспуск» Областной Думы. Формально все прошло гладко. Дума приняла резолюцию, которая, сохраняя обычную риторику, гласила: ... «Дума, исходя из общих интересов родины и завоеваний революции, требующих полного объединения всех разрозненных частей страны вокруг одного государственного центра, выносит решение о прекращении своих работ как органа областного управления автономной Сибири... Дума видит... только один выход... скорейший созыв Сибирского У. С. на основе четырехчленной формулы с применением пропорционального представительства» [«Хр.». Прил. 130]¹.

На деле все прошло вовсе не так «гладко», как представляли члены Директории. «Авксентьев, кажется, имел успех и овации», — записывает Болдырев 10 ноября. К сожалению, у меня не было отчета о заседании Думы, о котором упоминает в своем добавлении Вегман. Он отмечает, что Авксентьев, встреченный при появлении «овациями» (официально Авксентьев ехал «приветствовать» Думу от Правительства), «сходит с трибуны при всеобщем молчании». Настроение членов Сибоблдумы не было восторженным. Хорошо осведомленный во внутренних партийных делах Святицкий совершенно определенно говорит, что Дума, или точнее главенствующая эсеровская фракция, «не соглашалась на самозакрытие»: «благодаря работе наших левоэсеровских депутатов настроение... было весьма боевым». Авксентьеву «пришлось употребить в дело все свое красноречие, чтобы во фракции составилось большинство в несколько голосов, одобрявшее самороспуск» [с. 92].

¹ Указ Сибирского правительства 3 ноября одновременно с самоликвидацией учреждал комиссию по выработке положения о выборах во всесибирский представительный орган. В комиссии впервые вводился «представитель от Совета сибирских съездов представителей торговли и промышленности» [«Хр.». Прил. 129].

Гинс передает довольно символистическую сцену, заключившую самороспуск Думы: «Член ее Гольдберг закончил свою речь словами: «Не бойтесь, товарищи, мы 1 января опять появимся». — «Слышу!» — раздался глухой и злобный ответ» [I, с. 292].

В общественных кругах, как утверждали парижский доклад Ключникова и омский «Бюл. Союза Возр.», акт «самороспуска» Думы был воспринят лишь как признак слабости Директории. Евг. Маевский в челябинской газете «Власть Народа» впоследствии (22 ноября) писал, что Директория «самороспуском» Думы сделала без всяких потрясений то, что не могло сделать старое Сибирское правительство «без применения грубой физической силы»... Он был бы прав, если бы у Сибоблдумы была хоть какая-нибудь реальная опора... Сибирское правительство, очевидно, распустило бы Думу если и не так гладко, как это сумел своим красноречием сделать Авксентьев, то также без применения физической силы.

9. Эсеровская «прокламация»

Мы вновь должны вернуться к Екатеринбург, к деятельности Бюро Съезда членов У. С., готовившего, в сущности, удар в спину Директории. Со слов Святицкого, мы знаем, что резолюцию ЦК партии 11 октября, пытавшуюся аннулировать вред, нанесенный демократии Уфимским Сопещанием, Бюро Съезда широко разослало по всем направлениям в виде обращения ЦК к партийным организациям. Послано было это обращение и в Омск. То, что вообще делалось в это время в Екатеринбург и Уфе, было вовсе не так безобидно, как пытались впоследствии представить входившие в Директорию члены партии с.-р. в статье, напечатанной в нью-йоркском «Русском Слове» [4 марта 1919 г.] и опровергавшей «фантазии» в декларации колчаковского Правительства¹. В этой статье они писали: «Утверждение о том, что Авксентьев и Зензинов

¹ Статья появилась за подписью Авксентьева, Аргунова, Зензинова, Роговского. Она перепечатана в сборнике Зензинова [с. 172 и др.].

были в плену у Центр. Ком. своей партии и проч., все это фантазия составителей декларации. Правда же состоит в следующем: Центр. Ком. партии издал инструкцию к партийным организациям, в которой призвал не к открытой и «вооруженной борьбе с верховной властью (т. н. Директорией?) и созданию партийных эсеровских войск» (даже не войска, а войск!)¹, как говорится в декларации Омского правительства, а, наоборот, к поддержке Всер. прав. (несмотря на его уклонения, по мнению Центр. Ком., от настоящей тактики), к отпору надвигающейся реакции, которая усматривалась им, главным образом, в поведении агентов Сибирского правительства, и к созданию военных партийных организаций. Осведомившись об этом через представителей правых кругов (?) омского общества, которые постарались всячески распространить инструкцию Центр. Ком., Директория единодушно (в том числе, следовательно, и члены-социалисты) признала выступление Центр. Ком. антигосударственным и, несмотря на то что инструкция Центр. Ком. призывала к поддержке ее, постановила произвести расследование. Вместе с тем ген. Болдыреву, уезжавшему на фронт, как члену Директории и главнокомандующему, было поручено беспощадно подавлять не только какие-либо партийные организации, но и попытки к созданию таковых».

Резолюцию ЦК, его декларацию и вообще всю позицию большинства руководящего партийного органа лишь весьма относительно, конечно, можно назвать «поддержкой» Директории. «Увы, — комментирует Святицкий, — правая часть Съезда (т. е. значительное меньшинство. — С. М.) была неисправима. Будто ничего не понимая и совсем не разбираясь в происходившем, правые... с пеной у рта нападали на Съезд за его «бунтарские» и «революционные» предложения. «Покушаться на Директорию в такой момент, когда все наши силы должны быть отданы на ее поддержку», — возмущались они²...

¹ Фактически дело шло, как мы знаем, о создании особых чешско-русских дружин со специфическим назначением.

² «Прокламация» эсеров «носила характер явной угрозы по адресу самой Директории», — замечает с своей стороны Кроль.

Большинство частного совещания было не на их стороне... Большинство высказалось за назначение в ближайшие дни закрытого пленума Съезда, посвященного обсуждению нашего отношения к Директории» [с. 89]. Заседание пленума было назначено на 23 ноября, но оно не состоялось, так как раньше в Омске произошел «государственный переворот».

Буря в Омске началась именно тогда, когда там появилась эсеровская декларация. Я должен несколько подробнее остановиться на этом важном моменте, если не определившем переворот, то его ускорившем, так как в возникшей полемике по этому поводу выступают различные контroversы.

Под 7 ноября Болдырев записывает... «В Правительстве я резко выступал по поводу появления прокламации ЦК эсеров. Они, видимо, ничему не научились и начинают снова свою разлагающую работу. Пригрозил арестом ЦК. Авксентьев просит обождать его возвращения из Томска, куда он едет проделать процедуру самороспуска Областной Думы. Прокламация произвела переполох. Ставила под удар Директорию и страшно озлобила военных. Нокс через консула в Екатеринбургe сообщил чехосовету¹, что в Англии за такую проповедь расстреляли бы авторов и что, если Чернов будет продолжать дальше, он напишет, чтобы сюда не давали ни копейки»² [с. 93].

В обращении ЦК к партийным организациям заявлялось, что «разрешение задачи организации власти на Гос. Совещ. в Уфе достигнуто не было»³... «Центром тя-

¹ Зензинов говорит, что заявление Нокса было сделано Авксентьеву и получило с его стороны «должный отпор» за непрошеное вмешательство в нашу внутреннюю политику [с. 191].

² «По правде сказать, — добавляет Болдырев, — от этого мы мало страдаем: все равно ничего не дают».

³ Чрезвычайно характерно: до сих пор никто не дал полного текста этого документа. Нет его и в собрании материалов, изданных Зензиновым. Между тем именно Зензинову надлежало опубликовать его, так как он считает документ безобидным и направленным на поддержку Директории. Приходится пользоваться пока изложением Болдырева.

жести своей практики, — гласило обращение, — партия с.-р. должна сделать собрание собственных и примыкающих к ней демократических сил вокруг У. С. и его преддверия Съезда членов У. С. Работа Съезда должна быть для масс трудовой демократии пропагандой в пользу будущего Правительства, ответственного перед У. С., соответствующего социально-политической линии поведения его большинства и по своему составу достаточно однородного для того, чтобы проводить эту политику не только на словах, но и на деле»... «Еще менее осторожным, — говорит Болдырев, — было дальнейшее заявление, что “в предвидении возможности политических кризисов, которые могут быть вызваны замыслами контрреволюции, все силы партии в настоящее время должны быть мобилизованы, обучены военному делу и вооружены с тем, чтобы в любой момент быть готовыми выдержать удар контрреволюционных организаторов гражданской войны в тылу противобольшевицкого фронта”»... «В сущности, это были пока только слова, клочок бумаги¹, и не в них весь вред неосторожно появившейся прокламации, — комментирует позднее Болдырев. — Вред в том, что она оказалась козырем в руках Сибирского правительства²... Военные, — вновь добавляет Болдырев, — поголовно кипели негодованием. Удерживать равновесие между борющимися крыльями стало труднее» [с. 94].

Это все, что записано в дневнике у Болдырева, столь подробно останавливавшегося даже на мелочах... Из его изложения вытекает, что Правительство отложило обсуждение вопроса до возвращения в Омск Авксентьева. Святицкий в своей книге рассказывает о заседании Правительства со слов приехавших в Екатеринбург депутатов, т. е. передает версию омских социалистов-революционеров. «Известно ли членам Директории, — спросил Болдырев, — что некоторые важные посты в государстве занимают членами партии, ведущей против Директории подкопы? Например, пост управляющего делами печати занимается эсером и членом ЦК этой партии Ми-

¹ В действительности это было не так.

² Фактически его уже не было к этому времени.

ниным». Зензинов возразил Болдыреву: «Минин не член ЦК, но вам незачем так далеко ходить: вам, должно быть, известно, что члены Директории: Авксентьев и Зензинов — члены той же партии, а Зензинов к тому же действительно является членом ЦК этой партии». «Но я думал, — возразил Болдырев, — что вы вышли уже из состава этой организации, в отношении которой я хочу возбудить вопрос о допущении ее дальнейшего существования». — «Что же вы хотите сделать?» — «Я думаю, что после появления возмутительной декларации ЦК партии с.-р, этот Комитет необходимо арестовать». Тут вмешался Авксентьев, сказав, что он находит, что этот вопрос, как и вопрос о самом существовании Директории, надлежит поднять и всесторонне выяснить, но он просит Директорию отложить выяснение вопроса до его обратного приезда из Томска... Вопрос, таким образом, был отсрочен, но Директория уже не могла вернуться к нему» [с. 92–93].

В сущности, в итоге этот рассказ совпадает с изложением Болдырева. Впоследствии официальное сообщение нового Правительства упрекало бывших членов Директории в том, что они недостаточно реагировали на антигосударственный призыв эсеровской партии. Обвинение это больно задело членов Директории из партии с.-р. В резкой статье, напечатанной 22 октября 1919 г. в «Общем Деле» и озаглавленной «Правда о неправде», Зензинов отвечал:

«В последних числах октября заведывавший всероссийским телеграфным агентством А. А. Минин принес мне полученную им от своих корреспондентов телеграмму из Уфы. В этой телеграмме подробно передавалось «Обращение Центр. Ком. партии с.-р. к партийным организациям»... Ознакомившись с содержанием этого обращения, я тут же отдал распоряжение А. А. Минину ни в коем случае этого документа не опубликовывать, ибо мне казалось, по меньшей мере, бестактным призывать к поддержке Правительства, подвергая его действия критике, а призыв к вооружению, от какой бы партии он ни исходил, я считал недопустимым. Затем я сообщил о сделанном мною распоряжении Н. Д. Авксентьеву, который его вполне одобрил» [Зензинов. С. 190]... «При содействии

правых кругов дело о «прокламации ЦК», — продолжает автор, — приняло большие размеры — оно обратило на себя внимание гораздо больше, чем вообще того заслуживало. Ввиду этого я, по собственному почину, вызвал из Екатеринбурга к прямому проводу членов ЦК М. Я. Гендельмана и Ф. Ф. Федоровича и просил их передать ЦК мое и Авксентьева мнение о совершенной недопустимости подобного рода обращений. При этом само обращение подвергнуто было мной очень резкой критике с указанием на его печальные последствия, которые подобные акты ЦК могут иметь. — Я имел в виду визит ген. Нокса (!!) к Н. Д. Авксентьеву» [с. 191]. Само заседание Зензинов изображает так: «Вологодский и ген. Болдырев высказались за немедленный арест Центр. Ком. Кроме того, Вологодский лично мне поставил вопрос об этом обращении, так как ему было известно, что до вхождения моего в Правительство я был членом Центр. Ком.: «Спрашивал ли у вас ЦК разрешения на выпуск подобного рода обращения и что вы имеете в виду сказать по поводу моего предложения об аресте ЦК»?

Я ответил на это, что, во-первых, считаю деятельность всех политических партий совершенно независимой от деятельности Правительства и потому мне представляется странным вопрос о моем разрешении, а, во-вторых, что касается требования об аресте ЦК, то полагаю, что в этом должны разобраться судебные власти. И если судебные власти установят противогосударственность действий ЦК и членов партии с.-р., то я выскажусь не только за арест ЦК, но и всех членов партии с.-р., но при одном условии — если одновременно будут также арестованы и все виновные в противогосударственных деяниях справа, вроде, напр., офицеров, певших на днях в Красноярске и Омске «Боже, Царя храни» при официальных встречах союзников. К моей точке зрения вполне присоединились Н. Д. Авксентьев и В. А. Виноградов. Правительство постановило начать против ЦК судебное расследование, поручив это дело генерал-прокурору, т. е. министру юстиции Старынкевичу. Через несколько дней, когда мы возвращались с заседания, ехали в одном автомобиле — Авксентьев, Старынкевич и я, — мной был задан

вопрос Старынкевичу, в каком положении находится это дело. Он мне буквально ответил следующее: «Все это дело раздуто, и, по-видимому, никакого состава преступления в обращении ЦК найдено не будет»» [192—193].

Мы, конечно, не имеем основания не верить В. М. Зензинову. Но память не всегда точно воспроизводит прошлое¹, и особенно в том случае, когда мемуарист стремится к тому или иному самооправданию (в данном случае для Зензинова статья не носила даже характера воспоминаний). В таких случаях память иногда невольно делает соответствующий скачок. Зензинов излагал недавние события в состоянии еще некоторой запальчивости и раздражения². Слишком болезненно ударил по Директории переворот 18 ноября. Члены Директории пытались честно до конца выполнить свои обязательства — так, как каждый из них их понимал. Вот характерное письмо за подписью Авксентьева и Зензинова, которое приводит Святицкий и которое было получено в Екатеринбурге за несколько дней до событий, освободивших авторов письма от принятых на себя обязательств: они перестали быть «мучениками компромисса». «Мы живем, — гласило письмо³, — как на вулкане, готовом

¹ Член Директории, очевидно, неясно себе представляет юридическую конструкцию власти: непосредственного распоряжения от Директории Старынкевич получать не мог; дело должно было пройти через Совет министров.

² Статью свою он начинал словами: «Немало лжи и глупостей было написано о партийности и негосударственности избранного в Уфе Вр. Вс. правительства... Делают это либо по неведению, либо ради определенных политических соображений... Я не только убежден, но я знаю наверное, что все беспристрастные люди, свидетели и участники этих событий, независимо от их собственных политических взглядов, полностью подтвердят правильность моих показаний, которые будут носить исключительно фактический характер».

³ Святицкий утверждает, что это письмо было адресовано ЦК партии. То ли это письмо, о котором в официальном правительственном сообщении говорилось: «30 октября, уже после появления прокламации, З. представил Комитету доклад о деятельности Вс. пр.». Сам Зензинов называл это «частным письмом к некоторым членам ЦК» [с. 188].

ежеминутно начать извержение. Каждый вечер мы сидим и ждем, что нас придут арестовать. Но по совести должны сказать, что иного пути, чем тот, на который мы вступили, мы не видели и не видим. Мы хорошо понимаем упреки, обращенные к нам: мы сами отнюдь не удовлетворены тем составом всероссийского Совета министров, который создан в результате соглашения, но действовать по-иному, вступить на путь раскола и междоусобной брани мы не хотели, да и не могли. Мы ждем случая, чтобы поставить ребром вопрос о нашем дальнейшем пребывании в составе Директории, а пока мы хотели бы одного: то, что должно случиться, чтобы случилось скорее!» [с. 91].

Пожалуй, приходится только пожалеть, что честность заставляла их оставаться в Директории тогда, когда для них самих стало ясно их бессилие (*post factum* они этого бессилия не признавали).

Понять психологию заместителя Чайковского в Директории не трудно: он был, по выражению Ракитникова, принесен в «жертву реакции» [Распад. С. 33]. Но объективно факты не за ту концепцию, которую он дал в своей статье. Прежде всего, правительственное заседание, которое описывает Зензинов, не могло быть 5 ноября. Вспомним, что это был день первого заседания нового Совета министров. Допустим, что здесь или невольная ошибка памяти, или, что еще проще, типографская опечатка. Заседание это не могло быть и 7-го, когда, по словам Болдырева, он пригрозил арестом ЦК. Пение гимна на банкете в Омске при официальной встрече союзников, о чем упоминает Зензинов, происходило 13 ноября. 15-го утром Болдырев уехал на фронт. Не могло при таких условиях происходить через несколько дней заседание, на котором было принято столь определенное решение по отношению к эсеровскому ЦК. Надо предположить, что решение было принято только после отъезда Болдырева. Это мало правдоподобно. Скорее всего, Зензинов излагает частные беседы, споры и предположения, которые возникали в то время в правительственной среде. Предположения Зензинову рисуются уже решения-

ми. Конечно, это только догадки, основанные на контекстах мемуаристов¹.

Некоторое недоумение вызывают и другие места статьи Зензинова. Трудно как-то поверить, что Авксентьев и Зензинов — лица, занимающие центральные места в партии с.-р. (неважно, что в тот момент Авксентьев не входил в состав ЦК), лишь случайно узнали об обращении ЦК 11 октября. Как-то невероятно, что «правые» члены Съезда, протестовавшие против резолюции ЦК, не осведомили своевременно о своих шагах Омск. Они имели ряд совещаний перед пленумом Съезда 6–7 ноября. Кроме того, в Омске находилась специальная делегация от Бюро Съезда, которая должна была воздействовать на членов Директории.

Можно не сомневаться в том, что и Авксентьев и Зензинов (и особенно первый) отрицательно относились к позиции своего ЦК². Но ведь вопрос в том, выявили ли они внешне достаточно определенно свое отрицательное отношение. В этом внешнем выявлении была вся суть дела — широкая публика не могла знать, что делается внутри партийных фракций. На поставленный вопрос приходится ответить отрицательно: Зензинов и позже отнесся весьма легко к прекарной резолюции своего ЦК.

«Прокламации нельзя приписывать решающее значение», — говорил Ключников в парижском докладе. Конечно, это так. Содействовала вся обстановка. «Прокламация» была лишь одним из «звеньев» в цепи фактов. «Прокламация, — правильно отмечал сам Авксентьев в цитированном письме товарищам своим на Юг, — была последним гвоздем в гроб Директории». «Лучшего подарка — по его мнению — реакция ждать не могла». Не

¹ Разъяснить загадку могли бы протоколы Директории, если они велись и сохранились. Парфенов не приводит того помеченного 13 ноября распоряжения Директории Старынкевичу о предании суду ЦК эсеров, на которое он ссылается [с. 68]. По-видимому, большевицкий историк механически повторяет здесь версию В. М. Зензинова.

² Н. Д. Авксентьев не был выбран в число членов ЦК партии, так как последний Съезд партии, по выражению эсеровской «Воли Народа», прошел «под знаком большевизма».

находятся ли, однако, эти слова Н. Д. Авксентьева в котором, по крайней мере, противоречии с коллективным заявлением бывш. членов Директории, напечатанным в харбинской газете «Маньчжурия» 15 декабря 1918 г.:

«Не злоумышленная деятельность эсеров, а давнишняя, особенно прочно свившая себе гнездо в г. Омске, надежда правых кругов на осуществление единичной военной диктатуры толкнула на борьбу с коалиционной демократической властью, на борьбу с целью ее свержения, чтобы затем начать осуществлять классовую антидемократическую политику расправы за прошлое» [Зензинов. С. 166)].

«Нет ни одного акта в деятельности Директории и поведении ее членов, принадлежащих к партии социал.-революционеров, который давал бы право говорить об антигосударственности, подчинении приказам ЦК партии, стремлении «разложить» молодую русскую армию», — говорили бывшие члены Вр. Вс. пр. в том же заявлении 15 декабря. Они правы. Но в сущности, правительственное сообщение, во многом неудачное, обвиняло их больше всего в нерешительности, вызвавшей «сильное неудовольствие». В этом правительственное сообщение право. В правых общественных кругах — и не только в правых — отношении к эсерам было такое же, какое у эсеров к «контрреволюции», подчас мнимой. Эта своего рода «эсеровская боязнь», ведущая свое происхождение от ненависти к тому «роковому человеку» (т. е. к Чернову), влияния которого на партию боялся и сам Авксентьев, нередко заходила слишком далеко. Надо помнить, что в Сибири в руководящих органах партии сторонники «рокового человека» оказались в большинстве. У противников «черновцев» не хватало такта, а может быть и мужества, вполне определенно и резко отгородиться от бывших своих политических единомышленников. Это их вина. Мешал здесь отчасти и контрреволюционный гипноз, боязнь, при некоторой гипертрофической оценке значения левой общественности или «организованной демократии», потерять связь со своим политическим центром. «Третьей силы», на которую рассчитывали творцы эсеровской тактики в годы гражданской войны, не оказалось.

Отсюда бесплодие их при создании новой государственной жизни. «Третья сила», которую они пытались создать, фатально шла в большевицкое русло. Практически деятельность эсеровского ЦК в сибирский период разрушала то государственное дело, которое — плохо или хорошо — пытались делать другие. Для того чтобы доказать противоположное, надо прежде всего доказать, что весь текст Святицкого, подтверждаемый и другими источниками, представляет из себя нечто вымышленное. Пока нет оснований сомневаться, что черновским alter ego довольно точно изображены и настроения, и попытки действовать этих «левых»¹. Поэтому так одиозна становилась в глазах многих, очень многих, а не только в несколько примитивном сознании не искушенных в нюансах партийной политики казачьих офицеров из атаманских противобольшевицких отрядов, формальная связь членов Директории с ЦК партии. В. М. Зензинов несколько наивно пытается представить партийную связь как выслушивание Директорией «мнений, соображений и предложений», исходивших от различных организаций: «Правительство не могло жить в безвоздушном пространстве, оно обязано было прислушиваться к мнению всех политических партий и с ними считаться» [с. 188]. В действительности, как было много раз установлено выше, связь с екатеринбургскими эсерами, с ЦК и Бюро Съезда не была только формальной — связь эта была гораздо более тесной². В «плену» у ЦК Директория не была, но руки у нее были до известной степени связаны. Это было общее мнение общественных кругов, поддерживавших Сибир-

¹ Чернов обвинял меня за то, что я выуживаю у Святицкого как раз все «субъективное» и даже вычитываю нечто «противоположное» тому, что в книге имеется. Так как книга Святицкого в эмиграции является большой библиографической редкостью — ее нет даже в пражском книжном фонде при Архиве, я вынужден делать большие цитаты. Тут же отпадают обвинения в искажении текста. Перед нами выступает подлинное изображение «черновцев» в эпоху Директории.

² У Зензинова был даже особый шифр для сношений с ЦК партии [письмо Альтовского Ракитникову 20 окт. — «Кр. Арх.». XX, с.167].

ское правительство. Об этом, в сущности, говорят и Кроль и Болдырев¹...

Директория единодушно осудила антигосударственный акт ЦК эсеровской партии. «Мало того, — рассказывает Зензинов, — когда ген. Болдырев накануне самого переворота (в действительности 15-го) выезжал на фронт, он задал Н. Д. Авксентьеву вопрос, вправе ли будет он принимать на фронте суровые меры, до расстрела включительно, против лиц, которые будут уличены в разложении армии и создании внутри ее каких-либо особых партийных вооруженных организаций? Н. Д. Авксентьев ответил ему на это утвердительно, и его ответ затем единогласно подтвердили все остальные члены Правительства» [с. 193]. Но Болдыреву не пришлось применять никакой репрессии, ибо никаких преступных организаций и замыслов на фронте не оказалось. Так говорил Болдырев при встрече с бывшими членами Директории в Японии. Но Болдырев не рассказал, как отнесся он к отказу подчиниться его распоряжению о военных формированиях, которые шли в Уфе и отчасти в Екатеринбурге под своеобразным чешско-русским флагом.

Омские народные социалисты не без основания усмотрели в «воззвании 22 октября» начало попытки организовать новое «партийное правительство». Они увидели

¹ Уорд и Пишон сделали даже Болдырева членом эсеровской партии. Не совсем понятным является до сих пор телеграфное обращение члена эсеровской партии Чайкина к Авксентьеву и Зензинову из Екатеринбурга 16 ноября. Оно гласило: «Данное Вами 23 сентября обязательство остается невыполненным. Создавшееся положение вынуждает меня задать Вам двоим прямой вопрос о сроке реализации обязательства. Недача Вами немедленно исчерпывающего ответа общественно обяжет меня обратиться к трем членам Директории с соответствующим открытым письмом. Прошу учесть характер Вашего обращения 23 сентября и смысл принятого мной на себя посредничества. В частности, на Вас, Владимир Михайлович, я возлагаю личную ответственность за поведение в данном вопросе третьего члена Директории, предварительное получение заверения которого Вы мне гарантировали честным словом». Очевидно, что напоминание было сделано перед собранием того «плenums» Съезда, о котором говорит Святицкий [см. выше с. 412].

ли в этом воззвании призыв партии с.-р. к подготовке «новой вооруженной борьбы». Социалисты-революционеры, по их мнению, совершили «тяжкое преступление перед Россией»¹. И во всяком случае, никак нельзя сказать, как это делает Сухомлин — один из тех, кто считал уфимскую коалицию «большой ошибкой», что «реакционно-белогвардейские силы сформировались в тылу у народного движения при активной поддержке Англии, Франции и Германии... и нанесли эсерам предательский удар в спину» [«Воля России». IX, с. 93].

¹ Резолюция 13 ноября по докладам Н. А. Филашова и И. В. Галецкого [«Заря», № 123].

ГЛАВА ВТОРАЯ

Государственный переворот

1. Сибирская общественность

Прежде чем говорить о событиях в Омске 18 ноября, мне хотелось бы еще раз коснуться в нескольких словах сибирской общественности. Мне кажется, читатель мог составить себе о ней представление и ввести некоторые необходимые коррективы в обычное для противников сибирской власти изложение. Однотонная, мрачная картина, ими рисуемая, как будто бы находит подтверждение в отзывах наблюдателей из иностранцев — особенно из числа членов неудачной миссии в Сибирь ген. Жанена. По словам этих очевидцев, вся омская общественность сплошь состояла из каких-то спекулянтов и темных дельцов¹. Казалось, все махровые реакционеры царского времени собрались на сибирских полях для восстановления старого режима. Напр., в изображении члена французской миссии проф. Легра — человека, который имел наибольшие шансы разобраться в сибирской обстановке и по знанию языка, и по долголетнему знакомству с Россией, — все сибирские политические споры приобрели чрезвычайно упрощенную форму. В Уфе был создан эмбрион социалистического правительства. Между социалистическим правительством и буржуазией в Омске не могло быть достигнуто соглашения: социалисты руководились стремлением реализовать свои мечты; Омское правительство в большинстве думало только о том, как бы набить свои карманы [«М. Sl.», 1928, II, р. 163]. Швейцарец Монтандон — глава сибирской миссии Международного Красного Креста и автор большой книги «Deux ans chez Koltchak et les Bolcheviques» — в доказательство того, что реставраторы в Сибири держались традиций царского режима, рас-

¹ Ген. Рукероль, автор воспоминаний, выпущенных Пайо в 1929 г., «L'aventure de l'Amiral Koltchak», уверяет читателей, что министры «без исключения» и чиновники всех рангов претендовали на быстрое обогащение, не особенно стесняясь в выборе средств [с. 54].

сказывает на основании будто бы авторитетного источника, что Вологодский — «Спаситель Сибири» — при отъезде из Владивостока, повез в своем поезде два вагона игральные карты [с. 67]. Может быть, Вологодский и вез «игральные карты» (отрицать этого не могу за неимением данных; Правительству всякого рода финансовые операции приходилось, вероятно, делать для изыскания денег, которые были нервом борьбы), но Монтандон не понимает того, что он говорит о крупном общественном деятеле с безукоризненной в этом отношении репутацией, окончившем свои дни в «большой бедности»¹.

Таких безответственных суждений в мемуарах иностранцев можно найти немало. Эти мемуаристы в большинстве стоят далеко не на должной высоте. Иные наблюдатели, не слишком образованные, с большим, однако, гонором, не соответствующим положению, которое они занимали, часто без критики повторяют то, что слышат с разных сторон. Сплетня не отделяется от действительности. Легенда заносится как факт. В работе, предназначенной для русского читателя, мне нет надобности опровергать измышления, вольные и невольные, иностранных мемуаристов². Их сибирские показания часто страдают всеми недостатками, присущими оправдательным показаниям. Для них это — оправдание перед общественным мнением Европы, плохо информированным и легко становившимся враждебным к сибирской интервенционной «авантюре союзников» в силу ее неудачи: национальный гонор заставлял искать виновников на стороне. Отсюда подчас вытекают слишком резкие квалификации русской общественности в Сибири. Им тем более легко было искать виновников, что в этих поисках они находили союзников — и могли сослаться на авторитет демократов из социалистического лагеря. Только их суждения без критики многие и повторяют.

Эти, уже русские, суждения партийного происхождения, суждения одной из борющихся сторон, в свою

¹ Окулич. П. В. Вологодский [«Возр.», № 282].

² Некоторых «легенд», впрочем, я попутно коснусь, так как, попав в печать, они получили распространение.

очередь, чрезвычайно пристрастны. Я никак не могу вообще безоговорочно отождествлять монархические симпатии с реставрационными замыслами классов, потерявших свои привилегии во время революционной бури. Это — трафарет плохого публицистического тона. О монархии после всех «революционных» переживаний и эксцессов большевицкой поры могли думать и люди, по существу отнюдь не настроенные реакционно (я употребляю это слово в обычном принятом смысле)¹. Я думаю, многие согласятся со мной, если я, напр., приведу выдержку из дневника В. Н. Пепеляева, давнего члена партии к.-д., входившего в ЦК, помеченную 23 сентября 1918 г.: «Ст. Маньчжурия. Я расстался с кн. Львовым. Мы расцеловались. Он на прощание сказал мне: “Желаю вам успеха насчет монархии”»². Наряду с этим пожеланием Пепеляев отмечает в своем дневнике (28 января): «В офи-

¹ Понятие «реакционности» становится вообще весьма относительным. Напр., иркутская «Новая Сибирь» [№ 15] в виде иллюстрации реакционных настроений офицеров приводила описание такого инцидента. Три офицера, прибывшие с Волжского фронта (очевидно, из состава Народной армии), просили владелицу газетного киоска уничтожить висевший там портрет Чернова. Та не соглашалась. Тогда офицеры предложили купить портрет с целью его уничтожить. Почему-то и на это владелица не согласилась. Проходивший сибирский офицер безуспешно просил волжских офицеров успокоиться. Он ушел, а волжане продолжали вести «войну» с портретом Чернова. Признаком реакционности становилось в глазах некоторых иностранцев празднование офицерством Нового года по старому стилю [*Кенэ. L'Arrière sibérien. «M. Sl.»*, 1926, VIII, p. 180]. Зато, по-видимому, последовательным демократизмом считалось печатание в газетах социалистического направления: «Убит Ник. Ник. Романов», т. е. бывший главнокомандующий в. кн. Ник. Ник. Очевидно, это должно было раздражать и не «монархически» настроенное офицерство.

² Цитата эта приводится в работе Субботовского «Союзники, русские реакционеры и интервенция» [с. 19]. Работа Субботовского носит такой характер, что нельзя быть гарантированным в точности цитаты, взятой к тому же изолированно. К сожалению, большевики опубликовали ценный дневник Пепеляева только частично: за июль—сентябрь 1919 г. [Развал Колчаковщины. — «Кр. Арх.». XXXI]. Могло быть, что в суммарной записи Пепеляева было неточно передано мнение Львова.

цестве крепнет монархия». И тем не менее выявления каких-либо открытых монархических симпатий, за исключением «монархических дебошей» (выражение Болдырева) на банкетах, в Сибири не было¹.

«Монархизм скрывался в омских салонах», — утверждает Колосов [«Былое». XII, с. 228]. Центром его был «салон» Гришиной-Алмазовой. Об этом «салоне» нам придется говорить. Здесь, как и в других местах, в воздухе носилась, однако, не «монархия», а «идея диктатуры». Левый к.-д. Кроль, окрещенный в Сибири, по его словам, «белой вороной», не одобрял этих «диктаторских» настроений. Под углом своих несколько противоречивых точек

¹ Нельзя таковым считать, напр., демонстрацию против Сибоблдумы, о которой передавал Гаттенберг, или требование монархистов играть в июле гимн в железнодорожном собрании в Харбине по случаю какой-то радиотелеграммы с манифестом о вступлении на престол вел. кн. Михаила [Будберг. XIII, с. 221]. Насколько «монархические» симпатии скрывались и позже, свидетельствует такая запись Будберга от 17 июля 1919 г.: «В соборе состоялась панихида по Царской семье. Демократический хор отказался петь. Из старших чинов на панихиде был я, Розанов, Хрещатицкий и уралец ген. Хорошкин; остальные постарались забыть о панихиде, чтобы не скомпрометировать своей демократичности» [XIV, с. 325].

Что касается банкетных «дебошей», то, быть может, и здесь следует сделать оговорку. Ведь другого национального гимна, кроме «царского», не было создано в революционные месяцы. «Образовалась пустота», — правильно заметил Болдырев [с. 38]. Неотвратимая потребность гимна существовала, недаром англичане не могли понять национальной психологии, обходившейся без гимна. Непосредственный Уорд с подобной речью выступил даже на публичном банкете во Владивостоке: «Если бы у нас было 20 революций, то все-таки я не мог бы представить себе, чтобы англичане стали стыдиться английского флага» [с. 55–56]. То же было и в Красноярске. На английских собраниях, когда полагалось оркестру играть национальные гимны союзников, исполнялся старый русский гимн (см. воспоминания И. А. Андрушкевича «Последняя Россия» [«Белое Дело». IV, с. 109]). На русских собраниях излишняя демократическая шепетильность доходила до таких гиперболических размеров, что оркестр играл в Иркутске «Rull Britannia» («Британия, царствуй и на водах») вместо «God Save the King» («Боже, спаси короля»). Этой ненормальности не понимает даже Колосов.

зрения он дает весьма пристрастную характеристику своих товарищей по партии. «Восточный Отдел» партии к.-д. в Омске он не иначе называет, как «азиатским отделом», и усиленно отгораживается от тактики «матерых реакционеров» типа Жардецкого¹ и «обезумевших от ненависти» Клафтонов [с. 163]². Таких «обезумевших от ненависти» было немало число — и не только в «буржуазной» кадетской партии и среди торгово-промышленников. Их уже характеризовал нам другой Кроль — иркутский эсер. Его характеристику может дополнить Утгоф: «Насилие большевиков так сильно повлияло на некоторые интеллигентские группы, что борьба с большевизмом стала для них самоцелью» [с. 20]. Именно так смотрели на дело и Вологодский, и Сазонов, и другие их соратники. Так смотрели на дело и многие кооператоры. Напр., председатель Союза маслоделов политические расхождения в сибирской кооперации в письме более позднего происхождения (21 июля 1919 г.) объяснил тем, что одни «не желали поражения большевиков, а другие вели кампанию против большевиков»³. Эти «обезумевшие», среди по крайней мере демократии, искали путей для объединения сил в целях борьбы. Они, в лице хотя бы Сазонова, до последнего момента держались той позиции, которая позже стала весьма непопулярной в некоторых демократических кругах. В работе, посвященной Н. В. Чайковскому, мне приходилось уже цитировать письмо Сазонова от 6 сентября 1921 г.⁴: «И что обиднее всего — сейчас на краю пропасти мы все

¹ Кроль подчеркивает [с. 67], что Жардецкий стоит за монархию и держится германской ориентации. Если это было действительно так, то, очевидно, Жардецкий в Сибири был выразителем позиции, которую приблизительно в это время занимал председатель партии П. Н. Милюков. О позиции Милюкова и партии к.-д. см. мою брошюру «История гр. войны в освещении П. Н. Милюкова».

² Видный самарский кадет Клафтон, расстрелянный после Колчака. Погиб тогда же и Жардецкий.

³ Дело касалось ссоры представителя Закупсбыта и Сибирского Союза за границей, когда эсерствующие кооператоры стали выступать против интервенции, «жалая, что союзные войска убивают русских людей». А раньше?

⁴ Я не назвал тогда автора, не зная, что А. В. умер в Шанхае 9 марта 1927 г.

же продолжаем вести нашу старую партийную грызню и этим ослабляем себя. Сейчас должна быть одна партия — национально-русская и одна цель — спасение и возрождение России, все, что сверх этого, то от лукавого!» «В таком объединении нет места только большевикам справа и слева», — пишет он позже, 15 сент. 1924 г.¹

Не все, может быть, знают, кто такой сибирский «дед» Анатолий Владимирович Сазонов — старый народоволец, человек твердых политических взглядов, жизнь которого прошла «под знаком неустанного служения народу». Слова эти принадлежат Якушеву — противнику Сазонова в годы гражданской войны. Сазонов был одним из деятельнейших участников блока общественных организаций. Таким же горячим сторонником последнего был с.-р. Куликовский, входивший в Областную Думу от якутского Совета крестьянских депутатов.

Как же мог «умный» Кроль назвать блок собранием «тринадцати нулей». В союз входили «правые с.-р.», «народные социалисты», «кадеты», с.-д. группа «Единство»; наконец, кооператоры и торгово-промышленники. «Партийные организации я взял в кавычки, — сообщает политик и мемуарист, — то, что было в Омске под этими названиями, за исключением, может быть, «атаманской» группы «Единства», как по иронии судьбы называлась партийная группа рабочих, живших в предместье Омска Атаманский Хутор, не имело ничего общего с теми партиями, названия коих эти организации себе прицепили. По крайней мере, ни эсеры, ни энэсы, прибывшие из центра, «омских» эсеров и энэсов своими не признавали...»²

¹ Письмо цитирует автор некролога в «Вольной Сибири» [II, с. 176].

² Я хорошо знаю лидера омских нар. соц. Филашева-Новикова. Видел и много говорил в 1921—1922 гг. с вернувшимся в Москву из Сибири Галецким. Назвать их перешедшими в лагерь консерваторов и реакционеров решительно отказываюсь. Их демократизм сохранился в полной мере. Как мы увидим, lapsus'ы у Галецкого, как у редактора «Новой Зари», были, но и только. Те из прибывших из центра, на авторитет которых ссылается Кроль, судя по их публичным выступлениям, как раз уклонились тогда от линии, установленной центром.

«Блок в политическом смысле был блоком «тринадцати нулей». Но с ними были связаны казаки и военные круги, и поскольку они без блока были реальной силой, то и он представлял собой реальную величину» [Кроль. С. 144].

В общем блок, несомненно, пытался осуществлять в жизни позицию, установленную «Союзом Возрождения». Так как блок являлся широким объединением, преследующим практические цели, неизбежно в состав его входили группы, постепенно отходившие от основной линии. В конце концов, на этой почве блок раскололся. Его «правым крылом» была партия народной свободы, которая, как мы видели, и в Сибири постепенно переходила вновь на признание преимущества диктатуры в период гражданской войны... Эволюцию можно наглядно увидеть на примере екатеринбургского Комитета партии, где лидерствовал сам Кроль. В Екатеринбурге было назначено собрание для рассмотрения вопросов, подлежащих обсуждению на партийном Съезде, который созывался в Омске в середине ноября. «Придя на это собрание, — рассказывает Кроль, — я еле узнал нашу группу. Впервые я услышал в ней прямо и определенно сформулированный вопрос: «Директория или диктатура?» Я был поражен даже самой возможностью столь явной постановки этого вопроса в нашей группе, которая одна, из очень редких, сумела сохраниться (?) с 1905 г.» [с. 157].

Откуда это могло взяться? Кроль видит здесь влияние самарцев, прибывших в Екатеринбург в качестве беженцев. Они испытали все прелести управления Комуча и приписывали «исключительно ему поражения на фронте». Директория — продукт Комуча. Она слабовольна; она погубит фронт; она развалит тыл; выход один — в диктатуре. За диктатуру стояли и члены пермского Комитета, жаждавшие вернуться домой. Для них «Директория» — отступление; «диктатура» — наступление. Не оставалась без влияния и «работа прибывшего в Екатеринбург А. С. Белоруссова». В Екатеринбурге, по настояниям Кроля, все же диктатура «незначительным большинством была отклонена». На всесибирском партийном съезде в Омске 16 ноября она была принята.

Но мне неизвестно, чтобы левая часть блока когда-либо объявляла себя принципиальной сторонницей диктатуры¹.

Кроль, враждебный к омской общественности и к блоку, говорит, что блок вел себя в отношении Авксентьева и Зензинова «до неприличия вызывающе» [с. 47]. Я не нашел ни у Кроля, ни у других повествователей того времени каких-либо реальных фактов, но зато у Кроля прочитал, что члены Директории расценивали блок так же, как и Кроль: «Стоило послушать их рассказы, несмотря на всю грусть момента, в комических тонах, как пыжилась депутация от каждой группы отдельно «выявить» перед Директорией свою «точку зрения», чтобы понять, что для членов Директории весь «блок» и по частям, и в целом был только смешон» [с. 144].

В сибирской обстановке блок всегда до 18 ноября выступал в роли примирителя — это было трудно в той атмосфере взаимного недоверия, которая при Директории, по словам Кроля, «достигла крайней степени накаленности». В свое время Сазонов, в качестве делегата блока, выступал «посредником для мирного улаживания возникшего конфликта между Админсоветом и Облдумой» (из некролога Якушева). В период Директории блок также занимался уговариванием сторон. И не только уговариванием. Очень яркий факт из деятельности блока сообщает Колосов: некий капитан Шемякин, по поручению блока, в целях ослабления атаманских насилий занял даже пост начальника штаба у Красильникова.

В накаленной атмосфере взаимного недоверия и вражды уже бесполезно было заниматься общественным воспитанием. Поэтому так неудержимо росла идея необходимос-

¹ Утгоф ссылается на слова московских эсеров, входивших в «Союз В.». Аргунов утверждает, что даже омский отдел этого союза, переполненный кадетами, во время Уф. Сов. опубликовал заявление о необходимости диктатуры [с. 45]. Такого заявления я не нашел. Надо сказать, что оно противоречило бы последующим заявлениям сибирских отделов «С. В.» и даже блока, позицию которого очень скоро В. Пепеляев будет называть «общественной свистопляской» [Дневник. 16 июля. — «Кр. Арх.». XXXI, с. 59].

ти диктатуры. При Директории она стала принимать отчетливые, конкретные формы. Это видно из всех записей ген. Болдырева. Описывая критическое заседание 27 октября, когда члены Директории собирались выйти из ее состава, Болдырев добавляет, что по окончании заседания Виноградов рекомендовал ему, в случае выхода всех четырех членов из Директории, «сохранить власть в связи с сохранением Верховного главнокомандования» [с. 86]¹.

2. Легенды и факты

В книге, посвященной Н. В. Чайковскому, касаясь попутно событий в Омске 18 ноября, я писал: «Переворот произошел как бы сам собой. Это было полустихийное движение военных, которое было санкционировано затем и некоторыми общественными кругами — отнюдь не только реакционными» [с. 152]. И дальше: «В атмосфере заговоров в «мексиканском стиле» должна была выдвинуться группа людей — людей безответственных, действующих за свой страх и риск» [с. 158]. Здесь нужны и добавления и пояснения, но по существу не так уже много надо прибавить.

Из фактов, приведенных на предшествующих страницах, видно, что переворот как бы висел в воздухе. О нем говорили, все его обсуждали. В подобной обстановке является второстепенной уже сама организация действия, направленного на осуществление того, что было *desiderata* широких кругов. И все-таки было ли это действие организованным? Был ли переворот 18 ноября осуществлением заранее разработанного плана? Кто его непосредственные участники и кто стоял в роли вдохновителей и инспираторов за кулисами?

Состояние материалов не дает еще возможности ответить на все эти вопросы с должной ясностью и полнотой. Я заранее готов пойти на упрек в том, что не сумел разобраться в материале и критически проанализировать

¹ Еще ранее Болдыреву «группой» кап. Степанова было предложено создать в распоряжении главковерха надежную войсковую часть.

существующие уже контroversы. Для отчетливого суждения нет прежде всего документов — они вообще редко встречаются в подобных актах. Но и то, что есть, мы знаем преимущественно в выдержках, опубликованных советскими историографами. Мемуаристы же — их не мало — слишком подчас безответственны в своих суждениях о недавнем былом. Если выбрать какой-нибудь один источник и следовать ему — все будет необычайно просто и ясно и легко примешь легенду за факт.

* * *

В пражском «Русском Заграничном Историческом Архиве» имеются воспоминания одного из якобы непосредственных участников и руководителей переворота подп. Бафталовского. Написаны они в Тунисе 20 апреля 1925 г. В воспоминаниях этого участника переворота столь определенно чувствуются позднейшие наслоения, что подвергать их детальному критическому анализу не стоит. Здесь суммированы различные данные, слухи, разговоры в одну общую картину, которая в силу уже этого получается мало правдоподобной.

Мысль о свержении Директории, в изображении мемуариста, родилась в известном уже нам салоне Гришиной-Алмазовой, посетителями которого были Михайлов и ген. Андогский. Разработку плана с технической стороны взяли на себя ген. Андогский, полк. Сыромятников, полк. Лебедев. Их помощником состоял кап. Буров и автор мемуаров кап. Бафталовский. Финансировал все предприятие Михайлов¹. После длинных переговоров заговорщики остановились как на исполнителях на военной группе Волкова—Красильникова. Полк. Уорд дал согласие на поддержку переворота английским батальоном. На роль диктатора был намечен адм. Колчак, давший принципиальное согласие при условии, что власть

¹ Другой мемуарист, с ненапечатанными мемуарами которого мне пришлось познакомиться с разрешения г-на Поволоцкого, — мемуарист, чрезвычайно опасный, — В. Н. Львов, говорит, что общий план действия против Директории был разработан Жардецким, Михайловым и Соловейчиком.

будет передана ему Правительством, а не добыта им захватным порядком¹. Казачья группа Волкова—Красильникова в ночь с 17-го на 18-е произвела арест членов Директории из состава партии с.-р. ... Командующий войсками Матковский, узнав об аресте, предписал нач. штаба Василенко немедленно принять меры к освобождению арестованных членов Правительства, но Бафталовский раскрыл Василенко план и присоединил последнего к числу заговорщиков. Ночью члены Правительства собрались у ген. Розанова на совещание с военным командованием. Присутствовало 12 человек. О происшедших событиях докладывал полк. Сыромятников. Совещание колебалось. Разрешила вопрос настойчивость Розанова, который, стукнув кулаком, от имени армии потребовал диктатуры.

В изложенных воспоминаниях имеются налицо почти все элементы тех заговорщических сил, которые фигурируют так или иначе в существующих версиях: ответственность монархического пошиба, командный состав, члены Правительства, содействующие англичане, согласие Колчака. И все это достаточно фантастично.

* * *

Большевицкий историк Парфенов (Алтайский), подчас неизвестно откуда черпающий свой материал, вводит еще новый элемент в среду участников заговора — французскую военную миссию.

«16 ноября 1918 г. в Омск прибыли французская военная миссия во главе с командующим всеми иностранными вооруженными силами на территории Сибири ген. Жаненом и рота французских солдат.

По этому случаю Омское правительство устроило торжественный парад войскам и не менее торжественный обед в честь прибывших иностранных господ.

Во время этого торжественного обеда, после исполнения оркестром французского и других иностранных гимнов, груп-

¹ Для связи с Колчаком, добавляет В. Львов, дающий аналогичную версию, был приглашен адъютант Колчака кап. Ильин.

па подвыпивших казачьих офицеров потребовала, чтобы был исполнен гимн «Боже, царя храни», и категорически настояла на своем требовании.

Получился некоторый конфуз. Лидерам партии соц.-рев. Авксентьеву, Зензинову и др., возглавлявшим Омское Всероссийское правительство и считавшим себя верховной властью, не понравилась эта «монархическая молитва», и они сделали попытку напомнить офицерам об их «демократических воззрениях» и даже предложили военному и морскому министру Колчаку арестовать некоторых из них.

Вечером в этот же день начальник омского гарнизона полковник Волков и начальники казачьих частей Красильников и Катанаев явились к Колчаку и заявили, что «долг перед родиной и настроение всех частей вынуждает их арестовать членов Правительства соц.-рев., ведущих преступную соглашательскую политику с большевиками», и просили «от имени всей армии принять на себя верховное руководство возрождающейся армией и народом»...

Колчак торжественным жестом поблагодарил за доверие офицерскую делегацию и уговорился с полковником Волковым, что завтра утром представит ему проект конкретного плана ареста Директории.

На другой день, т. е. 17-го числа, сначала в поезде французской военной миссии, затем в здании военно-промышленного комитета, состоялось объединенное совещание иностранных генералов, представителей партии к.-д., омского «Союза Возрождения» и др., которое почти единодушно, исключая американского и чехословацкого представителей, высказалось за переход власти к военному диктатору в лице адмирала Колчака, хотя выставлялись и другие кандидаты: адмирал Семенов, генерал Болдырев и атаман Дутов (последний поддерживался генералом Ивановым-Риновым).

Чехо-американские представители, противившиеся разгону Директории, в крайнем случае настаивали на включении Авксентьева и Аргунова, как «пользующихся широкой симпатией народа», в состав Правительства адмирала Колчака и на оставлении «без урезок демократической программы существующего Правительства».

Технически совершить разгон Директории было поручено полковнику Волкову, председателю омского Комитета партии к.-д. Жардецкому и министру финансов И. Михайлову.

А через несколько часов после этого совещания офицерская часть отряда атамана Красильникова приступила к выполнению намеченного плана» [с. 69–70].

Участники французской миссии, выступившие с воспоминаниями о данной эпохе, незнакомы, конечно, ни с работой Парфенова, появившейся в первом издании в Харбине (1921), ни с отдельными статьями этого советского исследователя гражданской войны в Сибири. Иначе они поспешили бы опровергнуть обвинение их хоть в косвенном участии в событиях 18 ноября. Для них Колчак ни более ни менее как «une invention anglaise». Так один из них — Дюбарбье¹ — и начинает главу, посвященную перевороту. Сам шеф миссии, ген. Жанен, с удивительной легкостью повторяя популярную одно время у иностранцев наивную легенду, в отрывках дневника, которые печатались в «Monde Slave» [1924, XII, p. 238], говорит:

«Действительно, англичане, поставив Колчака у власти, были приблизительно столь же удачливы, как и тогда, когда они свергли Николая II. Без этого, не знаю, был ли бы побежден большевизм в России, но Сибирь, в этом я убежден, удалось бы спасти и устроить. Народный порыв не был бы там задушен жестокой реакцией, всех возмущавшей, повышавшей нервность чехов и уничтожавшей у них всякое желание сотрудничества».

Известный нам полк. Пишон в статье «Le coup d'état de l'amiral Kolčak» [«M. Sl.», 1925, II, p. 259] добавляет:

¹ En Sibérie après l'armistice [p. 70]. Дюбарбье, скорее, чувствует перевороту: сам по себе он был правилен, ибо соц.-революционеры (так назывались «Ces bons bourgeois republicains»), больше болтливые адвокаты и идеологи, чем правители, теоретики, а не реалисты, проявили свое полное бессилие. О них никто не пожалел. Но Колчак сделал ошибку, игнорируя Семенова и чехов, без поддержки которых власть Правительства была не жизненной. По вине Колчака переворот 18 ноября сделался авантурой.

Любопытно, что другой иностранный участник сибирских походов Люд. Грондиж, считает государственный переворот несколько преждевременным. Ошибка инициаторов в том, что они упустили узнать мнение чехов, без которых новое Правительство не могло существовать [La guerre en Russie et en Sibérie. P. 115].

«Совершенно несомненно, что адмирал, привезенный англичанами из Месопотамии и из Индии, конвоированный во Владивосток и в Сибирь английским батальоном, был человеком генерала Нокса. Но столь же несомненно и то, что не было на нем ни в коей мере французского штемпеля и что обстоятельства, приведшие его к власти, произошли между отъездом из Владивостока генерала Париса и приездом в Омск верховного французского комиссара и находились совершенно вне нашего влияния».

Пишон не против диктатуры, он только против переворота. Все можно бы сделать легальным путем при некотором терпении. Директория могла бы эволюционировать — Колчак мог бы последовать примеру, который дал в дни французской революции консулат. Такой путь, по мнению французского военного деятеля, является путем законным [с. 206].

Печатание дневников ген. Жанена (этот дневник, во всяком случае, очень обработан) вызвало тогда же возражение со стороны главы английской миссии ген. Нокса в лондонском журнале «*Slav. Rev.*» [1925, март]:

«...Переворот, приведший Колчака к власти до приезда в Сибирь генерала Жанена, был совершен Сибирским правительством, причем Англия об этом не знала, и не было с ее стороны ни малейшего попустительства».

Жанен ответил Ноксу в «*Monde Slave*» [1922, IV]:

«...Да позволит мне сказать генерал Нокс, что у него действительно коротка память, если он не помнит, что был замешан в интриги и перевороты, приведшие к колчаковскому перевороту. Речь никоим образом не идет о «попустительстве», а исключительно об инициативе, проявленной некоторыми ее агентами, — инициативе, ныне ввиду печальных результатов ими отрицаемой. Вероятно, английский генерал не помнит больше смотра, имевшего место 10 ноября в Екатеринбурге, — смотра, на котором прошел церемониальным маршем Мидльэссекский английский полк, «являвшийся из Владивостока преторианской гвардией адмирала Колчака». Тогда я еще не приехал в Сибирь, но французские офицеры, мои предшественники, чехи и русские, свидетели этих незабываемых дней, — все помнят, как тогда держались английские солдаты и их командир, полковник

Уорд, член Парламента и рабочей партии. Несомненно, последнему неприятно, чтобы его английские избиратели узнали, что он в Сибири сделал ставку на диктатора, заслуживающего столь же мало сочувствия, как и красные диктаторы, — но история есть история и не знает тонкостей и уверток. Добавлю, что генерала Нокса, наверно, держали в курсе заговора, замышляемого Колчаком, хотя бы только через его офицера связи Стевеней, который присутствовал даже на тайном совещании, где было решено выступление. Впрочем, Стевеней и не делал из этого большой тайны, и, когда позже, во время отступления, я задал ему, после многих союзников и русских, вопрос, не сожалеет ли он о том, что содействовал возведению Колчака, которому мы обязаны этим бедствием, он просто промолчал. Мне кажется, что короткая память генерала Нокса ввела в заблуждение читателей «*Slavonic Review*» [р. 21—22].

Проф. Легра в позднейшем комментарии к своему сибирскому дневнику [«*M. Sl.*», 1928, II, р. 166] подтверждает версию своего прямого начальника:

«Мне говорили, и факты этого не опровергают, что приготовления к государственному перевороту производились в согласии с офицерами связи из английской миссии; кроме того, один офицер связи из французской миссии, не принимая участия в подготовке, был, однако, кажется, очень в курсе дела¹ и был очень счастлив тем, что замышлялось. Итак, у меня такое впечатление, что переворот 17 ноября по существу — переворот военный... Если же это так, то для меня, хорошо знающего направление русских офицеров, ясно, что это — переворот, подготовляющий реставрацию».

Итак, все доказательства ген. Жанена, легко убедившие Милюкова, что дело не обошлось без участия англичан, сводятся к рассказам, которые он и его подчиненные слышали в Сибири по поводу екатеринбургского смотра 10 ноября и присутствия адъютанта ген. Нокса на каком-то заговорщическом собрании. Доказательства не из сильных — слухами Сибирь была полна. К ним мы вернемся по связи с новой версией — екатеринбургской, которая перед нами вырисовывается.

¹ По-видимому, имеется в виду Зиновий Пешков.

Я, конечно, не знаю, какие русские осведомляли Жанена¹, но те русские мемуаристы, которых мне не раз приходилось цитировать, всегда передают только циркулировавшие слухи. Так, Майский в предисловии к изданным «Госуд. Изд.» в Москве воспоминаниям полк. Уорда «Союзная интервенция» пишет: «Я очень хорошо помню, что в Омске в тот период... открыто говорили о весьма активном участии английской миссии, и в частности ее главы, ген. Нокса, в перевороте 18 ноября. Рассказывали, что накануне переворота на собрании офицеров-заговорщиков, арестовавших членов Директории, присутствовал представитель ген. Нокса, который благословил заговорщиков на задуманное ими дело» [с. 78]. «Злые языки, — передает Святицкий в другой своей книжке «Реакция и народ», — говорят о непосредственном участии в перевороте Нокса» [с. 26]. Ген. Федоров заявил Колосову, что переворот сделан с согласия и при участии англичан [«Былое». XXI, с. 578]. «В действительности заговор был решен англичанами и французами не в Сибири», — утверждает уже чешский коммунист Шмераль. Источник заговора выше: Шмераль ссылается на речь ген. Штефаника по приезде в Сибирь, в которой первый чешский военный министр убеждал своих компатриотов: «Переворот не был подготовлен только в Омске. Главное решение было принято в Версале» [«Чехословаки и с.-р.»].

¹ Осведомителей у французской военной миссии было не мало. К сожалению, Колосов не так уже не прав в своем утверждении, что «деятельность иностранных войск сводилась к тому, чтобы следить друг за другом». Контрразведка пускала свои шупальца довольно далеко. Случай доставил мне пачку копий донесений французской контрразведки — это сводки какого-то «тайного агента Джона», представлявшиеся майору Марино в 1919 г. В «Голосе Минувшего» [1926, № I—XIV] мной уже были опубликованы образцы французских агентурных сведений по наблюдению за русскими генералами. Агенты, «прикомандированные» даже к самому Колчаку, проникавшие в его окружение, подслушивали, «стенографировали», обрабатывали «сплетни», выдавали их за непосредственно слышанное (по заявлению ген. Рукероля, «агенты» находились во всех омских «салонах») [Op. cit. P. 93]. Все это, несомненно, чрезвычайно характерный материал. Но где мерило его достоверности?

Москва, 1922, с. 21]. Я допускаю возможность подобного заявления со стороны Штефаника, выполнявшего, как мы увидим ниже, весьма щекотливую миссию в Сибири среди чехов, сильно подвергшихся местной агитации. Но ведь ясно, что это был только своего рода демагогический прием. И можно пройти мимо этих коммунистических домыслов.

Самый солидный аргумент в пользу участия Нокса в перевороте можно найти в дневнике Болдырева. Под 21 октября у него записано: «В 4 часа приезжал Нокс с Родзянкой; озабочен размещением батальона прибывающих английских войск. Пил чай, грозил набрать банду и свергнуть нас, если мы не договоримся с сибиряками. «Я становлюсь сибиряком», — закончил он свою шутку»¹.

¹ Усиленно настаивал на закулисной роли Англии в своих письмах той эпохи Керенский. Он писал об этом в октябре Маклакову и Авксентьеву, предупреждая последнего о Ноксе и настаивая (впрочем, с опозданием — письмо получено 25 октября) на принятии мер «к выяснению всех заговорщиков в России, так как новое повторение корниловской попытки может окончательно разрушить и добить Россию». [Сб. «Издалека». С. 132.] Шум делал Керенский главным образом из-за некоего г. Х., который при содействии лорда Z. организует монархический заговор в Сибири. Воспоминания Набокова вскрывают нам эти инициалы: как оказывается, этим занимался при посредстве неизвестного Завойко лорд Мильнер [с. 230].

Сам Керенский рассказывает, что Маклаков довольно метко ему говорил, что он стреляет по воробьям. Почему такой «авантюрист», как Завойко, пользовался влиянием в некоторых английских кругах и получил особые привилегии для поездки в Сибирь — мы не знаем. Читатель из первой главы наших очерков знает, как подчас наивны бывали иностранные политики и дипломаты, как легкомысленна бывала порой их конспиративно-заговорщическая деятельность. Но к адм. Колчаку это не имело никакого непосредственного отношения. Завойко прибыл в Сибирь после переворота. Занимался он здесь только интригами против Колчака, делал попытку устроить заговор и был выслан. Керенскому кажутся очень убедительными для подтверждения версии об участии англичан в перевороте 18 ноября слова, произнесенные Черчиллем в палате общин 6 июня 1919 г. Он сказал о Правительстве Колчака: «Мы вызвали его к жизни» [там же. С. 134]. Не следует ли, однако, понимать их в том смысле, что Великобритания оказала реальную

Если не сам Нокс устроил переворот, то орудием его являлся молодой чешский генерал — Гайда. Есть и такая версия. Нокс соединил Колчака с Гайдой, причем последний не знал о подлинных намерениях Колчака. Это дополнение принадлежит перу Жанена [«М. SI.», 1925, III, р. 340]. Самому Гаюде только впоследствии открылся злокозненный план англичан, посадивших Колчака, — так пишет он в своих воспоминаниях [с. 97], имеющих, правда, необычайно малую ценность, вопреки мнению Милюкова, так как Гайда в них старательно умалчивает о всех своих закулисных выступлениях и разговорах, которые часто вскрывают подоплеку его сибирской деятельности.

Гайда имел, по версии Колосова, с самого начала «близкое отношение» к возведению Колчака на пост диктатора... Колосов многозначительно подчеркивает, что его сведения исходят из «вполне авторитетного источника»: «Едва ли на свой риск и ответственность Гайда даже и вывез Колчака с Востока». Колосов, посланный вместе с кн. Львовым от Уфимского Совещания приветствовать десант союзников, встретился на ст. Маньчжурия с Гайдой¹, который ехал в Зап. Сибирь. Здесь же у Гаюды произошла встреча с В. Н. Пепеляевым. «Оба они сошлись тогда на том, что необходима диктатура и диктатор».

помощь Правительству Колчака? В письме ко мне ген. Нокс свидетельствует, что о готовящемся *coup d'etat* он узнал за 2—3 дня до 18 ноября от ген. Сахарова в Маньчжурии. В то же время ген. Нокс отнюдь не отрицает возможности, что некоторые члены его миссии (напр., полк. Нельсон) могли быть осведомлены о готовящемся выступлении и принять участие в одном из многочисленных собраний в Омске, где обсуждался переворот. У меня есть прямое свидетельство о таком совещании с представителями союзников, на котором жена кап. Ильина была переводчицей. Но подобное признание, конечно, очень далеко от утверждения, что ген. Нокс официально санкционировал переворот, а члены его миссии были чуть ли не инициаторы этого акта. Во всяком случае, у М. В. Вишняка абсолютно не было никаких данных для подобного утверждения на страницах «Совр. Записок».

¹ О свидании с Колосовым Гайда не обмолвился в своих воспоминаниях. Ниже будет ясно почему.

может, он (Пепеляев) зондировал почву для диктатуры ген. Хорвата¹, но Гайда предупредил его, ответив быстро и определенно: «Диктатор едет со мной в этом поезде. Это адмирал Колчак»». Проводя диктатуру Колчака, Гайда появился в Екатеринбурге. Естественно, Екатеринбург и стал центром будущего заговора — здесь одна сила непосредственно противопоставлялась другой.

Для того чтобы понять создавшееся в Екатеринбурге положение, надо вернуться несколько назад². Гайда, возвеличенный успехом в борьбе с большевиками, фетирированный во Владивостоке, предложил сам себя Вологодскому на пост главнокомандующего вооруженными силами, которые действовали на территории Сибири. Мотивом выставлялась необходимость объединения командования. Интересовался Гайда и отношением к своей кандидатуре со стороны Колчака³, с которым он встретился во Владивостоке.

Согласно показаниям, Колчак на допросе ответил:

«Для меня вопрос подчинения той или другой вооруженной силе определяется всегда практическим путем. Я не знаю состава русских сил, если вы все более организованы и в стратегическом отношении имеете большую ценность, то будет вполне естественно, что командование должно вам принадлежать. Если отношение изменяется в сторону русских, то должно быть русское командование — иначе решить вопрос никак нельзя. Скажите, что такое Директория и что она из себя представляет? Он говорит: «Это образование, несомненно, не жизненное». Я говорю: «Какую власть при этих условиях вы считали бы наилучшей?» — «Я, — говорит он, — считаю, что в этом периоде и в этих условиях может быть только военная диктатура». Я ответил: «Военная диктатура прежде

¹ Пепеляев в это время будто бы являлся сторонником диктатуры Хорвата.

² Общую характеристику Гайды — этой колоритной фигуры гражданской войны — я предполагаю дать ниже, в момент столкновения его с Колчаком.

³ Не имея возможности выбраться из Владивостока, Колчак обратился в чешский штаб, где у него и произошло свидание с Гайдой. Конечно, только «тайная причина» задержала Колчака во Владивостоке [*Кратохвиль*. С. 222].

всего предполагает армию, на которую опирается диктатор, и, следовательно, это может быть власть только того лица, в распоряжении которого находится армия. Но такого лица не существует, потому что даже нет общего командования. Для диктатуры нужно прежде всего крупное военное имя, которому бы армия верила, которое она знала бы, и только в таких условиях это возможно». На это он мне отвечает: «Конечно, это вопрос будущего времени. Но я лично считаю, что это — единственный выход, какой только может быть». На этом разговоре мы расстались» [с. 147]. Так начался «роман», главные роли в котором играли Гайда и Колчак [*Кратохвиль*].

Ясно, что щупал почву, скорее всего, Гайда — «чешский кандидат в сибирские бонапарты», как характеризует его в то время бар. Будберг [XIII, с. 212]¹.

Сочувствующий, по-видимому, коммунистам майор Яр. Кратохвиль², автор книги «*Cesta revoluce*», изображает дело так, что именно Колчак при свидании воспламенил страстные желания Гайды [с. 223].

Гайда не мог не чувствовать за собой некоторой силы — недаром Гинс, по поручению Вологодского, так определенно телеграфировал из Владивостока в Омск:

«Помощь союзников обеспечена в случае назначения командующим генерала Гайды. Американцы заявили, что помогают чехам, которых три миллиона в Америке, а не русским. Японцы ведут политику захвата, Англия, Франция благожелательны, но лишены здесь реальной силы. Назначение Гайды свяжет Америку, обеспечит наши интересы. Положение во Владивостоке невыразимо: властвуют Хорват, Лавров, коллегия чиновников, земств, консульский корпус, — всего пять властей.

Весь край деморализован анархией, беспомощно отдается в руки японцев, китайцев. Гайда, как чех, будет пользоваться тем иммунитетом, которого нельзя обеспечить русскому военачальнику при создавшейся обстановке захвата, обнару-

¹ Такое же впечатление выносит и Кроль из своих разговоров с чешскими представителями: они говорили, что заветная мечта Гайды сделаться «русским корсиканцем» [с. 161].

² Кратохвиль в своей книге верит, что «часы прогресса на нашей планете будут скоро бить в Москве» [с. 539].

жившейся продажности (?), поэтому, во имя спасения родины, национальной чести, делегация просит немедленно назначить Гайду командиром, Иванова-Ринова военным морским министром. Указ сообщить нам — час промедления гибелен. Достаточно сообщить — в Благовещенске японцы вывезли все топографические материалы, китайцы захватили пароходы, здесь расхищается военный боевой материал. Другого выхода нет; вернемся нравственно убитыми, сознавая бесповоротную утрату крупных достояний Востока, предстоящие бесконечные ужасы Запада» [«Хроника». Прил. 113].

По-видимому, назначение Гайды не вызвало никаких возражений со стороны сибоблдумцев — по крайней мере Якушев и был арестован в момент переговоров о назначении Гайды с Ивановым-Риновым, находившимся в Уфе¹. Но назначение Гайды вызвало оппозицию в Совете министров — очевидно, со стороны Михайлова. Вологодский пытается убедить Михайлова по телеграфу: «В вашем отношении к Гайде чувствуется некоторая предвзятость отношения к чехословакам. Убедительно прошу оставить этот взгляд, ибо в тяжелой обстановке при встрече с иностранцами здесь вся наша делегация убедилась, что единственными бескорыстными нашими друзьями являются чехи, в частности Гайда, который пользуется весьма большим вниманием иностранцев². Дружественное отношение к нам Гайды значительно облегчило общее положение. В целях тактических прошу вас, чтобы везде Гайде и следующим с ним иностранным представителям были устроены почетные встречи войска и гражданской администрации»³.

¹ Не мешает отметить, что во Владивостоке, по словам Гинса, Гайду усиленно рекомендовал небезызвестный с.-р. Калашников [I, с. 231].

² Характерная деталь. По свидетельству Гинса, провожать Гайду во Владивосток собрался весь Дипломатический корпус. На вагоне Гайды, быть может «намеренно», была оставлена надпись: «Иркутск—Москва». Публика проводила Гайду овациями [II, 46]. Вологодского же некоторые иностранные дипломаты встретили «надменно и иронически».

³ Копии цитируемых мной во многих местах переговоров с Вологодским по прямому проводу многих лиц переданы мной в пражский Архив.

Пережив ряд триумфов в Сибири¹, Гайда доехал до Екатеринбурга, в сущности, в сравнительно «скромной роли» начальника 4-й чешской дивизии, подчиненной Сыровому. Фактически он сделался старшим оперативным начальником Екатеринбургского фронта.

В его ведении находились чехословацкие части, Среднесибирский корпус, которым командовал молодой Пепеляев. В Екатеринбурге, по изображению Крадохвиля, Гайда имел вид обойденного и обманутого человека. До поры ему приходилось делать «приятное лицо в очень плохой игре» [с. 223]. В действительности же Гайда держал себя чрезвычайно авторитетно. Он постоянно «своевольничает», по выражению Болдырева. Таким нарушением приказа являлся призыв в «русско-чешские полки добровольцев, не исключая и призванных по мобилизации». Как в свое время было указано, в данном случае некоторые нити связывали Гайду с начинаниями эсеров. Был у Гайды и другой мотив. «Развал, начавшийся в чешских войсках², — говорит Болдырев, — грозил значительно понизить их значение в Сибири и в глазах иностранцев. Гайда все учитывал. Он пытается начать формирование русско-чешских полков, настойчиво требует присылки на его фронт полностью всего Среднесибирского корпуса, чтобы за счет русских войск усилить свой престиж и сохранить свое влияние в Сибири среди иностранцев» [с. 98]³. В этих требованиях Гайда встречал противодействие со стороны штаба Сибирской армии, главным образом со стороны Иванова-Ринова и Белова.

Имя Белова вводит нас сразу в сферу новых омских группировок и «интриг». Белов — это тоже «злой гений Сибири», с его именем связаны «германофильские» тенденции — так утверждает Гинс⁴. (Не было ли здесь про-

¹ Томское купечество поднесло Гайде 1 сент. золотое оружие с надписью: «Покорителю немецких и мадьярских войск в Сибири 1918 г.».

² Об этом подробно скажем особо.

³ Он требовал, кроме того, из каждой дивизии Уральского корпуса послать по 100 чел. для временного прикомандирования к чешским войскам.

⁴ См. также *Пишон* [«М. Sl.», 1925, II, р. 254].

стой, довольно обычной в то время игры на фамилии — настоящая, или прежняя, его фамилия была ВиттенOFF.) «Слухи и сплетни» ставили Белова в центр некоторой омской интриги. «Инстинктивно как-то многому не верю», — записывает Болдырев 20 октября.

Я отнюдь не собираюсь разбираться в клубке омских оговоров. Слишком неблагоприятное это занятие. Имя Белова сейчас упоминается только как имя определенного антагониста Гайды. 21 октября Иванов-Ринов, бывший во Владивостоке и назначенный командующим Семиреченским фронтом, прислал на имя Михайлова телеграмму, в значительной степени направленную против союзников и чехов. Телеграмма, не особенно грамотная, содержала, по мнению Болдырева, много горькой правды. Иванов, между прочим, писал, что догадывается о «намерении Гайды в Омске с группой приверженных ему русских офицеров объявить диктатуру»... Это была, по выражению Иванова, какая-то «социалистическая диктатура». Мне кажется, что бывший «полицейский» довольно прозорливо проник в потаенные планы чешского кандидата в «сибирские бонапарты»¹. Гайде была известна и телеграмма Иванова, и связь последнего с Беловым. Ясно, что их противодействие требованиям Гайды — проявление германофильских противосоюзнических тенденций. 10 ноября Гайда потребовал посылки в его распоряжение всех частей Среднесибирского корпуса. «Его предприимчивость, — рассказывает Болдырев, — пошла так далеко, что он нашел возможным подкрепить свои требования ультимативной формой, назначив 48 часов на выступление требуемых частей и такой же срок на устранение от должности нач. штаба Сибирской армии г.-м. Белова... При неисполнении грозит двинуть войска в Омск и «сделать такой порядок, что долго будут помнить» [с. 101]. Дело не ограничивалось угрозой, ибо одновременно Гайда приказал эшелонам 18-го чешского полка, бывшим на пути в Омск, сосредоточиться к этому пункту и «быть готовым к бою». Распоряжения Гайды были сделаны совершенно самостоятельно —

¹ Телеграмма Иванова целиком приведена у Болдырева [с. 99].

он не осведомил даже своего прямого начальника ген. Сырового, который, получив от Болдырева соответствующую информацию, остановил продвижение войск и пытался объяснить гайдовские беззакония «потребностями фронта».

К описанному инциденту было примешано имя Колчака, который был в эти дни на Екатеринбургском фронте и прислал телеграмму Болдыреву: «С своей стороны считаю отстранение ген. Белова для пользы русского дела необходимым». Колчак, доверяя Гайде, расходясь с Ивановым-Риновым и Беловым по военным вопросам¹, совершенно не был осведомлен о закулисной стороне, тем более о характере гайдовского ультиматума и о распоряжении двигать войска на Омск. Нет абсолютно никаких данных для противоположного утверждения. Поэтому так легко Колчак изменил свой взгляд на гайдовский инцидент после разговора с Болдыревым и только настаивал на расширении своих прав как военного министра².

Некоторые из мемуаристов, напр. Пишон, ставят ультиматум Гайды в непосредственную связь с упомянутым екатеринбургским планом правительственного переворота, выдвинувшего диктатуру Колчака на место Директории. Искусственность установления такой связи очевидна сама по себе. Ясно, во всяком случае, что омская «интрига» против Директории, которую ставят в связь с именем Михайлова и др., не могла иметь отношения к екатеринбургской «интриге» Гайды, прямо ей противоположной. Иванов-Ринов, Белов и др. не были склонны поддерживать кандидатуру Колчака. В цитированной телеграмме Иванова-Ринова имеются довольно неодобрительные отзывы о Колчаке. Иванов-Ринов выдвигал себя на пост военного министра при Директории: «Колчак весьма нетактично произвел разрыв с японцами и

¹ Колчак, между прочим, поставил условием своего вхождения в министерство уничтожение введенной Ивановым «территориальной системы», которую он считал «неприемлемой» [«Допрос». С. 167].

² «Он или очень впечатлителен, или хитрит», — записал Болдырев [с. 165].

вообще много напортил на Востоке своей несдержанностью». Почти одновременно с телеграммой Иванова Белов получил телеграмму от ближайшего сотрудника бывшего упр. военным вед. Сибирского правительства, ген. Бобрика, направленную против включения Колчака в состав Правительства Директории: «Когда у ген. Иванова так удачно налаживается дело на Д. В., является просто безумием заменять его Колчаком, о котором здесь общественное мнение как о человеке, несоответствующем моменту... Японцы официально высказались, что они желали бы видеть министром Иванова. Смена министра в настоящий момент загубит наше дело у союзников» [*Болдырев*. С. 100]. Есть ли сомнение в том, что в такой момент не должно быть речи, во всяком случае у этой группы, о выдвижении кандидатуры Колчака на пост российского диктатора?

В момент «ультиматума Гайды» военный министр Директории находился на Екатеринбургском фронте. Он был приглашен чешским военным командованием на назначенное на 9 ноября торжественное освящение знамени «в честь начала чешской национальной жизни». На екатеринбургское торжество прибыл с частью своего более показательного батальона полк. Уорд. Так как вагон военного министра оказался прицепленным к этому поезду, то, очевидно, все это было сделано не случайно — англичане везли на показ своего ставленника. Будущий диктатор появился с эскортом «преторианской гвардии» [*Пишон*. «М. Sl.», 1925, II, р. 212]¹. Нокс-де давно искал подходящего генерала. Поэтому, вывезя в начале октября при содействии Гайды специального «диктатора» с

¹ Потому ли, что военный министр не видел в военной помпе выявления авторитета власти, потому ли, что министр Всерос. прав. был в менее привилегированном положении в Сибири, чем знатные иностранцы, но Колчак, очевидно, не придавал значения этому факту. Делал так, как было скорее и удобнее, не считаясь и не предполагая, что позднее отсюда родится сплетня.

Уорд указывает, что никакого предварительного соглашения о том, что он будет сопровождать Колчака в Екатеринбург, не было. Совместная поездка была решена накануне [с. 76].

Востока, 23 октября зондировал через ген. Степанова почву, не подходит ли в диктаторы Болдырев. «По словам... Степанова, — записывает Болдырев, — решено главным образом поддерживать русского генерала, которому доверяют союзники. Этому генералу будет дана и финансовая и людская помощь. Степанов дал понять, кто этот генерал. Это было первым серьезным искушением. Я отнесся к нему спокойно» [с. 82].

Выслушаем самого Колчака. Из его рассказа как-то все становится ясным.

«Первая моя миссия была присутствовать на этом торжестве и затем вечером на банкете, где я впервые познакомился с чешскими офицерами и Сыровым. Там присутствовали представители иностранных держав. Кроме того, я там вторично видел Гайду».

На другой день Колчак имел свидание с Гайдой.

«Здесь Гайда меня спрашивал о том, каково политическое положение в Омске. Я сказал, что считаю его чрезвычайно неудовлетворительным ввиду того, что соглашение между Сибирским правительством и Директорией есть просто компромисс, от которого я не жду ничего хорошего, что столкновения в будущем почти неминуемы, потому что Директория не пользуется престижем и влиянием, что Сибир. прав., которое считает, что оно Сибирь объединило и уже шесть месяцев стоит у власти, передает эту власть с известным сопротивлением. Я говорил, что столкновения, несомненно, будут, и во что они выльются, я сказать не могу. Гайда сказал на это: «Единственное средство, которое еще возможно, это — только диктатура».

Я заметил ему, что диктатура может быть основана на армии и то лицо, которое создает армию и опирается на армию, только и может говорить о диктатуре. Кто же при настоящем положении может на себя взять роль диктатора? Только кто-нибудь из лиц, находящихся на фронте. Гайда ничего не ответил на это, но сказал, что все равно к этому неизбежно придут, потому что Директория, несомненно, искусственное предприятие. Затем он говорит по этому поводу: «Мне известна та работа, которая ведется в казачьих кругах. Они выдвигают своих кандидатов, но я думаю, что казацкие круги не в состоянии справиться с этой

задачей, потому что они слишком узко смотрят на этот вопрос» [с. 164–165]¹.

Разговоры, которые ведутся в Екатеринбурге, слишком напоминают атмосферу в Омске. Генерал Дитерихс, «прежде всего чешский доброволец», рассуждает спокойно. «Несомненно, — говорит он Пишону, в передаче мемуариста, — что существует слишком много политиков и партий, что центральная власть слаба; возможно и даже вероятно, что придется когда-нибудь вернуться к единоличной власти, подходящей для русского характера; но это должно случиться позже, гораздо позже, когда различные элементы в армии процементируются, а военное положение упрочится. Наш единый долг — фронт, наша единая забота — враг; надо тянуть, несмотря на действительные несовершенства, и не бросаться в авантюры в тот момент, когда военная работа требует прежде всего спокойствия» [«М. Sl.», 1925. II, р. 254].

Другие более экспансивны — и особенно молодежь. Рассказывая о присутствии Колчака на военном параде, Пишон передает их настроения такими словами:

«Энтузиазм русских офицеров-сибиряков достиг предела, циркулировали самые смелые слухи; очень замкнутый, адмирал молчал, но его окружение ликовало и громко говорило, что он человек будущего» [с. 252]. Сторонники диктатора, несомненно, могли воспользоваться таким настроением, чтобы лансировать Колчака². Гене-

¹ В воспоминаниях Гайды передается беседа, которую вел о диктатуре с Гайдой полк. Лебедев. Имя Колчака среди других было названо последним [с. 98]. В беседе с Колчаком Гайда подчеркнул, что, как генерал, он соблюдает нейтралитет и не допустит агитации ни за диктатуру, ни против [с. 99]. Кратохвиль объясняет позицию Гайды уязвленным самолюбием. Каковы бы ни были все эти мотивы, в сущности, не остается никаких данных для того, чтобы утверждать, как категорически это делает Пишон [с. 156], что в Екатеринбурге, несомненно, Колчак–Гайда пришли к соглашению, по меньшей мере в принципе.

² Грондиж, с чужих слов, передает, что на екатеринбургском офицерском банкете, под председательством Колчака, одним генералом было выражено при одобрении русских и нескольких союзных офицеров пожелание передачи власти военному

рал Сахаров утверждает, что полк. Лебедев объехал все фронты и что Дитерихс, Ханжин, Голицын, Гайда — все говорили ему о необходимости единоличной военной власти¹. Гинс, со слов Пепеляева, рассказывает о совещании в вагоне на ветке омского вокзала, когда решено было предварительно показать Колчака на фронте, где ему заранее была подготовлена встреча [I, с. 307]. Все это называется, скорее, подготовкой общественного мнения. Что такая подготовка шла — и усиленно, отрицать, конечно, не приходится. Но все это не дает материала для того, чтобы организационно связать 10 ноября в Екатеринбурге с 18 ноября в Омске². Слишком подозрительный Кроль, твердо отстаивающий версию участия Екатеринбурга в подготовке переворота, он об этой военной подготовке, как мы знаем, на основании данных, полученных от уральского министра вн. дел, предупреждал Болдырева еще задого до переворота, усматривает до-

министру. Колчак промолчал [с. 515]. Екатеринбургец Кроль, также по слухам, говорит уже о банкете, который был в Екатеринбурге за несколько дней до переворота, на котором присутствовал приезжавший из Омска «один из видных английских офицеров» и на котором шла определенно уже речь о диктатуре Колчака [с. 118].

Достоверно лишь одно: «энтузиазм» у офицеров вызвал «молчавший» Колчак своей речью на екатеринбургском банкете о задачах армии:... «Мы глубоко убеждены в том, что возродит Россию ее армия. Без армии нет государства... нет основ общественной и имущественной безопасности, нет свободы... Без нее не удастся создать дисциплинированной силы, мы не создадим государства... Вы явились “в тяжелые дни испытаний. Но я уверен, что вы сумеете выковать крепкий меч армии”»... [Ган Ан. Россия и большевизм. I, с. 339].

¹ «Белая Сибирь». 1919. Надо иметь в виду, что автор склонен к большим сообщениям. В его изложении обстоятельств переворота имеются большие фактические погрешности хронологического свойства: напр., по его словам, Совет министров еще 17 ноября вынес постановление о передаче власти Колчаку.

² Неизвестно, на основании каких данных Вишняк определенно утверждает, что Белоруссов был близок к делу 18 ноября [«Совр. Зап.». Кн. 40, с. 495]. Близость определялась лишь общим сочувствием «диктатуре».

казательство наличности организованного плана в приезде в Екатеринбург, по поручению министра финансов Михайлова, Юргенса для управления казначейством Урала: надо было Уральское правительство лишить «на всякий случай возможности распоряжаться деньгами» [с. 158]. Это было во время сдачи дел ликвидируемого областного правительства и, вероятно, скорее, объясняется некоторой предусмотрительностью центрального министерства финансов, как это видно из того, что происходило в последние дни существования в Уфе Совета управ. вед. на бывшей территории Комуча. Возможно, что по отношению к Уральскому правительству эта предусмотрительность была излишней. Но Уральское правительство, вопреки утверждениям Кроля, фактически не имело на своей территории достаточного авторитета¹...

Идеей переворота была насыщена вся атмосфера. И нет ничего удивительного, если Бойоар из Екатеринбурга слал в Челябинск Пишону рапорт за рапортом о подготавливавшемся военном пронунциаменто. Так, 9 ноября он писал:

«Продолжают ходить слухи по поводу намерения русских офицеров установить военную диктатуру (вероятно, адмирала Колчака). Так как чехи как будто не желают способствовать этому движению или продолжать свое дело в случае, если диктатура эта установится, то среди русских офицеров якобы существует большое недовольство против чехов и особенно против чехословацкого Национального Совета» [«М. Sl.», 1925, II, р. 251].

Главный французский комиссар Реньо успокаивал своих подчиненных из Омска 16 ноября:

«Со стороны офицеров нечего бояться чего-либо по отношению к Правительству: адмирал Колчак не позволил бы ничего в этом направлении. Офицеры эти возбуждены, нервно

¹ Кролю кажется, что изданные его Правительством 81 акт сами по себе должны были установить «устойчивый порядок» [с. 155, 165].

не уравновешены, и их надо образумить совсем полегоньку. Но не будем ничего ломать и в особенности не будем прибегать к чешскому способу» [«М. Sl.», 1925, II, p. 214].

Такой макиавеллиевской хитрости — игры на две стороны — от Колчака ожидать просто нельзя. Колчак не ехал на Екатеринбургский фронт с задней целью договориться о перевороте с командным составом. Это одна из ходячих версий, которая легко была воспринята таким специалистом по переговорам в дни «мятежей», каким был бывший министр исповеданий Временного правительства Вл. Львов. Он ее занес в свои воспоминания.

Колчак знал о настроениях в армии — он этого не скрывал, как видно из его показаний на суде. Но он сам не злоумышлял против Директории — так, по крайней мере, рисуется мне на основании всего материала, который находится в нашем распоряжении.

* * *

Если Гинс точно передал нам свою беседу с В. Н. Пепеляевым, в которой тот рассказывал, что будто бы участники переворота организовали «встречу» Колчаку в Екатеринбурге «в расчете», что под влиянием выслушанного там Колчак «не уклонится принять на себя роль диктатора» [с. 307], то эти участники ошиблись. У Колчака созрела мысль отойти от власти.

Вот его собственное показание, данное на допросе. Из Екатеринбурга Колчак отправился на фронт, где имел беседы с Сыровым, Дитерихсом, Голицыным, Пепеляевым и др. Настроение на фронте нами уже было передано, со слов Колчака. С фронта Колчак направился южным путем на Омск: «Мне был дан экстренный поезд. С этим поездом поехали представители военного командования и полковник Уорд, который присутствовал на этом параде. С Уордом мы вместе завтракали и беседовали на всякие темы¹. Между Петропавловском и Курганом мы

¹ Главным образом, по словам Уорда, по вопросам об организации военного министерства [с. 77].

встретились с поездом ген. Болдырева, примерно за сутки до моего прибытия в Омск. Я явился к нему и в общих чертах изложил результаты своей поездки¹. Болдырев ехал в Челябинск для свидания с чешским командованием, так как, по его словам, с чехами у него были очень натянутые и затрудненные отношения. Чехи оставляют фронт, нам грозят тяжелые осложнения на Уфимском фронте... Этот вопрос его чрезвычайно тревожил, и потому он выехал, не дожидаясь моего прибытия. Я спросил его о том, что делается в Омске, так как я никаких сведений об Омске не имел. Он говорит: «В Омске тоже нехорошо — там, несомненно, идет брожение среди казаков; в особенности говорят о каком-то перевороте, выступлении, но я этому не придаю серьезного значения. Во всяком случае, я надеюсь, мне удастся побывать на фронте и уладить там дело»...

16 ноября Колчак вернулся в Омск.

«По приезде моем в Омск, ко мне явились многие офицеры из Ставки и представители от казаков, которые говорили определенно, что Директории осталось недолго жить и что необходимо создание единой власти. Когда я спрашивал о форме этой единой власти и кого предполагают на это место выдвинуть для того, чтобы была единая власть, мне указали прямо: «Вы должны это сделать». Я сказал: «Я не могу взять на себя эту обязанность просто потому, что у меня нет в руках вооруженной силы. А то, что вы говорите, может быть основано только на воле и желании армии, которая поддержала бы то лицо, которое хотело бы стать во главе ее и принять на себя верховную власть и верховное командование. У меня армии нет, я человек приезжий, я не считаю для

¹ Вряд ли Колчак может быть сделан ответственным за бестактность, совершенную Уордом. «Во время революции вы никогда не можете чувствовать себя в полной безопасности, и поэтому я приказал своим людям зарядить ружья и быть готовыми к действию каждую минуту, если это окажется необходимым. Отданы были также приказы патрулю на платформе не позволять публике, ни военной, ни гражданской, собираться около поездов; двум солдатам, приставленным к адмиралу, было приказано ни в коем случае не выпускать его из виду, сопровождая его и давая мне об этом знать».

себя возможным принять участие в таком предприятии, которое не имеет под собой почвы» [с. 168]¹.

...«Когда я осведомился о положении вещей, то решительно хотел отклонить от себя должность военного министра, и мне кажется, что в тот день, как я приехал, я об этом заявил в Совете министров, мотивируя это тем, что при таких условиях я считаю невозможным вести работу военного министра. Это решение мое было почти категорическое. Но пока я не отказывался остаться на месте до прибытия Болдырева. Насколько мне помнится, 17 ноября был у меня Авксентьев накануне своего ареста. Он приезжал ко мне на квартиру и просил, чтобы я взял свою просьбу об отставке назад. Я ему совершенно определенно сказал: «Я здесь уже около месяца военным министром и до сих пор не знаю своего положения и своих прав. Вместо чисто деловой работы, здесь идет политическая борьба, в которой я принимать участия не хочу, потому что я считаю ее вредной для ведения войны, и в силу этого я не считаю возможным в такой атмосфере и обстановке работать даже в той должности, которую я принял»². Так мы с ним и не договорились... Я продолжал упорно настаивать на том, что я не буду больше военным министром и жду только приезда Болдырева. Я делаю оговорку: мне кажется, что это было в то время, о котором я говорю, но, может быть, это было накануне моего отъезда на фронт» [с. 169]³.

При нормальных условиях было бы, конечно, странно, что военный министр разговаривает со своими подчиненными о возможности переворота и о замене правительственной власти другой. Но, кажется, в эти дни все об этом только и говорили. Это какой-то странный перево-

¹ На вопрос допрашивавшего, кто именно в эти дни был у Колчака, последний назвал, между прочим, имена Лебедева, Волкова, Катанаева, Андогского, Сурина. «Из лиц невоенных, из политических деятелей по вопросу о единоличной власти у меня никого не было. Как я говорил, — добавляет Колчак, — никаких определенных решений и слухов мне не сообщалось. Это носило характер разговоров и обмена мнений».

² Не надо забывать, что ген. Мартьянову и другим близким к Колчаку лицам по прежней морской службе с большим трудом удалось в свое время уговорить адмирала задержаться хоть на несколько дней в Омске для «информации».

³ Это было, очевидно, после возвращения.

рот, о котором, действительно, даже не шущукались. 15 ноября в самом Правительстве Роговский делает доклад. Вот по этому поводу запись Болдырева: «Отъезд в Челябинск. В вагон прибыли Розанов и Матковский. Я им сообщил сущность доклада Роговского о готовящемся перевороте, который только что был заслушан нами в кабинете Вологодского, в здании Совета министров. Матковский говорил о полном спокойствии. Я поручил им обоим заехать к Авксентьеву и переговорить по этому вопросу. Меня просили не уезжать. Ставка будто бы имела сведения тревожного характера. Опасность указывалась и справа и слева, включительно до покушения на поезд» [с. 105].

Мне кажется, что все это само по себе служит доказательством, что ночь с 17-го по 18 ноября не была организационно подготовлена или была подготовлена в узком кругу лиц, принимавших непосредственное участие в перевороте. Противники покойного Колчака, вероятно, с этим не согласятся. Но никаких конкретных данных никто из этих противников и мемуаристов до сих пор нигде не привел.

Иностранцы заносят в свои воспоминания и дневники преимущественно слухи, до них доходившие, заносят иногда *post factum* и выдают их за, несомненно, бывшее. Так, для упомянутого мной проф. Легра, приехавшего в Омск 18 ноября, нет никаких сомнений в том, что сам Колчак совершил переворот¹. По его распоряжению были арестованы эсеры, члены Директории.

Далее наш мемуарист рассказывает уже нечто фантастическое:

«Прежний председатель Совета Вологодский, бывший на этом посту перед адмиралом Колчаком, обратился к представителям союзнических властей с заявлением, что ни он сам, ни его товарищи-министры не чувствуют себя больше в безопасности перед лицом произвольных арестов, подобных бывшим прошлой ночью, и что они были бы счастливы, если бы могли рассчитывать на поддержку чехословацких войск, находившихся под командой ген. Жанена. В действительности это была только комедия; все раскрылось, когда адмирал лично

¹ «L'agonie de la Sibérie» [«М. Sl.», 1928, II, p. 161–162].

явился заявить, что коллеги его вверили ему свою власть с титулом Верховного Правителя и неограниченными полномочиями. А впрочем, известно, что он не любит чехов.

Очевидная цель переворота — подменить чуть ли не парламентарную власть, которая в течение пяти месяцев управляла краем, военной диктатурой по-русски, т. е. облеченной такой же властью, как власть покойного царя» [«М. Sl.», II, p. 162].

Может быть, Легра повторял здесь отчасти версию, слышанную от Пишона, по которой Вологодский делается основной пружиной переворота.

«В то время, как в главной квартире в Челябинске нас озабочивали эти исключительно военные вопросы, сведения из Омска и Екатеринбурга отмечали чрезвычайное политическое волнение. Положение Директории в Омске продолжало быть непрочным, ибо один из членов ее — Вологодский — был как раз главой Сибирского правительства и уехал во Владивосток»...

«Вологодский вел самолично на Дальнем Востоке переговоры с Хорватом; генерал же Хорват, партизан, облеченный единоличной властью с 1918 г., в согласии с крупным металлпромышленником Путиловым, покровительствовал кандидатуре адмирала Колчака: и вот мы узнаем, что последний прибыл в Омск и назначен там военным министром».

«Разумеется, у нас в это время не было ключа к этой тайне: но если подумать о том, что адмирал тотчас после переворота взял в председатели Совета министров этого самого Вологодского, то тогда уже легко воспроизвести соглашения, заключенные на Дальнем Востоке, и понять причину обструкции, оказанной Директории. Роль Вологодского, одновременно члена Директории, председателя Омского правительства, кандидата в председатели совета у адмирала Колчака, свидетельствует об особом старании *de miser sur tous les tableaux* (ставка на все номера) и о тонкости, которую некоторые сочтут чрезмерной» [«М. Sl.», 1925, II, p. 251]¹.

Итак, один из неоспоримо честных людей — «нечто среднее между методистским священником и плимутским

¹ Я не исправляю фактических ошибок, которыми полны тексты обоих мемуаристов. Читатель их усмотрит и сам без труда.

монахом» (Уорд) — был чуть ли не творцом ночного захвата членов Директории! Русские источники более, конечно, осторожны и менее категоричны, чем эти безответственные суждения. Они, в сущности, повторяют версию, данную Авксентьевым в интервью токийскому корреспонденту «New-York-Herald» — Герм. Бернштейну¹. В интервью, характер которого, вероятно, следует объяснить естественной тогда нервозностью Авксентьева², было сказано: «Все дело сделано с ведома Вологодского, Старынкевича, Михайлова, Гинса³, Тельберга и, конечно, Колчака, который спокойно вернулся с фронта в день (?) нашего ареста». «Переворот был разыгран дружно, как по нотам, — повторяет уже Святицкий, — и несомненно, что Вологодский, Колчак, И. Михайлов, Ключников и др. столпы реакции знали о готовящемся coup d'état и сами готовились к нему» [с. 95]⁴. Тот же перепев с некоторыми модуляциями дает и бар. Будберг, впрочем оговаривающийся, что у него «не было времени для того, чтобы заняться подробным исследованием причин, вызвавших ноябрьский переворот». «По-видимому, — заносит он в свой дневник после оставления поста военного министра, — главной причиной было желание известной

¹ Напечатано было в токийской газете «The Japon Adversaire» 28 дек.

² «Авксентьев несколько поддался после пережитых тревожных волнений, остальные — мало», — записывает Болдырев при встрече с бывшими членами Директории в Иокогаме 1 января [с. 136]. По-видимому, упомянутое интервью было дано в письменной форме. Следовательно, оно отвечало мыслям Н. Д. Авксентьева.

³ Гинс говорит, что он «догадывался о подготавливавшемся заговоре» [с. 307]. Кажется, все догадывались. Правительство Директории хорошо знало как о готовящемся перевороте, так и о его ближайших исполнителях, и тем не менее и «оно в первую минуту не было в курсе всех деталей ареста министров-эсеров» [с. 80]. Несомненно, Гинс по своему положению и по своим связям должен был знать больше других.

⁴ С. Сталинский в книге «Пути Революции» [с. 126] уже более категорично без всяких доказательств утверждает: «Правая, несоциалистическая, часть Директории почти вся непосредственно участвует в заговоре против левой ее части».

группы лиц попасть к власти, свернув голову Директории; представителями этой группы и явилась затем Михайловская пятерка, выдвинувшая адмирала на пост Верхов. правителя и составившая затем его Верховный Совет, форменную олигархию, узурпировавшую de facto всю власть. Громкое и чистое от грязи имя адмирала было нужно для прикрытия всей этой специфически омской махинации; несомненно, что, выдвигая адмирала, пятерка знала, что в его лице она получит очень мягкое и послушное орудие для осуществления своих планов».

Переворот совершился не только с ведома Правительства. «Замена Директории Верховным правителем была, несомненно, делом так называемого политического блока», — слышится один из обывательских голосов [*Руднев*. *Op. cit.* P. 258]. «14 болванов» причастны к перевороту — утверждает Майский [с. 335]. Мемуаристы, т. е. слухи — в данном случае можно поставить знак тождества, называют немало лиц, игравших видную роль в организации переворота. Среди них Ключников — не только один из «идеологов» переворота, но и автор идеи ночного ареста. Ключников довольно странный заговорщик: со слов эсеров, прибывших из Екатеринбурга в Омск, Святицкий передает, что Ключников выступил на открытый «реакционный путь» подачей особого меморандума, который осмелился предложить «самой Директории». Он предлагал принять суровые меры против Съезда У. С., но ему было отвечено, что он суется не в свое дело. Тогда Ключников подал меморандум непосредственно в Совет министров [с. 93]¹. Среди заговорщиков и член Правительства Зефилов, больше повинный в резких отзывах о Директории; среди них и ген. Сурин, и «хитрый маклер»

¹ Очевидно, имеется в виду тот проект реконструкции Директории, о котором упоминает сам Ключников. Предложение Ключникова сводилось к предложению отказаться в Сибири от созыва Учр. Собр. ввиду того, что с поражением Германии освобождалась значительная часть территории. Правительство должно сложить свои полномочия при объединении главнейших существующих правительств. Ракитников передает, что доклад Ключникова был встречен в Совете министров сочувственно [*Op. cit.* P. 24].

ген. Андогский, к которому весьма настороженно относилось Сибирское правительство¹ и «фонды» которого нетвердо стояли и у новой власти².

Я далеко еще не использовал всех имеющихся в литературе указаний³. Между тем боюсь, что читатель уже запутался в этих контрверсах, сплетнях, разговорах и предположениях. На прямой вопрос одного из «судей», соц.-дем. Денике, стало ли Колчаку известным впоследствии, кем и как переворот был организован, Колчак ответил:

«Я знаю и мне говорил Лебедев, что в этом принимали участие почти вся Ставка, часть офицеров гарнизона, штаб главнокомандующего и некоторые члены Правительства. Он говорил, что несколько раз во время моего отсутствия были заседания по этому поводу в Ставке. Я ему на это сказал одно: «Вы не должны мне сообщать фамилии тех лиц, которые в этом участвовали, потому что мое положение в отношении этих лиц становится тогда совершенно невозможным, так как, когда эти лица будут мне известны, они станут в отношении меня в чрезвычайно ложное положение и будут считать возможным тем или иным путем влиять на меня. Виновники этого переворота, выдвинувшего меня, будут постоянно оказывать на меня какое-нибудь давление, между тем как я считаю для меня совершенно безразличным это, и я не считаю возможным давать или не давать те или иные преимущества». Фактически это Лебедев и выполнил. Я могу сказать, что почти вся Ставка, по крайней мере, все начальники отделов принимали в этом участие и часть офицеров гарнизона, главным образом казачьи части. Я считал неудобным спрашивать о лицах. Что касается политических деятелей, то там, несомненно, были лица из состава Совета министров» [с. 174—175].

¹ В свое время эту настороженность штаба Сибир. армии к генштабистам из Военной академии, попавшим «в плен» в Казани, Болдырев занесет на счет реакционности Сибири.

² Была и еще одна легенда: сам Болдырев арестовал Директорию и бежал за границу. Болдырев слышал ее от шофера во Владивостоке [с. 127].

³ Колосов, а за ним Гуревич видят уже за кулисами японцев. В целях поддержки Омска, как оказывается, произведен даже был японский десант.

«Я никогда к этому вопросу не возвращался, — добавлял щепетильный в моральных вопросах Колчак, — и никогда ни с кем из министров об этом не говорил».

Таким образом, наиболее осведомленным лицом, по словам Колчака, был как будто бы полк. Лебедев.

«Полк. Лебедев мог бы рассказывать всю эту историю, хотя его имя даже не упоминалось во время *сoup d'état*», — делает со своей стороны намек Уорд [с. 78]. По-видимому, Лебедев играл первенствующую роль в психологической подготовке сознания «необходимости новой власти» — и особенно в военных кругах. Но от нас ускользает его участие в организационной части заговора.

Всеобщий заговор перестает быть «заговором» в узком смысле этого слова. «18 ноября» все ждали, но переворот не мог быть сговором, в сущности, довольно враждебных между собой групп. Если идти по стопам большевицких историков, то легко наметить и дату, когда между отдельными группами произошел договор о выдвижении кандидатуры Колчака на пост диктатора. В «Хронике гражданской войны в Сибири» под 30 октября помечено: «В. Пепеляев вошел в соглашение с Ив. Михайловым относительно плана свержения Директории и установления единоличной диктатуры Колчака» [с. 95].

Мы не знаем, откуда взяты эти сведения. Составители «Хроники» часто ссылаются на неопубликованный дневник В. Н. Пепеляева. Для большевицких историков истинным организатором переворота является восточный отдел ЦК партии к.-д. в составе Пепеляева, Жардецкого, Клафтона, Бородина и Соловейчика. Пепеляев еще 5 ноября имел будто бы длительную беседу с Колчаком, предлагая ему «от имени «Нац. Центра» (?) выставить свою кандидатуру на пост Верховного правителя; получив согласие, условился о плане дальнейших действий к подготовке политического переворота» [«Хр.». Прил. 96]. «Хроника» цитирует запись Пепеляева, относящуюся к 17 ноября: «Я ушел с конференции (партийной. — С. М.) на совещание. Участвовали все. Решено. Я поехал к П. Полная налаженность. Описать потом». Кто этот таинственный П.? Нет ни одного из активных «участников переворота» с такой фамилией. Что говорилось на этом совещании и кто был на нем — мы не

знаем¹. И было ли там предусмотрено выступление 18-го? Или дело сводилось к сговору для будущего — положение действительно становилось безвыходным... Мне рисуется, скорее, последнее. Во всяком случае, отсюда пошла версия Парфенова о заседании 17-го (она изложена была выше), после которого отряд Красильникова приступил к выполнению намеченного плана. Отсюда и толкование речи Клафтона, открывшего 20 ноября заседание Съезда партии к.-д. словами: «С 18 ноября мы стали партией государственного переворота. Стоило нам накануне высказать наше мнение, и назавтра то, что должно было совершиться, совершилось». Кроль толковал эту речь в смысле непосредственного участия партии в перевороте.

* * *

Есть еще одна версия, которую я должен поставить особо. Она, быть может, наиболее серьезна и на первый взгляд как будто бы разясняет все возникающие сомнения. В сущности, эта версия не так уже далека от тех выводов, которые сами собой напрашиваются из нашего изложения, но, поскольку в ней уточняется план переворота, она возбуждает сомнения и заставляет отнестись к ней с осторожностью. Новые данные сообщены мне Г. В. Щепиным, состоявшим в дни переворота помощником полк. Сыромятникова в Ставке, — сообщены уже тогда, когда выдержки из моей работы предварительно появились в «Возрождении». По словам моего информатора, он является непосредственным участником переворота 18 ноября. О подготовке заговора, в котором принимали участие Андогский, Сыромятников и Михайлов и в который якобы был посвящен член английской военной миссии полк. Нельсон, полк. Щепин (в то время капитан)² был осведомлен Сыро-

¹ И. И. Сукин передавал мне, что на совещании якобы были Волков, Красильников, Лебедев, Андогский и Михайлов. Совершенно очевидно, что б. министр колчаковского переворота передает только один из многочисленных слухов.

² Щепин был близким ген. Андогскому лицом и состоял слушателем Военной академии, пробравшись в Екатеринбург, где была академия, с Кавказа.

мятниковым. Последний предложил ему взять на себя техническое осуществление плана переворота. С этой целью Щепин был назначен (без ведома ген. Розанова) начальником особого офицерского отряда — в его «послужном списке» действительно значится: принял отряд 17 ноября, сдал его 19-го. Сыромятников гарантировал Щепину вооруженную силу в виде 400 (!) организованных морских офицеров и отрядов Волкова и Красильникова. В поезде адмирала, направляющегося на фронт, был устроен свой человек, который должен был, по условленной из центра телеграмме, неожиданно изменить маршрут поезда и представить Колчака в Омск к моменту, когда переворот будет совершен. Так все и было сделано. Встретив Болдырева в Челябинске, адмирал отправился в Оренбург. Между тем по соглашению указанного доверенного лица с машинистом последний взял направление на Омск, куда поезд и прибыл 18-го рано утром. Колчак узнал об изменении маршрута только перед самым прибытием в Омск. В вокзале в Омске ему была организована встреча «народом» в целях убедить его принять диктаторские бразды правления.

Самим переворотом в ночь с 17-го на 18-е дирижировал из Ставки полк. Щепин: отряд Волкова обеспечивал спокойствие в городе, отряд Красильникова арестовывал членов Директории. Когда ночью в Ставку прибыл ген. Розанов, которому заговорщики не доверяли и который назвал «предательством» это выступление, он был как бы «арестован» в своем кабинете¹.

Такова новая версия. Что мы можем из нее принять? Только одно: кап. Щепин, бывший, очевидно, совершенно не в курсе закулисной работы и сочувствовавший перемене власти, должен был как бы гарантировать невмешательство Ставки в то, что будет совершаться в городе и что было известно Сыромятникову. Все остальное противоречит известным нам фактам. Колчак в Оренбург не собирался, с Болдыревым встретился на обратном пути на перегоне Петропавловск—Курган, в Омск

¹ Любопытно, что Щепин отрицает непосредственное участие в перевороте Лебедева. По его словам, Лебедеву заговорщики не доверяли и постарались отправить его на фронт.

прибыл за день или накануне переворота. А у адмирала были все основания в дни следствия умалчивать о фамилиях, но у него не было никакого повода измышлять тот рассказ, который зафиксирован на страницах допроса. Версия Щепина, суживая круг действующих лиц, в центр ставит все те же отряды Волкова и Красильникова.

Какой же вывод можно сделать о подготовке «заговора» до 18 ноября? Бесспорно «заговор» создан не в один день. В этом отношении Кроль совершенно прав [с. 159]. Весь период существования Директории был так или иначе временем подготовки ее свержения. Существовавшее никого не удовлетворяло — ни правых, ни левых, ни тот центр, на который Директория могла бы опереться при несколько ином к нему отношении. Директория не захотела этого сделать и повисла в безвоздушном пространстве¹. Вопрос о перемене власти муссировался во всех кругах: и в «салонах», и в частных совещаниях общественных деятелей, и в военной среде, и в правительственных сферах, и в среде иностранцев. Нокс, враждебный «социалистической» Директории² и сторонник конституционной монархии, единственно возможной, по его мнению, в окружающей обстановке³, сочувствовал диктатуре — и высказывался в этом отношении довольно определенно. Он сочувствовал кандидатуре Колчака, считая, что имя Колчака «обеспечивает помощь со стороны Англии» [Гинс. С. 276]. Только в этом проявилась его «инициатива» и «содействие» перевороту.

Агитация, конечно, принимала постепенно более определенные формы. Идея «переворота» неизбежно вылилась бы в более резкие контуры, если бы события их не

¹ К числу легенд из цикла «развесистой клюквы» надо отнести версию Монтондона о том, что Директория погибла потому, что готовила серьезную аграрную реформу [с. 68]. Представитель Кр. Креста, очевидно, совсем не представлял себе земельных отношений Сибири.

² Нокс, как говорит Болдырев, избегал сношений с Директорией и не сделал визита Авксентьеву, относясь к нему «скептически» [с. 83].

³ Так же высказывался, по словам Колосова, «высокий комиссар» Англии в Сибири Дж. Эллиот [«Былое». XXI, с. 257].

предупредили. О готовящемся «перевороте» Колчак знал приблизительно в тех же чертах, как знали это и другие¹. — О перевороте, по утверждению В. Львова, открыто говорили в канцеляриях министерств.

Само выступление в ночь с 17-го на 18 ноября мне рисуется в таком приблизительно виде:

Приходилось уже упоминать о банкете 13 ноября по поводу прибытия французской миссии, — банкете, который закончился расследованием и приказом Болдырева арестовать певших гимн. Среди особенно разошедшихся на банкете как раз оказался, по выражению Зензинова, «напившийся на обеде допьяна» войсковой атаман Красильников, будто бы заявлявший, что «мы всегда по первому зову пойдем за Михайловым и Вологодским» — другими словами, за старым Сибирским правительством... Зензинов осведомлен был, очевидно, о том, что происходило на банкете, через специальное лицо, командированное управляющим делами Вр. Вс. пр. на обед, — Л. Тренденбаха. Его донесение председателю Правительства достаточно характерно. Оно отмечает, что после речей оркестр каждый раз исполнял «Марсельезу». (Ненормальность, которая установилась с первых дней революции, когда, по выражению французского посла Палеолога, «Марсельеза» сделалась «русским гимном».) Однако по требованию большинства офицеров, оркестр заиграл бывший русский гимн, «причем часть офицеров пела его словами», «чувствовалась сильная сконфуженность... Тогда я подошел к сидящему со мной рядом казачьему офицеру в чине полковника и обратился к нему с просьбой прекратить гимн, так как представитель Сербии просит слова. Полковник вспылал и спросил меня, кто я такой. Я

¹ Корреспондент «Таймса», указавший в своей депеше, что Колчак 17-го знал о том, что произойдет на другой день, передавал лишь одну из ходивших версий в лагере враждебном. Ее повторил и профессор Легра в своем парижском докладе 31 мая 1920 г. (*L'Esprit, publik eu Siberie pendant le sejour des Mussions Alliés. Séance du Comite National d'etades sociales et politipue*). Непонятно, как мог вернувшийся непосредственно из Сибири Легра говорить, что Колчак был председатель Совета министров при Директории.

ответил, что... меня командировали как представителя Управления делами Вр. Вс. пр. Посмотрев на меня с нескрываемой злобой, этот полковник сказал: «Пошел прочь, паршивый эсер». Я отошел от него к своему месту. Гимн повторялся все далее и далее. Во время исполнения гимна я неоднократно делал попытки прекратить пение, но все безрезультатно»...

По окончании ужина ген. Матковский и представители союзных держав покинули собрание. «Я остался один, — продолжает Тренденбах, — окруженный офицерами, которые настойчиво требовали сказать им, кто я такой. Видя бесполезность каких-либо разговоров, я сказал, что был личным секретарем Сапожникова, а теперь принят на службу в Иностранное отд. кред. канц. мон. фонда. Тогда полковник, протягивая мне руку, сказал: «А, так Вы у Михайлова и состоите в распоряжении Сапожникова, простите, я не знал, что Вы наш. Имейте в виду, что мы всегда по первому зову пойдем за Михайловым и Вологодским, великодушно простите, а я думал, что Вы какой-нибудь паршивый эсер, терпеть не могу этих эсеров». Зензинов говорит, что Директорией был отдан приказ об аресте Красильникова и об отправке его на фронт¹. Было ли дело так, как излагает Зензинов, или так, как передает Болдырев², но не вовремя проявленная Директорией власть и, пожалуй, неуместно, ибо дело касалось все же выступления на банкете, ускорила надвигавшиеся события. Повод для ареста не мог не вызвать раздражения в отряде Красильникова. Казачьи офицеры были достаточно в курсе происходивших разговоров и, следовательно, знали, что выступление их (оставляя в стороне вопрос о форме), по существу, может вызвать, скорее, лишь сочувствие. Вот почему я считаю, что отряды Волкова и Красильникова в ночь с 17-го на 18-е выступили в значительной степени

¹ Из жизни революционера. Париж (1919, с. 114).

² «Я на другой день узнал об этой истории, — пишет Болдырев, — и по телефону спросил Матковского, арестовал ли он виновных. Матковский ответил, что он все еще выясняет таковых, а затем спросил: “А если среди виновных окажется сам Красильников — и его арестовать?” — “Конечно, арестовать. Вы заставляете меня учить вас вашим обязанностям”» [с. 104].

самостоятельно, без непосредственной связи с тем совещанием, о котором говорит Пепеляев в дневнике, но, может быть, в соответствии с тем «планом», который разрабатывался некоторыми участниками (среди них, вероятно, Сыромятников) в «салоне» Гришиной-Алмазовой. Эта группа, приученная уже к самовластию и безответственности, и стремилась предупредить события, получив свыше (из Ставки) инструкции.

Моя версия и не оригинальна и не нова. Что делать? События текут подчас более упрощенно, чем это кажется на первый взгляд. По свежим следам именно так представлял себе дело, очевидно, и Болдырев. По крайней мере, при свидании с Будбергом он рассказывал, что переворот совершил местный гарнизон, обиженный тем, что его хотели вывести из Омска [XIII, с. 285]. И Зензинов говорит в своих воспоминаниях, что «попытки Директории обуздать... реакционные круги, отозвав отряд Красильникова, вероятно... ускорили развязку»¹. Такую же оценку в то время дал и Гер. Бернштейн в депеше, отправленной из Харбина в «New-York-Herald». Сам Красильников на суде показал, что арест членов Директории был вызван дошедшими до него сведениями о предполагаемом его аресте.

3. «18 ноября»

«Это один из таких министров, которые последними узнают о государственном перевороте» — так определяет Майский прозорливость В. М. Зензинова. «Еще накануне вечера (18-го) один из членов ЦК передавал мне содержание разговора по прямому проводу с В. М. Зензиновым, — как бы добавляет Святицкий. — Последний сообщал, что все обстоит благополучно»... [с. 96]. Может быть, отсутствие этой «предусмотрительности» лишь хорошо характеризует нравственный облик Зензинова. Бесспорно, однако, в боевой обстановке того времени безмятежность не была положительной чертой власти.

¹ Прибавлю еще одну версию: по утверждению В. Львова, офицеры отряда Красильникова, не стесняясь, говорили о цели их прибытия (?) в Омск.

По-видимому, Зензинов возлагал большие надежды на отряд Роговского — появление его в Омске должно было упрочить положение Директории [*Майский*. С. 304]. Эта сила, уже организованная Роговским, по-видимому, и служила причиной того столкновения, которое на почве кандидатур происходило при организации Омского правительства. «Левая» часть Директории хотела обеспечить за своим человеком заведывание государственной полицией. Едва ли это не было большой ошибкой. Существование в Омске эсеровского отряда — «боевой дружины», как назывался он в общезнании, — могло только раздражать казачьи атаманские отряды, которые в Омске представляли реальную силу. Отряд Роговского, состоявший из людей «верных и преданных» Директории, вообще оказался пуфом — он был легко разоружен одной казачьей частью без всякого сопротивления¹.

Сам переворот произошел так:

«В воскресенье, 17 ноября, Зензинов и я, — рассказывал Авксентьев в своем интервью Бернштейну, — обедали у товарища мин. вн. дел Роговского. Там мы встретились с только что прибывшей через большевицкую Россию делегацией Архангельского правительства, которая рассказала нам о своих испытаниях и о положении дел в Архангельске». Сразу же приходится сделать поправку. В этот день Авксентьев и Зензинов обедали не у Роговского, а у министра юстиции Старынкевича. На обеде присутствовал и Роговский, был приглашен также и Вологодский, но «по болезни» отсутствовал. Старынкевич рассказывал мне, что этот обед был устроен им (на правах, очевидно, бывшего эсера) со специальной целью воздействовать на членов Директории из партии с.р. в смысле необходимости резче и определеннее реагировать на «прокламацию» ЦК. Надо было, ввиду нараставших угроз, реабилитировать себя в общественном мнении, пуб-

¹ Вегман, имевший возможность пользоваться многими источниками, нам недоступными, говорит, что на следующий день в казармы отряда «сине-белых» Роговского явился Красильников и предложил: «Кто хочет служить Колчаку — пусть остается, кто не хочет — пусть уйдет». В отряде нашелся лишь один «преданный» Директории. Вероятно, картина не носила столь идиллического характера.

лично отгородившись от позиции, занятой прокламацией. Вопрос о прокламации обсуждался уже в Совете министров. «Воздействие» не оказало влияния. Авксентьев лишь негодовал, что Совет министров позволяет себе вмешиваться в предназначения верховной власти. Во время обеда Старынкевич был вызван одним из штабных офицеров, пришедшим предупредить, что ему известно о предполагаемом ночью аресте «министров-социалистов». Предупреждение было встречено обедавшими скорее шуткой: министры-социалисты не означают еще верховной власти. От Старынкевича обедавшие перешли на квартиру Роговского в здании Ведомства государственной охраны, оберегаемой усиленными патрулями «боевой дружины».

В сущности, у Роговского происходило частное собрание эсеров. Присутствовало 10 человек; среди них Гендельман и Раков, как мы знаем, посланные от Бюро Съезда в Омск со специфическим заданием также «воздействовать» на Директорию [*Святицкий*. Реакция и народ. С. 20], три члена архангельской делегации — эсеры Дедусенко, Маслов и Лихач. Около полуночи в помещение ворвалась группа «пьяных офицеров», арестовала Авксентьева, Зензинова, Роговского и Ракова¹ и отвезла их в штаб Красильникова (здание сельскохозяйственной школы в Загородной роше), где уже находился арестованный на дому Аргунов.

* * *

Отчетливее всех и полнее всех изобразил дальнейшее А. В. Колчак в своих показаниях.

...«Об этом перевороте слухи носились — частным образом мне морские офицеры говорили, но день и время никто фиксировать не мог. О совершившемся перевороте я узнал в 4 часа утра на своей квартире. Меня разбудил дежурный ординарец и сообщил, что меня просит к телефону Вологодский... От

¹ Совершенно непонятно, почему Ракову и Гендельману надо было при аресте спешно уничтожить записки, расписки и т. д. [*Раков*. В застенках Колчака. С. 6]. Традиции старой конспирации?

Вологодского я узнал по телефону, что арестованы члены Директории... что он сейчас созывает немедленно Совет министров и просит, чтобы я прибыл на это экстренное заседание Совета министров... Тогда я приказал соединиться и вызвать сейчас же Розанова, который был начальником штаба Болдырева.

Он в это время спал, но, когда я его вызвал, он сразу подошел к телефону... Он ответил, что он никак не может добраться ни штаба, ни Ставки, ни управления казачьими частями, так как их телефоны, по-видимому, не действуют. Я ему сказал, что я сейчас оденусь и перед тем, как поехать в Совет министров, заеду к нему по дороге, чтобы с ним переговорить. Затем я пытался соединиться со Ставкой и спросить, известно ли там, что делается, но со Ставкой соединиться мне не удалось. К Розанову же приехал и Виноградов... Виноградов сообщил... что... в городе все спокойно, разъезжают только казачьи патрули, стрельбы и вооруженных выступлений не было. Розанов, по-видимому, совершенно не был в курсе дела¹...

Около шести часов Совет министров собрался... и Вологодский сообщил всему составу Совета министров о событиях, которые произошли ночью... [с. 169—170].

На заседании Совета, после информации Вологодского, прежде всего поднялся вопрос о том, где могут находиться арестованные члены Директории. На это никто определенно указать не мог. Потом уже кто-то из прибывших сообщил, что они находятся в здании сельскохозяйственного института, за Загородной рощей, где находилась часть партизанского отряда Красильникова. Вологодский поставил вопрос, как относится к этому аресту Совет министров. Было высказано несколько мнений. Первое мнение — факт ареста ничего не означает, тем более что три члена Директории, большинство, остаются: Виноградов, Вологодский и Болдырев. Второе мнение было таково, что Директория, после того что случилось, остаться не может у власти и что власть должна перейти к Совету министров Сибирского правительства. Об арестованных пока никто не говорил, участь их была неизвестна...

Во время этих прений встал Виноградов и сказал, что он считает невозможным оставаться более в составе Директории ни при каких обстоятельствах после того, что произошло, и слагает с себя обязанности и никакого участия больше

¹ Мы видим, как расходятся показания Колчака с приведенным выше рассказом Щепина.

в заседании принимать не считает возможным. Уход Виноградова поставил ту часть голосов, которые говорили, что Директория остается, в затруднительное положение. Оставался только один Вологодский здесь и Болдырев на фронте. Тогда вопрос об оставлении Директории сам собой отпал.

Затем, часов около восьми, поднялся вопрос о том, что надо выработать текст обращения к населению, что такое положение является совершенно нетерпимым, что в такой переходный момент может наступить анархия, а во что она выльется — неизвестно. Пока в городе все спокойно, но все казацьи войска находятся под ружьем. Они посылают в город караул; отдельные части ходят по городу, хотя это ни в чем не проявляется; другие части находятся тоже под ружьем, хотя они не выходят из казарм, и если такое неопределенное положение продлится, то можно ожидать каких-нибудь крупных и серьезных событий. Тогда поднялся вопрос такой — что следует сделать и как на это реагировать? Вопрос был поставлен таким образом: необходимо для того, чтобы вести и продолжать борьбу, отдать все преимущества в настоящее время военному командованию и что во главе Правительства должно стоять лицо военное, которое объединило бы собой военную и гражданскую власть¹... Когда же ко мне обратились, то я тоже сказал, что считаю это единственным выходом из положения. Я только что вернулся с фронта и вынес убеждение, что там полное несочувствие Директории и малейшее столкновение между Директорией и Правительством отозвалось бы сейчас в войсках [с. 171—172]...

После обмена мнений большинство членов Совета министров высказалось в том смысле, что они предлагают мне принять эту должность². Тогда я считал своим долгом высказать свое мнение по этому поводу, — надо прежде всего стараться без всякой ломки сохранить то, что уже существу-

¹ Против диктатуры возражал Шумиловский [Гинс. I, с. 308]. по словам И. И. Сукина, первоначально против диктатуры высказался и ген. Розанов.

² Едва ли не первым, назвавшим имя адм. Колчака, был Гинс. Поэтому чрезвычайно неприятное впечатление производит то, что во втором томе своих воспоминаний Гинс слишком усиленно отгораживается. У него есть даже такая фраза: «Какую ответственность взяли на себя люди, которые в ночь на 18 ноября решили выдвинуть адмирала» [II, с. 369]. Гинс как бы забывает, что решали государственный вопрос, во всяком случае, не те, которые произвели ночной арест.

ет и что оказалось удовлетворительным, что не вызывает особых возражений и сомнений, т. е. власть, существующую в лице Верховного главнокомандующего ген. Болдырева, со стороны войск против него особых возражений не будет...

Тогда Вологодский обратился ко мне и сказал: «Я принимаю во внимание все, что вы сказали, но я вас прошу оставить зал заседания, так как мы находим детально и более подробно обсудить этот вопрос и так как нам придется говорить о вас, то вам неудобно здесь присутствовать» [с. 173]...

Затем я пришел в зал заседания, где Вологодский прочел постановление Совета министров, заявивших, что Совет министров считает это единственным выходом из настоящего положения.

Тогда я увидел, что разговаривать не о чем и дал согласие, сказав, что я принимаю на себя власть и сейчас же еду в Ставку для того, чтобы сделать распоряжение по войскам, и прошу Совет министров уже детально разработать вопрос о моих взаимоотношениях с Советом министров» [с. 174].

Считая неудобным сохранить должность начальника штаба за Розановым (как за помощником Болдырева), Колчак назначил временно исполнять эти обязанности полк. Сыромятникова. От него он узнал, где находятся арестованные, и отдал распоряжение доставить их на квартиру и ее усиленно охранять¹.

В тот же день, в 4 часа, происходит второе заседание Совета министров.

«На нем, — рассказывает Колчак, — был обсужден вопрос относительно выработки краткой конституции о моих взаимоотношениях с Советом министров. Была принята форма, которую я признал совершенно отвечающей тому, что нужно, указавши на то, что я считаю необходимым работать в полном контакте и в полном единении с Советом министров. Затем тут же был намечен план относительно такого Совета, который был бы при мне для экстренных вопросов и, главным образом, для решения вопросов иностранной политики, так называемого Совета Верховного правителя, состоящего из пяти членов, в который могли вызываться ответственные лица.

¹ Это фактически не было выполнено, если только Колчак не ошибся в датах.

Затем поднялся вопрос о том, что же делать сейчас. Я сказал, что в городе ходит масса самых фантастических слухов, поэтому надо самому факту переворота придать гласность. Я считал самым правильным судебное разбирательство в открытом заседании для того, чтобы, во-первых, снять нарекания на лиц, совершивших этот переворот, а во-вторых, потому, что это лучший способ осведомления. Я сказал, что никогда не допущу кары над этими лицами, так как за то, что они это сделали, я принял уже все последствия на себя. Но это один из способов придать гласность самому обстоятельству совершившегося переворота» [с. 176].

В промежуток между двумя заседаниями Вологодский прислал Колчаку письмо, в котором непременно условием сохранения им поста председателя Совета министров ставил личную неприкосновенность членов Директории¹.

«На этом же заседании Совета, — продолжает Колчак, — был решен вопрос о личной судьбе членов Директории. Я сообщил, что я приказал перевести их на квартиру, что я сделал распоряжение гарантировать им полную неприкосновенность и что единственно разумное решение, какое можно сделать в отношении этих лиц, — это предоставить им выехать за границу. Это было общее мнение и Совета» [с.177].

* * *

Рассказ Колчака в деталях несколько расходится с заявлением бывших членов Директории, опубликованным ими за границей в ответ на официальное сообщение Правительства о событиях 18 ноября. В заявлении слишком

¹ С аналогичным письмом к Колчаку 19-го обратился и Уорд: «Я уже говорил вам о моей уверенности, что моя страна почувствует серьезное огорчение, если указанные арестованные подвергнутся какому-нибудь оскорблению без соответствующего суда над ними» [с. 86]. «Я хорошо также знал страх моих соотечественников перед диктатурой, — добавляет в воспоминаниях Уорд, — и если бы принятие адм. Колчаком верховной власти было связано или ускорено убийством его противников без суда, содействие и вероятное признание британским правительством новой власти могло бы сделаться невозможным».

много полемических выпадов против неудачного во всех отношениях официального сообщения, которое названо авторами заявления «явно тенденциозным и лживым». Слишком неблагоприятная работа взаимно анализировать два акта — легко усмотреть, что тенденциозно и противоречиво¹ и заявление арестованных. Неточности, которые можно легко отметить, особенно в датах, рассказа Колчака при сопоставлении его с «заявлением», не имеют большого значения и не изменяют общей картины. Тем не менее, для соблюдения известного беспристрастия, приведем отрывок и из заявления арестованных.

«Несмотря на то что о нашем аресте Совету министров, в том числе министру юстиции, стало известно утром 18 ноября, и не только об этом аресте, но и о нашем местонахождении, — г. Старынкевич явился к нам лишь только около двух часов дня 19 ноября, заявив, что только час тому назад ему удалось узнать о нашем местонахождении и что он прибыл, по полномочию Совета министров, объявить нам, что мы свободны, т. е. освобождаемся от стражи, но что вопрос о дальнейшей судьбе нашей еще не разрешен...

Г. Старынкевич... предложил нам впредь до решения г. Колчаком и Советом министров вопроса о дальнейшей судьбе остаться «свободными» в том помещении, где мы находились под «надежным», с его точки зрения, караулом, ибо он не может гарантировать нашей неприкосновенности в другом месте. Мы отвергли это предложение, указав на полное отсутствие гарантии неприкосновенности и предпочли переезд куда-нибудь в пределы города.

Указывая на отсутствие гарантий неприкосновенности, мы имели в виду постоянную опасность со стороны тех, в чьих руках мы находились; и на это мы имели достаточные основания... мы находились под живым впечатлением пережитых картин своего ареста, в течение которого офицеры, частью пьяные, с револьверами в руках позволяли себе грубые издевательства и недвусмысленные угрозы немедленной расправы.

Итак, мы предпочли переезд в город и выбрали квартиру Авксентьева, куда нас и доставил г. Старынкевич в своем автомобиле. В квартире была поставлена, по распоряжению

¹ В особенности при сопоставлении с более ранним «интервью» Авксентьева.

г. Старынкевича, стража из трех офицеров, опять-таки из отряда Красильникова, причем мин. юстиции объявил, что мы имеем право свободного выхода из квартиры и вообще свободного общения с внешним миром, с той, однако, оговоркой, что он, г. Старынкевич, не может дать нам гарантии неприкосновенности, если мы пожелаем поселиться свободно по своим квартирам» [Зензинов. С. 162–163].

Для психологии момента имело бы значение выяснение одной детали, которую выделяют пострадавшие. Они утверждают, что мин. юстиции уже утром 18 ноября знал о местонахождении арестованных... «От офицеров, — добавлял Авксентьев в интервью, — мы узнали, что министр юстиции, вместе с ат. Красильниковым, был в казармах, где мы были помещены через два часа после нашего ареста» [Зензинов. С. 178]. Больше того, Аргунов прямо уже говорит, что мин. юстиции скрыл местопребывание арестованных от Совета министров [с. 37]¹.

Вспомним, что, по словам Колчака, кто-то на заседании сообщил, что арестованные находятся в штабе Красильникова. Слово теперь за самим министром юстиции. Его воспоминания могли бы разъяснить многое из того, что остается пока неясным². В частной беседе со мной Старынкевич хронологически излагал дело несколько иначе, чем Колчак. Он утверждает, что о месте ареста он узнал только утром 19-го, когда явился к Колчаку, где в передней встретил стоявших навытяжку во фронт Красильникова и Катанаева, пришедших с повинной к Верховному правителю. Вне всякого сомнения одно: появление Старынкевича в казармах через два часа после ареста могло быть только при условии, если Старынкевич принимал самое непосредственное участие в «заговоре». Указаний на это нет никаких, и мне это представляется совершенно невероятным. И даже если бы Старынкевич принял то

¹ У Аргунова явное противоречие, т. к. перед тем он сказал: «Совету мин. было немедленно доложено о нашем аресте и о месте нашего ареста».

² В эмиграции С. С. Старынкевич предложил б. членам Директории, выступавшим публично против него, третейский суд. Последние отказались, предлагая ограничиться печатной полемикой.

или иное участие, нельзя предположить такого технического lapsus'a со стороны достаточно опытного и осторожного общественного деятеля. Я думаю, что в дате заседания Совета ошибся Колчак, объединивший в одно заседание то, что происходило на разных заседаниях.

Характерно, несомненно, то, что об арестованных на первом заседании говорили мало, как-то ими не интересовались, и ни у кого не было той мысли, которая казалась столь естественной арестованным. «Мы полагали, — говорил Авксентьев в интервью, — что законное Правительство, противозаконно подвергнутое аресту, а теперь освобожденное, снова сделается законным Правительством». Но это было не так. С правовой точки зрения Авксентьев прав. Но фактическое положение дела было таково, что подобное решение могло бы привести лишь к кровавой развязке. «Если бы даже Совет министров и признал необходимым восстановление Директории, — говорил Ключников в парижском докладе, — то у него не было бы совершенно сил осуществить свое решение. Это могло бы только стоить жизни Авксентьеву и Зензинову, которых легко могли бы убить заговорщики при том настроении, в котором последние находились». Те «пьяные» офицеры, которые с револьвером в руках угрожали арестованным, конечно, могли бы и не остановиться перед новым актом насилия, тем более что изменение характера правительственной власти считалось ими необходимым во имя интересов родины. Если некоторые члены Совета знали или догадывались (что было нетрудно) о местопребывании арестованных, если об этом было сказано в Совете до 19 ноября, то их молчание могло объясняться теми же опасениями. Преждевременное вмешательство до выяснения конструкции власти могло бы вызвать новые и неожиданные эксцессы...

Вернемся, однако, к «заявлению» б. членов Директории.

«В квартире Авксентьева мы провели весь вечер и ночь на 20 ноября, совместно решая вопрос о своем положении и принимая родственников и знакомых. Однако и этому «свободному» пребыванию скоро наступил конец. Уже вечером у дома появилась усиленная стража. Ночью в квартиру явился капитан Герке с офицерами, которые в грубой форме, с ре-

вольверами в руках, потребовали сообщить, с кем мы имели сношения и в особенности нет ли у нас какого-либо сговора с представителями чехословаков. А на следующее утро квартира была окружена цепью солдат и нам было заявлено, что мы подвергнуты полной изоляции с воспрещением общения и проч.» [с. 163].

Обратим внимание на то, что кап. Герке допытывался, нет ли у арестованных «какого-либо сговора с представителями чехословаков»... Надо иметь в виду, что в «интервью» Авксентьева, кроме «родственников и знакомых», посещавших арестованных, упомянуты и «кое-кто из чехов» [с. 179]. Теперь отчасти становится понятен вопрос Денике на допросе Колчака: «Не приходилось ли вам слышать, что в то время, когда Авксентьев и Зензинов находились в заключении, им через некоторых лиц предлагалось чехами выступление для ликвидации переворота?» Колчак ответил: «Такие разговоры были, но точных данных никаких не было, и никаких шагов в том направлении не предпринималось» [«Допрос». С. 188]. Подобные сведения, как оказывается, не совсем фантастические, не могли не нервировать офицерский отряд, действовавший в эти дни. И распоряжение Колчака продолжить арест было весьма целесообразно — Старынкевич, ссылаясь в беседе с арестованными на «нервную атмосферу» среди офицеров, отнюдь не преувеличивал возможную опасность. В интервью Авксентьева сказано: «...Они заявили, что охрана была приставлена к нам, чтобы оградить нас от народного гнева — новая ложь, так как гнев народа был направлен против узурпаторов» [с. 181]. Ну, до народа было далеко. Он просто отсутствовал во всем этом конфликте и, как мы увидим, оставался глубоко равнодушным к судьбе Директории. «Гнев» реальный был не со стороны некоего отвлеченного народа, а со стороны тех, которые «с револьвером в руках» угрожали членам Директории, по собственному признанию последних.

«Вместе с тем, — говорит заявление, — через г. Старынкевича мы получили разрешение вопроса о дальнейшей судьбе. Нам предлагалось на выбор: или выезд, т. е. высылка за границу, или перевод в тюрьму в какой-нибудь отдален-

ный пункт Сибири. Свободное проживание где-либо на территории России не считалось допустимым, и на этом основании Аргунову было отказано в въезде в г. Шадринск. Очень сомнительно, чтобы Старынкевич ставил перед арестованными такую дилемму, — по-видимому, у Колчака не было никаких сомнений относительно высылки за границу¹. Что касается Аргунова, то Колчак в своих воспоминаниях говорит: «Мы ему сказали, что через несколько времени он может вернуться, но на первое время пускай выедет хоть в Шанхай» [с. 179].

«Взвесив все обстоятельства, — продолжает «заявление», — мы выбрали высылку за границу, причем дали согласие на то, что во время пути в пределах сибирской территории не будем заниматься агитацией и что едем как частные лица... Уже после того, как мы дали согласие на высылку за границу с указанными условиями и назначен был час выезда, нам начали предъявлять от имени Колчака и Совета министров уполномоченные ген. Хорошхин и министр ин. дел Ключников новые условия, которые были нами отклонены; среди этих условий следует отметить два наиболее характерных по своей беззастенчивости: 1) не возвращаться в Россию впредь до образования единого правительства на всей территории России и 2) отказаться от каких-либо выступлений за границей против вновь образованной в г. Омске власти. Поздно вечером мы были увезены на вокзал» [с. 164]...

«Нашу охрану, — продолжает Авксентьев, — составляли пятнадцать офицеров отряда Красильникова, около 30 солдат, отряд пулеметной команды и 12 английских солдат с офицером. Последние были присоединены к отряду, так как мы настаивали на международных гарантиях нашей безопасности. Когда поезд тронулся, офицер — начальник конвоя — показал нам инструкцию Колчака, в которой говорилось, что мы должны содержаться под строжайшим арестом и не иметь никаких сношений с внешним миром. В случае попытки к побегу или при попытке освободить нас извне мы должны быть расстреляны на месте» [Зензинов. С. 181].

Сопоставим эти слова с рассказом Колчака.

¹ Арестованные в своем «заявлении» рассказывают о посещении их кап. Герке с аналогичным предложением от имени какого-то «высокопоставленного лица». Возможно, отсюда и простекало смешение.

«Со Старынкевичем я обсуждал вопрос, как их отправить. Было решено взять экстренный поезд с вагоном для охраны их. Я немного опасался каких-нибудь выступлений по дороге, так как мне говорили о возможности нападения на них, и я обдумывал, как бы гарантировать их от этого. Я воспользовался близостью и знакомством с Уордом и просил его вообще дать мне конвой из 10–12 англичан, который по дороге гарантировал бы от каких-нибудь внешних выступлений против членов Директории.

Уорд с большим удовольствием согласился...

Затем я со Старынкевичем решил вопрос о том, какие суммы им нужно дать. На вопрос, куда они предполагают ехать, члены Директории ответили, что они хотят ехать в Париж, и им была выдана сумма приблизительно 75 000–100 000 рублей каждому в этот же день¹... Вечером я вызвал начальника конвоя и сказал ему, что он отвечает непосредственно передо мной за целостность и неприкосновенность этих лиц и за малейшую попытку, против них направленную. Затем я сказал, что если будет попытка с целью нападения на них или, наоборот, с целью освобождения их, тогда действовать оружием без всяких разговоров» [с. 178–179].

Версия Колчака относительно инструкции начальнику конвоя гораздо более правдоподобна, чем та, которую передал Авксентьев в интервью, а Зензинов в воспоминаниях «Из жизни революционера» [с. 118]. Правдоподобна уже потому, что арестованных сопровождал и английский конвой. Колчак больше всего боялся какой-нибудь расправы по дороге, и он охранял жизнь высланных. Английский подпоручик Корниш-Гоуден доносил потом по начальству:

«Проезд был спокоен. Почти все большие города, где предполагались волнения, мы проехали ночью...

Уже здесь (т. е. в Харбине) офицер, командовавший русской охраной, уведомил меня, что все движение на перегоне Иркутск—Чита приостановлено по приказанию ген. Семенова и что поезда тщательно обыскивались с целью обнаружения высылаемых после того, как мы уже проследовали. Впрочем, никаких данных для подтверждения этого у меня не имеется» [с. 87].

¹ Золотой рубль в это время равнялся в среднем 5 руб.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

После переворота

1. Генерал Болдырев

В дни омского переворота Верховный главнокомандующий, член Директории, Болдырев отсутствовал. Он был на фронте. Получив сообщение в Уфе о падении Директории, он записывает 18-го: «Иллюзий больше не оставалось. Война или уход от власти — других путей не было.

Надо было ехать в Челябинск. Без предварительного переговора с чехами (Сыровой и Нац. Совет) я в тех условиях не мог принять крайних мер, т. е. объявить себя единственной законной властью и бунтовщиками Колчака и омский Совет министров. Для меня было совершенно ясно содействие Колчаку со стороны англичан (Нокс, Родзянко, Уорд) и благожелательное сочувствие французов. Осуществленная Омском идея военной диктатуры пользовалась сочувствием большинства офицеров, буржуазии и даже части сильно поправевших демократических групп...

В сложившихся условиях восстановление прав пострадавших Авксентьева и Зензинова силой не было бы популярным, оно невольно связывало бы меня и с черновской группой, к которой я сам лично относился отрицательно.

Как ни ничтожны были по моральному весу группы, совершившие переворот, они требовали определенной вооруженной силы для их ликвидации и за время моего продвижения к Омску могли значительно окрепнуть, просто подгоняемые чувством самосохранения. Таким образом, для похода на Омск надо было снять войска с фронта и тем самым ослабить важнейшее уфимское направление или взять таковые из Челябинска, но там были войска из состава Сибирской армии с начальниками, тесно связанными с Омском.

В 9 час. веч. ко мне прибыл особоуполномоченный Директории в Уфе, Знаменский. Он знал уже о случившемся и вместе с Советом управляющих ведомствами не только был в оппозиции совершившемуся, но и приступил к немедленной, правда, пока словесной борьбе. Он

просил меня приехать на заседание Совета и высказать свое решение.

Я не дал окончательного ответа — меня тревожили возможные осложнения на фронте, тем более что предварительный разговор мой на эту тему с генералом Войцеховским убедил меня, что большая часть офицерства встретила весть о диктатуре сочувственно...

Челябинск, 19 ноября.

«Роли переменились. Пошел в вагон к Сыровому. Национ. чехосовет и Сыровой резко против переворота, при этом Сыровой добавил, что и Жанен и Стефанек (воен. министр Чехословакии), с которыми он говорил по аппарату (с Владивостоком, где они оба находились), запретили чехам вмешиваться в наши внутренние дела и указали на необходимость прочно держать фронт. Исходя из этих соображений и имея двух Верховных главнокомандующих — меня и Колчака, Сыровой отдал приказ — ни чьих распоряжений, кроме его, не исполнять.

Создавалось нелепое положение. Колчак фактически не мог управлять фронтом: начальники, получившие его приказы, не могли исполнять их, имея в виду приказ непосредственного начальника, ген. Сырового...

Выяснилось к тому времени и настроение моей Ставки. Там сочувствовали перевороту, работа продолжалась, все на местах...

Вечером предстояла крайне тяжелая необходимость поехать на банкет в честь проезжавших французов. Настроение подавленное. Человеческая подлость не ослабляется даже тяжелыми политическими тревогами... Никаких политических заявлений, конечно, я не сделал; этого, кажется, больше всего опасался сидевший рядом со мной французский майор Пишон...

Перед отъездом я переговорил с бывшими на банкете военными. Чувствовалось, что и их ухо приятно ласкала диктатура. Не знаю, может быть, из вежливости все делали вид, что было бы лучше, если бы диктатором был я... Вечером говорил по аппарату с Колчаком. Привожу разговор полностью¹.

¹ Приводим со значительным сокращением.

...«Я не получил от вас ответа в отношении вопроса о Верховном главнокомандовании и должен вас предупредить, что, судя по краткой беседе с ген. Дитерихсом, и в этом отношении нанесен непоправимый удар идее суверенности народа в виде того уважения, которое в моем лице упрочилось за титулом Верховного главнокомандования и со стороны войск русских, и со стороны союзников. Я не ошибусь, если скажу, что ваших распоряжений как Верх. главнокомандующего слушать не будут. Я не позволил себе в течение двух суток ни одного слова ни устно, ни письменно, не обращался к войскам, и все ждали, что в Омске поймут все безумие совершившегося факта и, ради спасения фронта и нарождавшегося спокойствия в стране, более внимательно отнесутся к делу. Как солдат и гражданин, я должен вам честно и открыто сказать, что я совершенно не разделяю ни того, что случилось, ни того, что совершается, и считаю совершенно необходимым восстановление Директории, немедленное освобождение и немедленное же восстановление в правах Авксентьева и др. и сложения вами ваших полномочий. Я считал долгом чести высказать мое глубокое убеждение и надеюсь, что вы будете иметь мужество выслушать меня спокойно. Я не допускаю мысли, чтобы в сколько-нибудь правовом государстве были допущены такие приемы, какие были допущены по отношению к членам Правительства, и чтобы представители власти, находившиеся на месте, могли спокойно относиться к этому событию и только констатировать его как совершившийся факт. Прошу мое мнение довести до сведения Совета министров».

Разговор этот, конечно, совершенно определенно обрисовал мою позицию. Тем не менее меня терзали сомнения, хорошо ли я делаю, уступая власть захватчикам.

Беседа с чехами ставила меня, по крайней мере в первое время, в изолированное положение. В связи с указанием, полученным Сыровым от Жанена и Стефанека, я мог встретить с их стороны затруднения с переброской войск к Омску.

В моем положении надо было иметь все 100 шансов на успех, иначе это была бы лишняя, осложняющая положение авантюра»...

Челябинск, 20 ноября.

«Продолжается мучительная работа мозга. «Что делать?» — вопрос этот отнюдь не потерял своей остроты.

Дольше оставаться в Челябинске не было смысла, если не подымать фронта против Омска.

Голос благоразумия все настойчивее убеждал временно уйти, не делать новых осложнений в армии. У каждого политического деятеля и свое время, и своя судьба...

Явились новые предложения борьбы с Омском. Представители местной демократии заявили, что на первое время есть даже и деньги. Вырисовывались некоторые шансы на успех, но они должны были вызвать большие осложнения, а вместе с тем и создать ореол мученичества Колчаку и его сотрудникам, если бы они, не показав себя, принуждены были уйти от власти. Пусть покажут...» [с. 110—114].

«Новые предложения» — это воззвание эсеров, шансы которых на выступление в действительности Болдырев оценивал невысоко:

«Учитывая все те настроения, которые сложились за последнее время против всего, что связано как со Съездом членов У. С., так и вообще с партией эсеров, можно было смело утверждать, что в тех слоях, которые проявляли то или иное активное участие в борьбе, возвания эти почвы иметь не будут. Массы же подготовлены не были»...

«Как странно!» — добавляет он ниже. — Там, где, казалось, должно было быть наиболее яркое выражение воли к борьбе, наоборот, настроение далеко не боевое».

Я нарочно вновь изложил психологию Болдырева его собственными словами, хотя надо иметь в виду, что эта поденная запись в действительности была написана уже в Токио. Колебания Болдырева очевидны. Запись 20 ноября заканчивается словами: «Только что разорвал проект приказа и обращения к населению. Еду в Омск»¹... Он хотел выступить и... остановился. Не так велики были его шансы на успех. Трезво обдумывая, он видел это воочию. Поэтому не одно только желание не возбуждать «междоусобной войны», как говорил он позже Будбергу [«Арх.

¹ При первом сообщении о перевороте Болдырев на всякий случай поспешил произвести Каппеля в генералы.

Рус. Рев.». XIII, с. 271] и как утверждает Аргунов [с. 39], остановило Болдырева. Полк. Пишон, расценивая шансы Колчака и Болдырева, полагает, что сочувствовала перевороту северная группа Гайды, состоявшая из сибиряков, против переворота были войска в центре и на Юге — добровольцы Самары и Уфы, «10 000 рабочих-социалистов» Ижевских и Воткинских заводов и чехи [«М. Sl.», 1925, II, р. 258]. Расчет здесь шел без хозяев. Ижевские и Воткинские дивизии оказались лучшими колчаковскими войсками, «добровольцы» Народной армии отнюдь не были горячими сторонниками бывшего Самарского правительства¹. Но Пишон полагает, что после отказа Сырового, которого Болдырев пытался убедить выступить, Болдыреву ничего не оставалось делать, как ехать в Омск [с. 262]. Единственная сила, на которую мог бы опереться Болдырев, были чехи. Но чехи «оказались не вполне хозяевами себя, ибо переворот взяли под свое покровительство англичане». Так определяет положение Кроль [с. 160]. В отношении англичан я употребил бы другой термин: они не брали переворота под свое покровительство, а санкционировали то, что явилось после переворота. Нюанс значительный. «Я демократ, — пишет Уорд, — верящий в управление народа через народ, начал видеть в диктатуре единственную надежду на спасение остатков русской цивилизации и культуры. Слова и названия никогда не пугали меня. Если сила обстоятельств ставит передо мной проблемы для решения, я никогда не позволяю, чтобы предвзятые понятия или идеи, выработанные абстрактно, без проверки на опыте живой действительности, могли изменить мое суждение в выборе того или иного выхода; и я осмелюсь думать, что если бы те же обстоятельства предстали вообще перед англичанами, то девять из десяти поступили бы так же, как я» [с. 89]².

¹ На разность настроений Сибирской и Народной армий указывает и Колчак. Недоразумение это основывалось только на том, что Народн. армия формально вначале шла как бы под знаменем старого У. С.

² Официозная «Русская Армия» 19 ноября приводила отзыв Уорда: ...«Россия может быть спасена только установлением единой верховной власти, цель которой — создание национального правительства».

В первые дни после переворота сам Уорд склонен изображать положение более серьезно, чем оно было в действительности, и значительно преувеличивать свою роль. Он пишет: «Позиция чешских войск в Омске сделала невозможным для них приближение к месту, где заседали министры, без того, чтобы не наткнуться на британцев, а мои пулеметы командовали над каждой улицей, которая вела к помещению русской главной квартиры» [с. 82].

Легра передает слух, что Болдырев получил предупреждение от Нокса, что в случае его выступления и победы над Колчаком, он не будет впредь получать никакой помощи от англичан [«М. Sl.», 1928, II, p. 167]¹.

Так или иначе чешская военная власть решила не выступать в пользу Директории и сохранить нейтралитет в русских делах: 20 ноября Сыровым в качестве представителя иностранной союзной страны и лица, ответственного перед союзниками и перед русскими за войска на фронте, сражающиеся против внешнего врага, был издан приказ по армии, запрещающий под угрозой предания военному суду всякого рода политическую пропаганду на фронте, издание и распространение воззваний, не санкционированных главнокомандующим.

Приказом «временно» в военной зоне вводилась цензура для газет и других печатных произведений. «Не будут разрешаться, — объявлял Сыровой, — издания, возбуждающие различные политические партии друг против друга, могущие вызвать ослабление дисциплины и посеять разлад среди войск на фронте»...

На другой день появилась, однако, декларация чехословацкого Нац. Совета за подписью Патеядля и Свободы, ставившая вопрос по-иному:

¹ По словам Пишона, отношения чехов к Колчаку явились неожиданностью для английской дипломатии, и она поспешила их задобрить: Гайда, Сыровой, Чечек получили высшие английские ордена. Было одновременно роздано 300 наград чешским войскам [«М. Sl.», 1925, II, p. 264].

«Чехословацкий Национальный Совет (отделение в России), чтобы пресечь распространение разных слухов о его точке зрения на текущие события, заявляет, что чехословацкая армия, борющаяся за идеалы свободы и народоправства, не может и не будет ни содействовать, ни сочувствовать насильственным переворотам, идущим в разрез с этими принципами. Переворот в Омске от 18 ноября нарушил начало законности, которое должно быть положено в основу всякого государства, в том числе и Российского. Мы, как представители чехословацкого войска, на долю которого в настоящее время выпала главная тяжесть борьбы с большевиками, сожалеем о том, что в тылу действующей армии силами, которые нужны на фронте, устраиваются насильственные перевороты. Так продолжаться больше не может. Чехословацкий Национальный Совет (отделение в России) надеется, что кризис власти, созданный арестом членов Всерос. Врем. правительства, будет разрешен законным путем, и потому считает кризис незаконченным» [«Хр.». Прил. 145].

Декларация, по мнению Пишона, ...«ставила чехословаков в состояние скрытой враждебности по отношению ко всем русским сторонникам нового режима»¹ [с. 263].

На этой почве среди самих чехов произошли значительные осложнения. Чешский генералитет после выступления Нац. Совета постановил 25 ноября просить прибывающего Стефанека произвести прежде всего реформу Нац. Совета [Пишон. С. 264]. Но пока оставим в стороне внутренние чешские дела. Ограничимся только цитатами из разъяснительной декларации Н. С., появившейся в «Чехословацком Дневнике» [№ 241] 28 ноября.

«...Мы были вынуждены сделать эту декларацию, ибо пропаганда нового Правительства занималась не только утверждением, что оно опирается на союзников, но говорила о поддержке чехословацкой армии или, по меньшей мере, некоторых наших представителей»²... Касаясь заявления, что чехосовет не считает правительственный кризис законченным, разъяснение говорит:

¹ Коммунистическую басню, которой не верит и Пишон, об участии Сырового в перевороте можно оставить без рассмотрения.

² Такого «утверждения» я нигде в официальных документах не нашел.

«Мы имели полное право сказать это, потому что большинство (?) элементов, присутствовавших при организации все-российской власти, высказалось против переворота и до сих пор не уточнило своего взгляда. О нашей декларации говорили, что это интервенция во внутренние русские дела. В настоящем положении России могут быть различные мнения о возможности или своевременности подобной интервенции: но наша декларация — не интервенция. Нашим выступлением мы способствовали созданию настоящего положения России, и без нас ни Сибирь, ни Урал не были бы освобождены от большевиков; следовательно, мы несем известную ответственность перед всемирной историей... особенно на нас почти всецело лежит ответственность за анти-большевицкий Уральский фронт.

Итак, мы были вынуждены сказать свое мнение нашей армии, русским войскам на фронте, а также и населению в зоне военных действий, и сказать самым ясным образом, приглашая их в то же время сохранять спокойствие и исполнять свой долг».

* * *

Вернемся вновь к Болдыреву, который 21-го выехал в Омск. Он записывает:

«Представлялась возможность ареста, но это стоило бы большой крови — 52 офицера с пулеметами были при мне в поезде и поклялись, что даром не умрут¹.

В 3 1/2 ч. вечера прибыли в Омск. Встретил штаб-офицер Ставки, доложил, что адмирал очень просит меня к нему заехать...

Я спокойно заявил (Колчаку), что при создавшихся условиях ни работать, ни оставаться на территории Сибири не желаю. Это было большой ошибкой с моей стороны. Я дал выход Колчаку. Он горячо схватился за эту мысль как временную меру и называл даже Японию или Шанхай...

¹ Поводом беспокойства Болдырева было то, что он получил от Колчака в Уфе, 19-го, телеграфное требование: «Приказываю вам немедленно прибыть в Омск. Неисполнение моего приказа буду считать как акт неповиновения мне и постановлению Всероссийского правительства». Первоначально Колчак хотел сохранить за Болдыревым пост Верх. главнок. или сделать его военным министром, но после моего разговора, — говорит Б., — это сделалось невозможным [с.117].

В дальнейшем разговор коснулся трудности общего положения; я заметил Колчаку, что так и должно быть. «Вы подписали чужой вексель, да еще фальшивый, расплата по нему может погубить не только вас, но и дело, начатое в Сибири». Адмирал вспыхнул, но сдержался. Расстались любезно. Теперь все пути отрезаны — итак, отдых...

Утром послал письмо Колчаку, которым подтвердил мое решение уехать из Сибири.

При письме — коротенькое прощальное обращение к армии. Гуковский¹ передал это письмо лично Колчаку, который сейчас же отдал необходимые распоряжения² [с. 116].

Письмо к Колчаку Болдырев заканчивает словами: «Если бы вы пожелали выслушать мою более подробную характеристику положения на фронте и оценку политических кругов в прифронтной полосе в связи с происшедшими событиями, я охотно это исполню». Свидание состоялось 24 ноября. 27-го у Болдырева запись: «Завтра уезжаем в добровольное изгнание». 28-го: «Предполагал отложить отъезд на 1–2 дня... Но это, видимо, не входило в расчет противников... приходил железнодорожный офицер, который от имени генерал-квартирмейстера Ставки сообщил, что, «ввиду личной безопасности генерала», нежелательно откладывать отъезд... Приказал позвонить Колчаку, что прошу его принять меня... Около часа был у Колчака и прямо спросил его: «Это от вас исходит странное предупреждение о необходимости, ввиду моей личной безопасности, сегодня же выехать или это работа вашего штаба вашим именем?»

Колчак — не знаю, искренно или нет — забеспокоился, что ему ничего неизвестно, что он ничего не имеет против отсрочки отъезда, что это, вероятно, недоразумение.

Однако, едва я приехал домой, Колчак попросил меня к телефону и сообщил, что ему доложили о каких-то событиях, которых он допустить не может, а потому было бы лучше не откладывать отъезда.

Мне стало уже противно. Решил уехать» [с. 118].

¹ Адъютант Болдырева.

² В воззвании к армии Болдырев завещал помнить, что будущее России на фронте и в создании единой боеспособной армии. Будет крепок фронт и крепка духом армия — будет обеспечено и воссоздание Великой России.

При печатании «Дневника» Болдырев пропустил фразу, которую в примечании восстанавливает большевицкий редактор: «Прощаясь, я сказал, что в тяжелую минуту я, не принимая участия в Правительстве, от командной роли не откажусь» [Прим. 119]. Возможностью такого решения, как сообщали потом Болдыреву, была очень обеспокоена «демократия».

Приведенный рассказ с достаточной отчетливостью свидетельствует, насколько не прав Зензинов в своем утверждении, что Болдырев был также выслан [с. 53]¹. Повод для такой трактовки дал, однако, сам Болдырев, назвав свой отъезд «до известной степени» вынужденным. Болдыреву не хотелось уезжать. Недаром он записывает уже после окончательного решения «уехать»: «Кое-кто из друзей, в том числе чехи, все еще надеялись вернуть меня к посту главковерха». Позиция Болдырева все время несколько двойственна и противоречива. Она такой осталась и впоследствии².

Во Владивостоке Болдырев 20 декабря получил через коменданта крепости Бутенко предупреждение о желательности скорейшего отъезда. Аналогичная просьба направлена была Болдыреву телеграммой на имя его адъютанта из омской Ставки. В телеграмме, по словам автора воспоминаний, было сказано, «что, зная мою любовь к Родине, просят доложить мне их просьбу ради общей пользы не задерживать мой отъезд за границу» [с. 129]. Позже Болдыреву было сообщено, что он выехал из Владивостока своевременно: подготавливался его арест и насильственная высылка за границу. Болдырев негодует и не понимает, почему там беспокоятся³... А между тем основание было.

¹ Если бы он был «выслан», то, очевидно, должен был бы получить прогоны в том размере, в котором получили б. члены Директории. Он получил, согласно закону, трехмесячное вознаграждение. Версия Зензинова уже просочилась в литературу. Автор новой работы о чехословацкой акции в России, Драгомирецкий, безоговорочно ее повторяет [с. 80].

² См. мою статью «Воспоминания ген. Болдырева» [«Голос Минувшего», 1926, № 2 (XV)].

³ В ненапечатанных строках он говорит: «Если это не пустая сплетня, то хороши мерзавцы — убирают все, что мешает авантюре и мелкому эгоизму» [Прим. 151].

Колчаку донесли, что Болдырев во Владивостоке имеет встречи с эсерами и земцами на предмет свержения Колчака при помощи японцев. Комментатор «Дневника» добавляет: «Утверждают, что агенты в своих утверждениях не ошиблись» [Прим. 131]. Страница эта неясна, но через год, действительно, Болдырев вел такую переписку (не по своей инициативе) с владивостокскими «земцами».

2. Эсеровская акция

Колебания Болдырева в Уфе отчасти были связаны с инициативой, которая шла от екатеринбургских и уфимских эсеров. Шансы этой инициативы Болдырев, как мы знаем, оценивал не очень высоко, сходясь в данном отношении с Майским: «Никто ничего не знал, никто не имел никаких планов, и, что самое скверное, ни в ком не чувствовалась воля к действию и к борьбе» [с. 335]. Но это не мешало руководителям партии бряцать оружием и грозить от имени «полномочных органов демократии»¹.

...«Скорее радость, а не уныние просвечивали в настроении большинства собравшихся» 18 ноября в номере Чернова в екатеринбургской гостинице «Пале-Рояль». «Было ясно, что недостойной комедии, какую представлял из себя противоестественный блок революции с реакцией, пришел конец... цели становились и ясными и определенными... для всех демократов без различия направлений решительная борьба с реакцией»... Так пишет Святицкий [с. 96]. К его изложению мы вновь должны прибегнуть, так как пока это главный источник ознакомления с тем, что за кулисами делалось в описываемое время в недрах партии с.-р. В номере Чернова произошло столкновение между «лидером эсеров» и «одним севодласым, всем известным депутатом правого устремления». Последний был настроен крайне пессимистично и

¹ Один из видных эсеров (военный — имени его Утгоф не называет) так охарактеризовал в интимной беседе положение: «У нас сил хватит, чтобы арестовать и осилить колчаковцев. Ну а дальше что? Кто будет министром? Тот же Вольский, Чернов и К-о... Ради этого, разумеется, не стоит начинать восстания» [Утгоф. С. 37]. Но и этих сил фактически у эсеров не было.

полагал, что сопротивление Съезда «бесполезно и вызовет только напрасное пролитие крови». Чернов полагал, что партия обязана выступить независимо от условий... Было решено ночью устроить заседание Бюро Съезда и ЦК партии для выяснения вопроса о формах активной борьбы с Колчаком. «Но, — добавляет Святицкий, — предварительно нужно было окончательно и вплотную сговориться с чехами: согласны ли они поддержать Съезд или, во всяком случае, не противодействовать начинающейся борьбе Съезда с Колчаком? Для переговоров с Гайдой и другими ответственными представителями чешско-словацкого Нац. Совета были командированы депутаты И. М. Брушвит и Н. Ф. Фомин [с. 97].

Чешские руководители уезжали в Челябинск и «успели только сказать» делегации: «Наши гарантии Съезду остаются в силе — что бы Съезд ни предпринял» [с. 98].

Происходит заседание. Только один О. С. Минор выразил сомнение в реальных силах Съезда. Собравшиеся «в виде уступки в сторону правых» постановили, что избранный Испол. Комитет «должен стараться координировать свое действие с оставшимися лояльными членами Директории». Имелся в виду Болдырев, поехавший в Челябинск «просить у чехов помощи против Колчака». В состав Испол. Комитета вошли: Чернов, Вольский, Алкин (мус. деп.), Иванов, Федоров, Фомин и Брушвит, «как лицо близкое чехам».

19-го созывается собрание Съезда. Утром было получено из «чешской контрразведки» сообщение о том, что в военных кругах идет сильнейшая агитация за немедленное выступление против Съезда и «черновцев». Так как «чехи обещали свою помощь», то заседание Съезда не было отложено. «Прения были гильотинированы» — и было единогласно принято, при 2—3 воздержавшихся, воззвание к населению. Тут же было постановлено: «тотчас же захватить типографию одной из буржуазно-реакционных газет», отпечатать и к вечеру распространить воззвание.

«Съезд членов, — гласит резолюция, — берет на себя борьбу с преступными захватчиками власти, Съезд постановляет: образовать из своей среды Комитет, ответственный перед Съездом, уполномочить его принимать все

необходимые меры для ликвидации заговора, наказания виновных и восстановления законного порядка и власти на всей территории, освобожденной от большевиков...

Поручить Комитету для выполнения возложенных на него задач войти в сношение с непричастными к заговору членами Всерос. Врем. правительства, областными и местными властями и органами самоуправления, чешским Национальным Советом и другими руководящими органами союзных держав.

Всем гражданам вменяется в обязанность подчиняться распоряжениям Комитета и его уполномоченных» [«Хр.» Прил. 148].

Ввиду сведений о готовящемся выступлении против Съезда последний закрывается, и все дела передаются на рассмотрение Комитета, резиденцией которого являлась гостиница «Пале-Рояль» [Святицкий. С. 100]. Чешская разведка вновь предупреждает, что вечером или ночью можно ждать нападения, но что особенно беспокоиться не надо, так как «чехи приняли все меры к предотвращению нападения». «На нашу просьбу выставить охрану у гостиницы чехи отвечали, что это неудобно», но в доме против гостиницы помещен уже вооруженный отряд в 50 человек [с. 101]. «Черновцы», — продолжает Святицкий, — видя, что гостиница готовится стать ареной вооруженного столкновения... вызвали к себе заведующего чешской контрразведкой, который предложил всем соединиться в одной гостинице, которая и будет «надлежащим образом защищена чехами от нападения. Комендант уже сделал распоряжение об очищении «Американской гостиницы», куда поздно вечером все члены Съезда могут перейти» [с. 102]. Однако уже в 7 час. гостиницу «Пале-Рояль» окружили несколько рот 25-го Уральского драгунского сибирского полка. Кем-то в подъезде были брошены две бомбы. Выстрелом из револьвера был тяжело ранен Максудов. Офицеры и солдаты начали производить обыски и арестовали 18—19 человек, отведенных в штаб полка¹. Однако по рас-

¹ «Отеч. Вед.» [№ 11] сообщали впоследствии, что при обыске в гостинице «Пале-Рояль» был найден уже готовый список журналистов, подлежащих аресту — среди них Белоруссов и Синегуб.

поряжению ген. Гайды арестованные были немедленно освобождены и водворены назад в «Пале-Рояль».

Как передавали чехи, разбойнический налет был произведен не всем полком, а частью его, возбужденной офицерством, убедившим солдат, что они идут против открытой только что банды большевиков. В данный момент отношения между чешским командованием и сибирским так обострены, что с минуты на минуту можно ждать открытого вооруженного столкновения на улицах. Чехи решили пока во что бы то ни стало избежать этого столкновения. Выжидая решения своих вождей в Челябинске, они, чтобы выиграть время, заявили сибирякам, что они сами — будут «стеречь» Съезд, пока не будут получены соответствующие инструкции из Омска.

Такой образ действий не удовлетворил, конечно, сибиряков, ибо они не доверяли чехам и ненавидели их. Не удовлетворил он и нас»¹...

«Что-то готовит нам следующий день? — не могли мы не спрашивать себя, ложась спать в ночь на 20 ноября. Положение было в высшей степени неопределенное и чреватое печальным для нас исходом» [с. 106—107].

Святицкий не в состоянии понять позорность этой трагикомедии, разыгранной «демократами» под охраной чешской контрразведки.

«Рано утром следующего дня, когда я еще был в постели, мне принесли для ознакомления бумагу из штаба главнокомандующего фронтом. Я читал эту бумагу и не верил своим глазам. В ней стояло приблизительно следующее: «Ввиду мятежных действий Съезда, выразившихся в распространении от его имени воззвания к населению 19 ноября, совершенно недопустимых в прифронтовой полосе, так как они вносят тревогу в население и беспокойство и разложение среди войска, генерал Гайда «предлагает» Съезду в 24 часа покинуть Екатеринбургский район. Генерал Гайда предлагает всем членам Съезда,

¹ «Правда, — не может не признать мемуарист, — чешское окружение отеля было весьма кстати, ибо... вслед за чешской цепью солдат стояла цепь сибиряков, не доверявших чехам и решивших стеречь нас вместе с чехами» [с. 109].

за исключением В. М. Чернова¹, выехать с поездом, отходящим из Екатеринбурга в Челябинск сего числа в 6 часов вечера. Всем отъезжающим генерал Гайда гарантирует полную безопасность и неприкосновенность» [с. 107].

«Это было “черное предательство чешского военного командования”», — восклицает Святицкий. Ясно, что Гайда действовал, согласно приказу 20 ноября, изданному Сыровым. Но ранее Гайда вел какие-то переговоры с Фоминым, с каким-то письмом к Гайде обращался 19-го сам Чернов, взывая к его «демократичности». По моему мнению, Гайда все время вел двойную игру и мог ввести в заблуждение эсеров со Съезда У. С.

Я не могу следить за всеми характерными перипетиями начавшегося в Екатеринбурге вооруженного выступления против омской власти.

Съезд согласился² отправиться в Челябинск, но вместе с Черновым. Картинно описывает выезд из гостиницы «Пале-Рояль» Святицкий:

...«Каждый депутат едет на особом извозчике в сопровождении особого конвойного. Извозчики едут все вместе гуськом. В гостинице «Пале-Рояль» к моменту отъезда набралось человек 60—70 отъезжающих.

Вся гостиница высыпала смотреть, как мы тесной толпой выходили и рассаживались. Оригинальную картину представлял наш «поезд», вызывая удивление и испуг у всех встречных и проходящих. В светлую лунную ночь бесконечной вереницей быстро едут извозчики с двумя седоками на каждом, один из которых вооружен винтовкой. Посмотришь назад: на целую версту растянулась цепь повозок.

Удивление прохожих! Да не удивлялись ли мы сами тому, что происходило? Не вспоминались ли нам некие, не столь давние времена, когда «по пыльной дороге телеги неслись», на них по бокам два жандарма сидели? И кто такие теперь несутся в «телегах»? Первые в России избранники! От кого они убегают? От русских солдат! Кто их защищает? Иностранцы,

¹ По-моему, это был скорее не «арест» Чернова, а меры к его охране. Кратохвиль говорит о приказе ареста Чернова, скоро, однако, взятом обратно [с. 226].

² Следовательно, нет основания говорить, что Гайда арестовал всех эсеров, как это делает Пишон [II, с. 260].

какие-то чехи. А сами-то чехи, друзья или враги, «конвой» или «охрана»? Мудрый Эдип, разреши!» [с. 110—111].

Патетическое отступление не мешает Святицкому тут же сделать несоответствующие политические выводы: «помоги нам чехи — наше дело, дело демократии было бы выиграно». Съезд, «несомненно, имел влияние в демократических кругах и даже в массе населения». «Характерная вещь: коалиционное Уральское областное правительство, до сих пор сторонившееся Съезда (или, вернее, Съезд сторонился его!), теперь изъявило готовность поддержать»¹. С Нижнетагильского завода в ответ на «клич о помощи» 21-го подошло 800 человек вооруженных рабочих. «Если бы мы были извещены об этой двигающей к нам на выручку массе рабочих, мы, конечно, не уехали бы из Екатеринбурга» [с. 112].

Но «было поздно». «Учредилловцы» уехали в Челябинск. Они были убеждены, что «Комитет съезда целиком»

¹ Кроль несколько по-иному излагает дело:

«Несмотря на краткость беседы, нужно сказать, что новоявленный «верховник» произвел впечатление на нас всех (не исключая наших эсеров), прямо удручающее по своему убожеству. И если мы в свое время не желали признать над собой власти Комуча... тем менее приемлемо было для нас признание Правительства во главе с... Черновым. Убожество же, проявленное Фоминым, только усиливало отрицательное отношение...

Вечером в тот же день состоялось экстренное заседание Городской Думы, в котором выступал тот же Н. В. Фомин, примерно с таким же успехом, как на нашем совещании. Заседание Думы было при закрытых дверях. Эсеры, конечно, поддерживали «семерку», но нельзя сказать, чтобы очень сильно. В целом Думе не нравились ни омская диктатура, ни черновская «семерка». Никто к тому же в реальность «семерки» не верил. Кончилось тем, что Дума никакой резолюции не приняла» [с. 159—160].

Нельзя попутно не отметить одну деталь, не имеющую непосредственного отношения к описываемому моменту, но связанную с ним... «Демократическое» Правительство Урала, столкнувшись с новым, назначенным из Омска управляющим казначейства Юргенсом (см. выше), за разъяснением недоразумений обратилось к Гаюде. Решительный генерал быстро разрубил узел: арестовать и «доставить в штаб», что значило на демократическом языке чешского генерала — расстрелять в 24 часа.

будет приглашен присутствовать на происходившем совещании чехосовета.

«В этом нас уверяли сами же чехи в Екатеринбургe. Вопреки этим ожиданиям, нас не только не пригласили на совещание, но даже не приняли представителей Комитета в течение всего утра, дня и вечера 21 ноября. Мы поняли, что дружеские союзные отношения между нами и чехами порваны» [с. 113].

«Томительно однообразно прошел день». «Легли спать в своих телячьих вагонах». Вдобавок выясняется, что «все находящиеся в поезде» будут «фактически арестованы» и куда-то отправлены. Отправляются за разъяснением к адъютанту Сырового. Тот показывает заготовленный приказ, пока еще Сыровым не подписанный, который гласит:

«Поезд с членами Съезда Учред. Собрания отправляется сего числа в гор. Шадринск Пермск. губ. Депутаты охраняются в поездке чешской охраной, и выход из поезда им запрещается. В городе Шадринске депутатов охраняет специальный чешский полк. Депутаты проживают в городе Шадринске под надзором чехов, без права отлучек из города и без права политической агитации среди населения» [с. 114].

«Неслыханное» унижение Съезда! Затем следует объяснение Комитета Съезда во главе с Черновым с членами чехосовета, при котором выясняется, что история с приказом основана на недоразумении. Предполагалось, что в Шадринске Съезд будет продолжать свои работы на прежних основаниях. Комитет требует немедленной отправки в Уфу. Вечером поезд с Съездом отбыл из Челябинска в Уфу.

Кончился первый акт трагикомедии. Второе действие происходило уже в Уфе.

* * *

В Уфе сначала настроение было «твердое». Здесь Советом упр. вед. бывшего Комуча, как мы знаем, формировались русско-чешские полки, несмотря на запрещение Директории. «Делалось это, — уверяет Святицкий, —

в контакте с чешским командующим Уфимским фронтом ген. Войцеховским». При получении сведений об омском перевороте был послан немедленно якобы «с ведома и одобрения Войцеховского» ультиматум: «Узурпаторская власть, посягнувшая на Всер. прав. и Учр. Собр., никогда не будет признана. Против реакционных банд красильниковцев, анненковцев Совет готов выслать свои добровольческие части. Не желая создавать нового фронта междуособной войны, Совет управляющих ведомствами предлагает вам немедленно освободить арестованных членов Правительства, объявить врагами родины и заключить под стражу виновников переворота, объявить населению и армии о восстановлении прав Всерос. Врем. правительства. Если наше предложение не будет принято, Совет управляющих ведомствами объявит вас врагами народа, доведет об этом до сведения союзных правительств, предложит всем областным правительствам активно выступить против реакционной диктатуры в защиту Учред. Собр., выделив необходимые силы для подавления преступного мятежа» [«Хр.». Прил. № 146].

Представила свой протест против «кучки заговорщиков» и местная Городская Дума, мало осведомленная в действительности о том, что происходило. Это видно из речи председателя Думы Н. З. Чембулова, отмечавшего, что «весь Дипломатический корпус союзников высказался за непризнание переворота» [Зензинов. С. 99].

«Чехи уверяли, — говорит Святицкий, — что они сами покончат с Колчаком, и сильнее всего образом противились снятию с фронта некоторых воинских частей, которые Совет предполагал выслать против Колчака. «Все что угодно, только не разрушение фронта», — настойчиво говорили чехи. «В этом нет надобности, — уверял Войцеховский, — Челябинск сумеет ликвидировать омский мятеж и без нас. Эшелоны для посылки против Колчака уже заготовлены» [с. 116]¹.

¹ Сведения эти до некоторой степени совпадают с тем, что говорит Крадохвиль в своей книге о решенной вначале чехами военной демонстрации против Омска [с. 226]. Я очень только сомневаюсь в том, что роль Войцеховского соответствовала тому, как она изображена у Святицкого.

Когда члены Совета узнали об екатеринбургском разгроме, то они решили покинуть Уфу и отправиться на фронт под защиту батальона имени Учр. Собрания. Опираясь на него и на другие демократические части, они думали оттуда повести борьбу с Колчаком.

Лишь только Войцеховский узнал о предполагаемом отъезде Совета на фронт, как сейчас же явился к председателю Совета В. Н. Филипповскому и стал упрямить последнего отказаться от отъезда:...

«Ваш отъезд произведет сильнейшее впечатление на армию, отвратит ее внимание от фронта и бросит ее в политику... Оставайтесь здесь, в Уфе, и я заверяю вас честным словом солдата, что никакие колчаковские банды не посягнут на Совет»...

Получив такие заверения, Совет управляющих ведомствами решил остаться в Уфе, тем более что он только что узнал, что в Уфу направляется и весь Съезд членов Учр. Собрания» [с. 117]...

23 ноября вечером Съезд прибыл в Уфу...

«Члены Совета сообщили, что поведение чешских командующих все более и более становится двусмысленным. Уговорив Совет остаться в Уфе, Войцеховский, вопреки данной гарантии, стал вторгаться в область непосредственного гражданского управления. При этом все эти вторжения носили характер препятствий, расставляемых борьбе с Колчаком. Например, когда Совет решил выпустить воззвание к войскам и населению, в котором подробно рассказывалось об омском перевороте и содержался призыв к борьбе с Колчаком, — Войцеховский запретил распространение этих воззваний. В Уфе производилось формирование нового батальона русско-чешского полка — Войцеховский распорядился приостановить это формирование...»

«Но у нас, — добавляет Святицкий, — оставалась возможность апеллировать к самому чехословацкому войску, избранником коего был чехословацкий Национальный Совет. Нам известно было, со слов самих членов чехосовета, что настроение чешских войск было ярко левое, что на новых выборах прежний состав чехосовета, состоявший

в своем большинстве из умеренных социалистов, пожалуй, и не пройдет. Момент же новых выборов как раз наступал. Чехосовет избирался на войсковом съезде, а последний должен был состояться в Екатеринбурге 12 декабря. Таким образом, мы имели возможность обратиться непосредственно к самому съезду, послав на него своих представителей и представив съезду особый меморандум с изложением образа действий чешского командования в отношении Съезда.

Меморандум было поручено написать В. М. Чернову, но мы не могли ждать 12 декабря¹ [с. 118—119].

Собрание решило поэтому сейчас же послать в Челябинск делегацию от Съезда, которой было поручено представить чешскому командованию ультиматум примерно следующего содержания: либо чехи принимают участие в немедленной ликвидации колчаковщины и соглашаются признать полноту власти Совета управляющих ведомствами как Правительства Европейской России, либо мы решительно порываем с ними, объявляем их изменниками и предателями российской демократии, а рядовых чешских солдат призываем покинуть ряды своих войск. Со слов чешских руководителей, мы знали, что объявление членами Всер. Учр. Собрания чехословацкого войска изменниками и предателями в отношении демократии делает дальнейшие операции этого войска на русской территории совершенно невозможными и вообще приведет к распаду войск...

Вообще полнота власти нового Правительства² находилась в зависимости от признания его чехами. Это признание необходимо было получить, в противном случае

¹ Показания Святицкого изображают нам восприятие фактов эсерами. Я не думаю, чтобы со стороны ген. Войцеховского было бы какое-нибудь двурушничество, как то вытекает из повествования Святицкого. Очевидно, основным побуждением Войцеховского было сохранение так или иначе фронта неприкосновенным и лояльность в отношении чехов, на службе которых он был. Противоречие, несомненно, получилось, и ген. Войцеховский отказался от службы у чехов [Пишон. «М. Sl.», 1925, II, р. 269].

² Совет упр. вед. должен был сделаться правительством для Европейской России.

власть Совета управляющих министерствами грозила стать призрачной. Военный аппарат — и русский и чешский — должен был также находиться в ведении Совета управляющих ведомствами. В качестве уступки чехам и во избежание могущих быть недоразумений решено было предложить чехосовету отпустить чеха Медека (секретаря чехосовета) на пост военного министра. В этом случае на посту товарища министра должен был находиться русский полковник Махин. Предложения эти должна была сделать отправляемая в Челябинск делегация Съезда [с. 117—121].

Совет управляющих ведомствами поспешил рассказать по всему миру о «контрреволюционном перевороте», происшедшем в Омске. Вместе с тем он обратился 28 ноября к чехословацкому Нац. Совету с предложением принять весь эвакуированный из Самары в Сибирь золотой фонд «для охраны» и затем передачи У. С. или общепризнанному Правительству [Зензинов. С. 43—45].

Однако кажущееся единство на Съезде быстро рассыпалось, как только собрался «пленум» Съезда. Открытая борьба многим представлялась «компрометирующей Съезд авантюрой». Впервые, наконец, 8 депутатов правого крыла заявили, что они не считают более возможным оставаться в составе Съезда. Со стороны «более лево настроенных» было высказано устами Буревоего другое предложение — ликвидировать Съезд и весь антибольшевицкий фронт и уехать в Советскую Россию [с. 123]. «Финальный аккорд» показывал, что обстановка складывается «из рук вон негодная». Чешские военные вожди явно настраивались на колчаковский лад¹. «Наши части находились на фронте в 200 верстах от Уфы. Под давлением чехов мы согласились не уводить их с фронта, дабы не обнажать его. В городе, как уже сказано, находилось полтора батальона еще не обученных и не организованных солдат. Нашей работе над ними и нашему сближению с ними явно ставились препятствия. Что было делать? Послать курьеров,

¹ Ср. работу *Přikryl* «Sibirska drama». Автор склонен утверждать, что с Колчаком легко примирилась та часть командования легий, которая отрицательно относилась к «делегатчине» в чехословацких войсках.

чтобы вызвать части с фронта? Многие уже склонялись именно к этому решению» [с. 126—127]¹.

«Между тем в Уфе появились сибирские солдаты». Развязка приближалась. 3 декабря Колчаком был издан приказ: «Бывшие члены самарского Комитета членов Учред. Собр., уполномоченные ведомствами бывшего Самарского правительства, не сложившие своих полномочий до сего времени и примкнувшие к ним некоторые антигосударственные элементы в Уфимском районе, в ближайшем тылу сражающихся с большевиками войск, пытаются поднять восстание против государственной власти: ведут разрушительную агитацию среди войск; задерживают телеграммы верховного командования; прерывают сообщения Западного фронта и Сибири и с оренбургскими и уральскими казаками; присвоили громадные суммы денег, направленные атаману Дутову для организации борьбы казаков с большевиками, пытаются распространить свою преступную работу по всей территории, освобожденной от большевиков.

Приказываю: 1. Всем русским военным начальникам самым решительным образом пресекать преступную работу вышеуказанных лиц, не стесняясь применять оружие.

2. Всем русским военным начальникам, начиная с командиров полков (включительно) и выше, всем начальникам гарнизонов арестовывать вышеуказанных лиц для предания их военно-полевому суду, донося об этом по команде и непосредственно — начальнику штаба Верховного главнокомандующего.

3. Все начальники и офицеры, помогающие преступной работе вышеуказанных лиц, будут преданы мною военно-полевому суду.

Такой же участи подвергнуть начальников, проявляющих слабость и бездействие власти» [«Хр.». Прил. 150].

Не знаю, согласится ли русский читатель, что у Колчака не было никакого повода для ареста. Это утверждает

¹ Войцеховский, узнав это, экстренно пригласил Вольского и предложил перевести Съезд из Уфы, слишком близко расположенной к фронтовой полосе, в какое-нибудь другое место.

Пишон. По его словам, ген. Дитерихс, в целях спокойствия на фронте, принял на себя миссию выполнения приказа Колчака, вопреки своему желанию и желанию Сырового, как главнокомандующего. Одновременно Дитерихс послал письмо с отказом сотрудничества с Верховным правителем [«М. Sl.», 1925, II, р. 269].

В ночь на 3 декабря в Уфе были арестованы 30 депутатов У. С. По свидетельству Святицкого, арест производил самарский военный министр Галкин¹. Чехи держали строгий нейтралитет². Арестованные были препровождены в Омск³. Этим закончился второй акт трагедии. Начался третий — эпилог.

* * *

Оставшиеся на свободе депутаты — их было около 40 — не сдались. Десять из них тотчас же собрались в Уфе, в «подполье», и решили, что партия с.-р. «вынуж-

¹ Согласно показаниям с.-р. Сперанского, сводным отрядом командовал полк. Врублевский. У Девятова отобрано было «множество секретных документов» [«Кр. Арх.». VIII, с. 180—181].

² По поводу обращения эсеров «к чехам», в котором чехам бросалось, как мы знаем, обвинение в измене русской демократии, «Чехослов. Дн.» [№ 287] 9 декабря отвечал «близоруким, слепым, наивным романтикам»: «Когда мы образовали русско-чешские полки под знаменем «За У. С.», где были в это время русские демократы и социалисты? Сформирован был лишь один полк в 1500 человек. Теперь мы вам “надоели”... Официоз чешских легионеров напрасно только обвинял всех в том, что они хотят делать политику при помощи чешских штыков. Это относится лишь к эсерам. Напр., Гинс приводит из челябинской газеты «Сибирский Стрелок» — армейский орган — такие слова по поводу чешского меморандума:... «Мы очень благодарны за помощь на фронте, но просим не мешать нам строить жизнь, как мы хотим» [II, с. 7].

³ Колчак на допросе показывает: «Если у меня и были некоторые сомнения... в отношении частей, которые были непосредственно подчинены Комитету У. С., то они рассеялись, т. к. Фортунатов (командир полка У. С.) признал совершившийся переворот совершенно легко и даже не оказал сопротивления при аресте членов У. С. [с. 183]... Скорее, было оказано даже содействие» [с. 192].

дена перейти теперь к нелегальной работе». «Борьба с Колчаком должна выразиться в повсеместной подготовке восстания против власти и ее клеветов»... — передает суждения новых подпольщиков Святицкий.

«В связи с вопросом об уходе с большевицкого фронта демократических воинских частей, в целях их использования для восстаний, не мог, конечно, не возникнуть вопрос о возможности продолжения борьбы «на два фронта»: и против Колчака, и против Красной армии. Борьба на два фронта, очевидно, становилась неосуществимой...

Совещание постановило поэтому вооруженную войну с российской советской властью прекратить и принять все меры, чтобы все вооруженные силы обратить против буржуазной реакции.

Военные части было решено с фронта увести, т. е. товарищи решались на обнажение фронта. Но вместе с тем решение о прекращении войны с советской властью было постановлено пока не разглашать. Делалось это как по соображениям конспирации, в связи с планами военного восстания, так и по особому рода соображениям. Прекращение войны с советской властью затрагивало вопрос о возможности достижения известного политического соглашения с ней. Была тенденция, таким образом, состоявшееся уже одностороннее решение о прекращении войны сделать двусторонним, поставив его в содержание соглашения с партией большевиков.

Товарищи конкретно склонялись к следующему плану: красные войска подходят уже к Уфе. Взятие с фронта наших войск сделает занятие города Уфы красными совершенно неизбежным. Но мы должны постараться еще до взятия Уфы большевиками произвести в ней противокочаковский переворот. Тогда мы станем хозяевами Уфимского района и уже как существующая власть попытаемся вступить в переговоры с приближающимися войсками советской власти.

Центральный Комитет партии также склонялся к тому, чтобы завязать переговоры с руководящими центральными органами советской власти при первой же к тому возможности. По его мнению, однако, возможность эта наступила бы только в том случае, если советская власть

согласится на признание Всер. Учр. Собрания. Последнее должно быть созвано в Москве вместе с ушедшими из собрания 5 января большевиками и левыми эсерами...

...К такой постановке вопроса склонялся и В. М. Чернов. Последний был, однако, против того, чтобы мы, эсеры, первыми и в официальном порядке обращались к советской власти с предложением открыть переговоры. В. М. Чернов настаивал на том, чтобы предварительно было совершено «нащупывание почвы» и переговоры состоялись бы только в том случае, если бы заранее могла явиться уверенность в их успешном окончании» [с. 136—137]¹.

На следующий же день после заседания 5 декабря депутаты стали разъезжаться в назначенные для них места... «Товарищи являлись на специально устроенную явку, получали указания, директивы и деньги и уезжали». Уфа опустела, в ней остался только штаб противоколчаковского движения. План «военной комиссии», в изображении Святицкого, сводился к следующему:

«Восстание должно было произойти в Уфе и под Уфой. Его должны были произвести, с одной стороны, некоторые воинские части, стоявшие в самой Уфе, а с другой — воинские части, находившиеся на фронте. К последним принадлежали: русско-чешский полк, батальон имени Учр. Собр., конный отряд депутата Фортунатова, так называемая «ижевская бригада». Затем предполагалось, что окажут сильную поддержку восстанию и различные мусульманские части, там и сям вкрапленные на фронте.

Все эти части должны были самостоятельно уйти с фронта, подойти к Уфе и здесь объявить власть Колчака низложенной. В случае преждевременной сдачи Уфы красным — центром восстания должен был явиться рабочий Златоуст, куда должны были в этом случае направляться и войска...

Предполагалось, что план восстания будет осуществлен в течение 1 1/2—2 недель. Однако прошли две недели, три недели, а никакого восстания не происходило. Мы сидели в Уфе, нервничали и томились. Между тем Красная армия подхо-

¹ Следовательно, управляющий Мин. ин. дел после переворота Ключников в телеграмме 23 ноября в Париж с полным правом мог говорить, что Комитет У. С. стал проявлять склонность к ориентировке в сторону большевиков.

дила к Уфе все ближе и ближе. В двадцатых числах декабря было уже ясно, что Уфа со дня на день будет отдана красным. Происходила лихорадочная дезорганизованная эвакуация города. Становилось очевидным, что в Уфе никакое восстание уже невозможно, да и ни к чему. Еще через неделю было уже видно, что план военного противокочаковского восстания в данный момент вообще потерпел крах. Почему?..»

«Следует признать... — отвечает автор, — что мы вообще переоценили свои силы. Так, если на «ижевскую бригаду», по утверждению товарищей, можно было серьезно рассчитывать, то вряд ли такие расчеты оправдались бы в отношении русско-чешского полка, батальона и конного отряда. Командный состав этих частей мало расположен был бунтовать. То же следует сказать и относительно мусульманских частей, бывших на фронте. И тут приходилось начинать с заговоров среди самого командного состава» [с. 138—140].

31-го под звуки «Интернационала» в Уфу входила Красная армия.

«Нужно представить себе, что пережили и почувствовали мы, оставшиеся в Уфе, за последние два месяца, чтобы понять охватившее нас в это торжественное утро настроение... после стольких мучительных дней, проведенных в чужой и враждебной, смертельно враждебной колчаковщине, мы как-то забыли о том, что разъединяло нас с большевиками, и красные звезды на белых папахах солдат Советской России показались нам родными, своими звездами. Как-то вдруг, совершенно объективно, со стороны, мы почувствовали в пришедшей армии революционную и социалистическую армию, которая... увы, немедленно, тут же на месте расстреляла бы нас, если бы узнала, кто мы такие»¹ [с. 142].

Девять эсеров, членов президиума Съезда и ЦК, Вольский, Святицкий, Шмелев, Ракитников, Буревой немедленно повели переговоры с большевиками «от имени президиума Съезда У. С.». Эти переговоры с уфимским ревкомом о создании «единого революционно-социалистического фронта против поднимающей голову реак-

¹ Невольно вспоминается воззвание Комуча 16 июля за подписью Вольского, где большевицкие войска назывались «бандами гнусных разбойников».

ции» нас в данном случае интересоваться не могут. Пошедшие в союз с большевиками формально разошлись в окончательном итоге с остальными эсерами, оставшимися в Сибири. Мы еще встретимся с ними и увидим, как в жизни, при принципиальном отрицании союза с большевиками, они вместе с последними, иногда даже в общих организациях, участвуют в противокочкавской «революционной» акции.

Акт, совершенный председателем Съезда У. С. Вольским и его единомышленниками, произвел в Сибири «большое впечатление», и «на эсеров обрушилась вся цензурная печать». «Началась незабываемая травля», — говорит Колосов. — Но для цензурников было мало... им хотелось припутать сюда непременно В. М. Чернова. И вот неожиданно, и к великой радости их, получается радио, что 19 января Чернов... приехал в Москву для переговоров о соглашении с Лениным и Троцким... Я знал, что вся эта информация ложна, так как перед тем получил точное сообщение, где именно находится Чернов» [«Былое». XXI, с. 290]. «Радио» действительно спутало Чернова с Черненковым. Но Черненков и был тем лицом, которое избрано было 5 декабря для зондирования почвы в Москве. Негодование Колосова впустую. Чернов отличался от Вольского и других лишь тактикой. Это были полные единомышленники еще в Самаре, как нетрудно увидеть хотя бы при просмотре партийного органа «Дело Народа». Чернов первый задумался о ликвидации фронта — утверждает и Буревой [Распад. С. 57]; он искал только «повод» к разговору с большевиками и не пошел на полную, безоговорочную капитуляцию перед уфимским ревкомом. Это было неуместно для председателя У. С. и лидера партии¹.

Ошибается Колосов, утверждая, что переход Вольского вызвал негодование только в цензурной печати. «Заря» писала в статье «Вниманию честных людей», что действия Вольского и К-о обязывают партию протестовать против их предательской деятельности [№ 45]. В Сибири

¹ Совершенно основательно «Чехосл. Д.» [9 декабря 1919, № 552] обвинял Чернова и К-о в том, что их стараниями часть демократии русской была вогнана в коалицию с большевиками.

этого протеста не последовало. Кажется, только уральский областной Комитет партии опубликовал воззвание против «позорного преступления уфимских предателей» [«Сиб. Ж.»]¹; отгородилась от «изменников» еще фракция Екатеринбургской Думы [«Заря», № 2].

Много сказано в литературе по поводу насилий в эти дни со стороны омской власти в отношении членов У. С. Всю инициативу репрессий приписывали лично Колчаку. А между тем его поведение было достаточно мягко и благородно. «В подполье» он партию не загонял и не отдавал распоряжений в смысле репрессий в отношении активных членов партии с.-р.: «Я только послал телеграмму Дитерихсу и Ханжину, чтобы они приняли все меры для борьбы с пропагандой на фронте» [«Допрос». С. 193].

«Членов Учредительного Собрания было арестовано около двадцати, — показывал Колчак, — и среди них лиц, которые подписали телеграмму, не было, за исключением, кажется, Девятова. Просмотревши список, я вызвал офицера, конвоировавшего их, Кругловского, и сказал, что совершенно не знаю этих лиц и что в телеграмме они, по-видимому, никакого участия не принимали, и даже были, кажется, лица, не принадлежащие к составу Комитета членов Учредительного Собрания, как, например, Фомин. Я спросил, почему их арестовали, мне ответили, что это было приказание местного командования, ввиду того, что они действовали против командования и против Верховного правителя, что местным командованием было приказано арестовать их и отправить в Омск.

Таким образом, от этого ареста получилось впечатление весьма неопределенное: тех лиц, которых имелось в виду арестовать, не оказалось. Я вызвал вслед за этим Старынкевича и спросил его, что же делать с этими лицами. Определенных обвинений к этим лицам нет никаких — как же следует в этом случае поступить? Старынкевич говорит: «Надо произвести следствие по этому делу. Затем, помимо вызова, который был брошен членами Учр. Собр., есть еще одно очень серьезное обвинение, которое ложится на этот Комитет членов Учр. Собр., — в том, что они выпустили огромное коли-

¹ В Москве инцидент с Вольским вызвал только разговоры о необходимости для партии отгородиться от этого акта.

чество уфимских денег, причем эти деньги расходовались главным образом на партийную работу. Надо выяснить, какое количество денег они напечатали и куда эти деньги шли». Я сказал: «Хорошо, — в таком случае возьмите этот вопрос на себя, так как мне лично эти лица не нужны». Когда я сказал Кругловскому, что он привез мне совершенно неизвестных лиц, то он ответил, что остальные были предупреждены чехами и скрылись» [с. 191–192].

Для меня как-то дико звучат слова проф. Легра, утверждавшего, что диктатор преследовал за отсутствием большевиков соц.-революционеров «мечом, огнем и топлением» («Pro domo». «M. Sl.», 1926, VII, p. 119)¹. Таких фактов не было. Непосредственные очевидцы и наблюдатели не всегда являются достоверными свидетелями...

3. Печать и общество

Я представляю себе, что в ноябрьские дни в Сибири мало кто разбирался в той закулисной стороне, которая лишь постепенно выясняется. Сами члены Директории недостаточно учитывали тот удар в спину, который готовили ей «черновцы» в стремлении предупредить возможность захвата власти реакционными кругами. Большинство «левых» воспринимало только голый факт крушения Директории и появления «диктатора». Само слово уже, по традиции, вызывало внутреннее отталкивание. Этот факт расценивался вне зависимости от сопровождавших его обстоятельств, которые делали омские события «естественным развитием создавшегося положения». Выражение, принадлежащее министру ин. дел Ключникову в телеграмме 23 ноября русским дипломатическим представителям за границей, неудачно. Нельзя назвать естественным противоестественное. Но 18 ноября действительно было почти неизбежным трагическим последствием сибирской «неразберихи».

Точка зрения на переворот часто в то время определялась территориальным пребыванием тех или иных лиц.

¹ Ответ на мою статью в «Голосе Минувшего», № 4.

В Уфе, Челябинске, Екатеринбургe иногда не слишком хорошо знали, что происходит в Омске, и не проникали в глубь царивших отношений. В значительной степени этой местной обстановкой склонен я объяснять различия, которые появлялись в оценке переворота. Не какой-либо специфической предвзятостью, а только местной психологией можно объяснить, напр., то, что челябинский «Союз Возрождения» разошелся в конечном итоге с омской группой народных социалистов, принявших большинством голосов 21 ноября резолюцию о необходимости признать новую государственную власть¹. Когда непосредственно знакомишься с фактами, невольно проникаешь и в психологию действующих лиц — по крайней мере так кажется. Психология «учредилорцев» несла с собой все пережитки прошлого. Это своего рода сектантская психология, весьма легко воспринимающая односторонне внушение со стороны. Партийная масса была загипнотизирована страхом перед реакцией, — тем страхом, который обесцвечивал с первых дней захвата власти большевиками и борьбу с ними партии. Был силен еще гипноз от первых месяцев революции, создавший представление, что именно партия с.-р. является истинной выразительницей демократических чаяний, а ее органы — подлинным проявлением народовластия. Гипнозом становилась и дилемма сохранения «завоеваний революции», перед которой как бы ступшеывались более жизненные в данный момент национальные вопросы. Все это мешало занимать подлинно государственную позицию и хотя бы с элементарной объективностью относиться к политическим противникам. Человек бесспорно очень правых убеждений, ген. Сахаров, конечно, до известной степени был прав, когда утверждал в докладе Болдыреву, что эсеры завоевания революции ставят выше родины [*Болдырев*. С. 81]. Вернее родина как абстрактное начало, воплощающееся, однако, в сознании в весьма реальных формах, в их представлении не существовала. Нужны доказательства? Их слишком много было на

¹ Впрочем, здесь имел значение и состав лиц, входивших в эти группы.

протяжении революции и гражданской войны. Может быть, представление о родине как о самоцели и примитивно. Но это примитивное сознание было главенствующим в рядовой военной среде. Отсюда взаимное отталкивание, переходящее даже в непримиримую ненависть. Конечно, не всегда источником ее являлись какие-то реставрационные вождедения. Патриотический примитив связан был здесь с таким же, быть может, примитивным демократизмом.

Это сочетание, скорее, сулило возможность прочного общественного движения, направленного на освобождение России. При столкновении с партийной психологией примитив резко отбрасывался в противоположную сторону. И приходится ли удивиться, что в развращающей атмосфере гражданской войны все это выливалось в уродливые формы насилия над противником? Это отвратительно. Но таковы люди, и не их перевоспитанием можно было заниматься уже на поле брани. Насилия с моральной стороны никогда не могут быть оправданы, но объективно жизнь их объясняла. Восстание, подготовляемое «учредилловцами» в Екатеринбурге и Уфе, не удалось, потому что Съезд У. С. был разгромлен уже 20 ноября — так утверждает один из активных эсеровских деятелей, пошедший на союз с большевиками против Колчака [*Буревой*. Распад. С. 38]. Следовательно, не выступив с а м о ч и н н о в Екатеринбурге военная группа, все дело было бы проиграно — с точки зрения тех, которые «томились», по выражению Ауслендера, от существующего безвластия. Я знаю, что на это рассуждение можно ответить другой аргументацией. Но дело не в признании того или иного положения, а в объективной по возможности оценке существовавшего.

Общественная психология не опирается только на формальные политические признаки демократии и монархии. Это, скорее, догма. Под скальпелем политического анализа кажется только наивным утверждение беллетриста Ауслендера, что члены Директории думали соединить Колчака с Черновым [статья, напечатанная в «Отеч. Вед.», № 28, 26 ноября]. Это звучит абсурдом для человека, испытанного в тонкостях партийной игры. Но это не

звучит парадоксально для политического слуха массового обывателя¹.

«Левая» печать того времени — печать социалистическая (эсеровского и эсдековского направления) — не могла понять психологии момента. В своем большинстве она была узко трафаретна: Авксентьев и другие поплатились за свое легкомыслие попытаться добиться соглашения с цензовым элементом. Так, напр., рассуждала «Новая Сибирь» [№ 18] — орган, скорее, умеренный и не строго партийный. Зато почти драматически звучит голос тех, кто с самого начала отдал свое перо в защиту идей, положенных в основу Уфимского Соглашения. К числу их принадлежит талантливый публицист, соц.-дем. (потресовского направления) Евг. Маевский (Гутковский), редактировавший в Челябинске газету «Власть Народа». Он заканчивает свою статью 22 ноября по поводу переворота словами: «Ужас охватывает за несчастную Россию, за ее судьбу. Израненная, полуживая, она пробует приподняться, и вдруг злая рука сбивает ее снова наземь и в кровь. И злорадствуют, торжествуют большевики — кто-то протягивает им руку помощи, отсрочивая их неминуемую гибель. И злорадствуют и торжествуют все враги России, которые только ждут, чтобы воспользоваться ее беспорядком, ее безвластием и наложить на нее свою тяжелую руку...

Нет имени, нет оправдания тому, что произошло в Омске. Покушение на верховную власть, покушение в ответственные и трагические минуты жизни нашей Родины — есть великое преступление. Ничто не может оправдать этого покушения, ничто в богатой переворотами русской истории не может сравниться с тем, что произошло теперь в Омске.

Народ никогда не признает этого переворота, он никогда не простит...

И мы скажем, как вместе с нами скажет вся демократия и все просто честные люди: Да здравствует единственно законная Власть — Всерос. Врем. правительство, органи-

¹ Читатели моей брошюры «Гражданская война в освещении П. Н. Милокова» легко могли усмотреть, что даже такие активные политики, как исконный лидер партии к.-д., не очень разбираются в оттенках социалистических партий.

зованное и установленное Всенародным соглашением в Уфе».

Надо сказать, что уже в октябре сам Маевский в довольно безнадежных тонах рисовал обстановку. По поводу октябрьской забастовки на железных дорогах в Омске и Томске он писал: ...«краска стыда и глубокого отчаяния охватывает каждого старого революционера» [цитирую по «Ур. Кр.», № 74]. В другой статье [«Вл. Нар.», № 91] этот радикальный публицист в таких словах очерчивает положение вещей, созданное войной, большевиками и междоусобием: «Страна разложилась не только экономически, она надорвана и морально; исчезло чувство гражданского долга, появилась «узкая, эгоистическая разнужданность», глубоко внедрился «анархический индивидуализм»». Можно ли было при таких условиях исходить только из принципа? Тот же Маевский в дни Уф. Совещания отмечал бесплодность лозунга старого У. С., а теперь, после переворота, только к нему и звал.

И в других номерах газета столь же резко выступает против нового Омского правительства:

«Оправдать омскую авантюру — это значит оправдать другую авантюру, происшедшую совершенно так же, хотя и в менее голом виде, чем омская, это значит оправдать октябрьский большевицкий переворот. Тот, кто утверждает омский переворот, тот не может отрицать октябрьского большевицкого переворота. Тот, кто соглашается на омский переворот, тот выбивает сам у себя всякую почву, всякое оправдание для борьбы с большевицкой авантюрой. Тот, кто становится на почву омского переворота, тот ставит себя на одну доску с большевиками...

Сибирский кабинет министров, поставивший (мы еще не знали, добровольно или недобровольно) свои имена под этим правобольшевицким переворотом, очевидно, в своем целом неясно понимал, что это значит поставить крест и над самим собой. Утвердить такой переворот — значит утвердить и узаконить ту силу, которая совершила беззаконие, значит поставить и себя, и всякое иное правительство в зависимость от этой силы».

Полемизировать с покойным Маевским и его сотрудниками, конечно, не имеет смысла. Сама постановка воп-

роса, сделанная газетой проведением параллели между омским переворотом и большевицким, едва ли законна — я бы сказал, что здесь нет ничего общего. Я хочу обратить внимание на другое. Статья Маевского — вплоть до заявления: «Народу пора сказать адм. Колчаку: твое место на о-ве Св. Елены» (в статье «Все о том же») — появилась в легальной печати. Возможно, что челябинские условия, в силу пребывания там чехов, были несколько иными, чем в других местах. Но обзор, который можно сделать на основании газетного материала, приведенного хотя бы Зензиновым, свидетельствует, что печать в общем, несмотря на все цензурные препоны, могла высказаться о перевороте достаточно откровенно. Появлялись в эти тревожные дни газеты с белыми полосами, как появлялись они раньше¹. Появлялись статьи с цензурными выкидками или только с протестом против цензурных насилий². Обычное явление всего мира! Житейский закон, которому следуют, к сожалению, и демократич. правительства. На примере Самары, Владивостока мы видели, как считающие себя хранителями чистоты демократических принципов, став у власти, воздействовали на враждебную им печать — это называлось необходимой самозащитой. Когда то же делают другие, то это считается разнузданным проявлением реакционной власти. В период гражданской войны все бывает обострено. В период переворотов усиливается и эта обостренность. Надо признать, что период возникновения омской «диктатуры» не отличался, по сравнению с другими, каким-либо излишеством репрессивных мер против печати. 19 ноября была введена для повременной печати предварительная цензура в целях правильной информации населения о происшедших государственной важности событиях. Повидимому, распоряжение это было отдано штабом Верховного главнокомандующего³.

¹ Напр., в сентябрьские дни. См. «Голос Сибири» — орган всесибирского Комитета партии с.-р. — от 24 сентября.

² Напр., «Урал» в Екатеринбурге.

³ На фронте цензура была установлена распоряжением главнокомандующего Зап. фронтом ген. Сырового [«Отеч. Вед.», № 23].

Было бы чудом, если бы с момента установления в Омске «диктатуры» (впрочем, своеобразной, ограниченной Советом министров) сразу же сибирские военные и гражданские власти стали бы действовать по методу правовых государств и между этими властями установились бы те нормальные взаимоотношения, которых не могли добиться ни Самарское, ни Сибирское правительства. Было бы таким же чудом, если бы по мановению какого-то волшебного жезла, по приказу адм. Колчака, 20 ноября армия оказалась вне политики и военные стали бы только профессионалами-борцами за спасение России¹. Было бы чудом, если бы навыки гражданской войны, связанные с обычным проявлением самовластия, приобрели строго законный характер.

Конечно, практика цензуры должна была дать те примеры личного произвола, которые нельзя было объяснить никакой целесообразностью в деле защиты общественного спокойствия в дни повышенного настроения, обостренных протестов и даже заговоров. Недаром орган Белорусова «Отеч. Вед.» считал цензуру «абсурдной»². Нельзя только

¹ «Я требую, чтобы с начавшейся тяжелой боевой и созидательной работой на фронте и в тылу офицеры и солдаты изъяли бы из своей среды всякую политику и взаимную партийную борьбу, подрывающую устои русского государства и разлагающую нашу молодую армию.

Все офицеры, все солдаты, все военнотружущие должны быть вне всякой политики. Только тогда мы сумеем создать могущественную армию и спасти Россию. Теперь у всех в мыслях, на устах, в сердцах и на деле должно быть только одно стремление — отдать все свои силы армии и родине» [«Хр.». Прил. 143].

Еще строже это было декларировано Сибирским правительством 23 августа — запрещалось даже присутствие на политических собраниях.

² «Цензура — зло, — говорил Колчак в своем втором интервью с представителями печати, — но мы живем при особых условиях» [«Нов. Сибирь», № 19]. Насколько терпим лично был Верховный правитель, свидетельствует факт, рассказанный Кролем. Когда в Екатеринбурге к нему обратился городской голова «с просьбой освободить из тюрьмы редактора газеты, писавшей назавтра после переворота, что Колчаку и министрам — место в тюрьме, то Колчак ответил: «Что же? По-своему он тогда был прав: если бы переворот окончился неудачно, мы были бы преступниками». И он тут же распорядился об освобождении заключенного» [с. 197].

колчаковское Правительство, а тем более лично Колчака, делать как-то особенно ответственным за все цензурные абсурды, как это несколько позже делал в Иркутском «Деле» некий «старый журналист» [№ 38]. Он под цензурой писал: «С момента переворота 18 ноября Правительство Колчака наложило железные тиски военной цензуры на газеты. Ни чего, что бы хотя отчасти рисовало преступления Правительства в печать не пропускалось». «Старый журналист» склонен всю печать, которая не занимает позиции сибирских эсеров, считать «пресмыкающейся прессой», своих же собратьев по перу — «наемными перьями»¹. А между тем можно ли «пресмыкающейся печатью» назвать, напр., кадетский орган в Иркутске «Свободный Край», писавший 22 ноября: «Общественное мнение, а с ним и широкие слои населения не примирятся и не окажут доверия власти, твердый курс которой будет проявляться лишь в отношении большевицких проявлений слева». И дальше: «Изменения в составе и характере власти, происшедшие в Омске, не означают и не должны означать, что власть становится на путь реставрации». «Новая Сибирь» назвала эти замечания лишь «легким хныканием»².

В смысле белых мест печать разных направлений была сравнительно уравнена. Их много было в эсерствующей «Новой Сибири», немало в либеральных «Отеч. Вед.», меньше в омской «Заре», т. е. в центре. Купюры, как всегда, подчас были бессмысленны — цензор устранял сообщение о факте и оставлял оценку явления. И все же не только челябинская «Вл. Нар.» могла напечатать сообщение за границу по поводу телеграммы уфимского Сов. упр. в. о возмутительном событии, совершившемся в Омске. «Земля и Труд» — орган независимой социалистической мысли в Кургане, выходявший под предварительной военной цензурой, — почти целиком перепечатал эту те-

¹ Косная черта плохой публицистики. Позже, в эмиграции, эсеровский «Голос России» назвал «рептилией» лондонский орган П. Н. Милюкова «The New Russia» (напр., 14 сент. 1920 г.).

² Колосов склонен даже полагать, что «цензурная» печать, сочувствовавшая якобы Хорвату, сделала «легкую гримасу» при известии о «воцарении» Колчака [XXI, с. 255].

леграмму. Читатель «Новой Сибири» мог узнать о протесте Городской Иркутской Думы 19 ноября и прочесть в «Новой Сибири», что события 18 ноября «венчают политику интриг и вероломств», которую вели правые реакционные круги. Пусть в томском «Голосе Народа» от всей передовой статьи останется только надпись: «Да здравствует Учредительное Собрание» — ведь эта «узенькая ленточка» — та же передовая статья, достаточно красноречиво описывающая омские события. Уфимское «Народное Дело» называло переворот «новым предательством России» и призывало демократию к решительному удару по обнаглевшей реакции. Выдержку из статьи уфимского «Нар. Дела», где цензура была облегченной, встретим в иркутской «Новой Сибири» [№ 18].

Я взял лишь 2–3 примера, отчасти дополняющих материал, который имеется в сборнике В. М. Зензинова. Сказать, что в городах Сибири царил политический террор, как говорила это челябинская «Власть Народа», конечно, нельзя было¹. Правда, в оппозиционной печати не было того тона, который позже в отношении Колчака появился в органах тех же политических направлений. (Вот как писала, напр., «Земская Нар. Газета» (издание иркутской земской управы, т. е. местных эсеров), 11 января 1920 г. [№ 1]: «Бывшие царские приспешники, помещики и спекулянты, возглавляемые адм. Колчаком, совершили 18 ноября “тяжелое преступление”».) Но оценка действий власти иногда была очень резка. В той же «Власти Народа» был напечатан за подписью члена У. С. Фомина, одного из семи членов Исполн. Комитета противоколчаковского штаба, резкий протест (по-видимому, даже без «цензурных петель») против ареста редактора газеты Маевского и комиссара Директории с.-д. Кириенко, не подчинившегося «воле мятежников»².

¹ После «разгона» Съезда У. С. в Уфе вплоть до сдачи города большевикам выходила соц.-дем. газета [*Святицкий*. С. 132].

² Маевский был арестован по распоряжению Ставки. Штаб настаивал на предании его прифронтовому военно-окружному суду, но по личному распоряжению Колчака дело было переслано в распоряжение прокурора омского окружного суда [*Лутман А. (Ган)*]. Два восстания. — «Бел. Дело». III, с. 164].

Итак, сибирская печать, пусть даже «полусловом», могла довольно отчетливо выявить общественные настроения в связи с омскими событиями. Могли это сделать, быть может, еще более определенно общественные организации. В собрании документов Зензинова приведены некоторые из этих резолюций. По существу, они мало интересны, так как дальше слов протеста дело не шло. Ясно было с первых же дней, что переворот в Сибири принят спокойно. Никто, в конце концов, и не знал, что «в подполье» готовили екатеринбургские и уфимские заговорщики. Население к ним было равнодушно. Зензинов из харбинской «Новой жизни» [15 декабря] приводит изумительную по своей наивности информацию, поступившую от иркутского губернского комиссариата, возглавляемого эсером. Информация свидетельствует, что к Директории у большинства населения, в силу слабой осведомленности, отношение было «сдержанное». Переворот же 18 ноября привел все население в движение. И «население, относившееся до сих пор почти безразлично к Уч. Собр., в связи с последним переворотом стало проявлять живой интерес к нему» [с. 51]. Совершенно ясно, кем и для чего инспирирована эта заметка. Но объективно она свидетельствует, скорее, не в пользу тех, которые, как, напр., редакция «Вл. Нар.», были уверены, что «громкая масса русского народа против этого переворота». Равнодушие — плохой показатель активности населения¹.

Послушаем характеристику «широкой обывательской массы», которую дает Майский... Она, «конечно, ни о какой борьбе не думала, наоборот, она, скорее, сочувствовала Колчаку, от которого ожидала восстановления твердой власти. Город (Омск) был спокоен, до странности спокоен. Кучки любопытных, толкавшихся с утра около места заключения членов Директории и около некоторых правительственных зданий, постепенно растаяли, и все вернулись к своим шаньгам и пельменям» [с. 336]. Характеристику Майского можно дополнить сло-

¹ Равнодушие отмечал прибывший из Сибири Н. К. Волков в статье в «Общем Деле», № 97.

вами Колосова: «Когда утром 18 ноября омский обыватель, проснувшись, узнал, что у него теперь новое Правительство во главе с адм. Колчаком, то он отнесся к этому скорее благожелательно, чем с неудовольствием. Да и у многих на душе стало как-то легче» [«Былое». XXI, с. 251].

Отсутствие «энтузиазма» к перевороту один из наблюдателей того времени склонен объяснить лишь «сумрачностью» сибирского крестьянина. В действительности не было подлинного гражданского чувства, не было единой воли в стране, разделенной огромными расстояниями и разбитой на обособленные, в сущности, области... Политическую конъюнктуру текущего дня определял узкий ограниченный круг. Не было в населении ни подлинного увлечения автономной Сибирью, ни достаточной ненависти к большевизму, не успевшему проявить себя в должной мере за сравнительно короткий период властвования, ни влечения к отвлеченным принципам народовластия¹. Не прельщало знамя Учр. Собрания, не было достаточно популярно имя Колчака, принявшего бразды правления, и уже совсем мало население интересовалось Директорией, сущность которой неясно представляли себе даже омичи. Неоспоримо прав Ауслендер, говоривший в своей статье в «Отеч. Вед.»: «Директория погибла, конечно, не из-за нескольких самовластных действий Волкова и др. Это был «некий символический жест», показывавший, что Директорией никто не интересовался. К сожалению, это было так. Даже чехи через год [ст. Павлу в «Чехослов. Днев.», № 269], вспоминая годовщину «колчаковской диктатуры», писали:

¹ В докладе, представленном эсерами в «Испол. Ком. межд. соц. бюро» в июне 1918 г. [*Ракитникова Инна*. Как крестьянство боролось за У. С.], это равнодушие объяснялось отсталостью народа и плохими традициями. «Откуда, — задавал себе докладчик вопрос, — могло явиться чувство гражданственности, сознание собственного достоинства у нашего забитого мужика?» [с. 60]... «Революционность, — констатируется раньше, — лишь была легким налетом, а под ней — вчерашний раб и насильник» [с. 68]. С этой «социологией» далеко не все современники революции считали, однако, нужным считаться.

«Нужно признать, что бестолковая и бессильная политика Директории, которая, не обеспечив физическую защиту, осталась и без моральной поддержки, не вызвала особенного сожаления фактом своего падения».

Вожди «революционной демократии» ошиблись в своих оценках и в своих прогнозах. Поэтому тактика, принятая ими в Сибири, — тактика разложения антибольшевицких рядов, — шла на пользу коммунистической диктатуре. Язвительный Будберг назвал сибирских эсеров «бесплатными сотрудниками для большевиков». Этим самым они делались «факельщиками русской революции». Большую чуткость проявили рабочие на Воткинском заводе. И они обсуждали омские события 18 ноября. Местные члены У. С. пропагандировали «борьбу на два фронта». Это было отвергнуто. Решили примкнуть к Верховному правителю, как к «меньшему злу» [*Уповалов*. — «Заря», 1923, № 4].

* * *

В главе «Приветствия адм. Колчаку» Зензинов приводит несколько фактов из газетных сообщений того времени. Их немного: приветствия Хорвата, Иванова-Ринова, двух-трех командиров, съезда судовладельцев и Всер. Совета съездов торг.-пром. организаций, призывавших оказать новой власти «самую дружную поддержку».

«Изверившись в прочности и целесообразности коллективной власти, — телеграфировали судовладельцы, — в настоящих условиях, мы уверены, что только единоличная воля власти, опирающаяся на боеспособную армию и государственно мыслящие группы русского общества, сможет восстановить погибающую русскую государственность и защищать национальные интересы России».

Зензинов, помещая эти случайные приветствия, как бы хочет подчеркнуть их мизерность количественно и односторонность качественную. Едва ли можно вообще этим официальным приветствиям придавать какое-либо значение. Но все-таки они были не так уже единичны. На вопрос с.-р. Алексеевского, участвовавшего в допросе Колчака, каково было отношение к перевороту прави-

тельств, существовавших на территории, освобожденной от большевицкой власти, бывший Верховный правитель ответил:

«В Ставке исп. должн. нач. штаба вручил мне целый ряд телеграмм, которые прибыли в течение первых пяти дней. Эти телеграммы были из самых разнообразных мест Сибири, городов и частей армии и т. д. Эти телеграммы дали мне уверенность, что, по крайней мере, армия меня приветствует. Это были ответы на мое извещение; их были десятки¹... Помнится, я получил даже телеграмму с приветствием от Союза сибирских маслоделов.

В последующие дни приходили делегации и приветствия от различных крестьянских общин... Одной из первых была получена телеграмма от Хорвата... от атамана Дутова... от правительства Оренбургского². Затем была получена одна весьма характерная телеграмма от уральцев... они... просили сообщить, какую политическую цель я ставлю в первую очередь. Я подтвердил, что моя задача заключается в том, чтобы путем победы над большевиками дать стране известное успокоение, чтобы иметь возможность собрать Учредительное Собрание, на каком была бы высказана воля народа. Очень скоро я получил ответную телеграмму с приветствием и заявлением, что они передают себя в мое распоряжение... Но я не получил никаких известий только от двоих: от Семенова и Калмыкова» [с. 185].

Всякий переворот — новый прыжок в неизвестность. И дело было не в приветствиях новому правителю, а в признании или отрицании совершившегося факта. Спокойно и с достоинством омская «Заря», если не орган «блока», то орган, выражавший его общественные позиции, писала 20 ноября:

¹ Приветствия от земств и городов, достаточно многочисленные, были позже — в январе—феврале. (См. «Прав. Вестн.».)

² В Оренбурге была произведена попытка поддержать Съезд У. С. в Уфе во главе с существовавшим в Караван-Сарае башкирским Правительством Валидова. «Местный переворот» не удался — фактически выступления не произошло. Валидов, по словам ген. Акулинина, пошел по стопам Вольского и др. и перешел на сторону большевиков («Колчак и атаман Дутов», в «Возрождении», 7 февр. 1930 г.).

«Зная настроения и взгляды лиц, входящих в состав министерства, можно быть убежденным в одном, что этот ответственный шаг не был подсказан какими-либо личными случайными мотивами, а связан был с соображениями серьезной государственной важности.

Но оценивать события исторического значения нельзя только с точки зрения мотивов, которые воодушевляли действующих лиц; такая оценка, чтобы быть достаточно правильной, каковой она должна быть соответственно важности момента, должна опираться на всесторонний учет объективной обстановки событий.

Такого всестороннего учета, повторяем, мы дать в настоящее время не можем, ибо недостаточно ознакомлены с фактической стороной событий.

Одно можно сказать уже теперь, что события эти, как бы ни были они неожиданными на первый взгляд, имели в действительности свой пролог в том напряженном состоянии, которое в последнее время создалось в условиях государственной жизни. Известно было, что Директория почти с первых шагов своей деятельности обнаружила крайнюю внутреннюю несогласованность, парализовавшую ее коллективную волю, и не могла найти общего определенного пути совместной работы и с Советом министров. Положение еще более осложнялось внешними политическими условиями, окружавшими Директорию.

Кризис, несомненно, создался раньше, чем вылился в определенную, резко очерченную форму.

Уже одно это обязывает каждого воздержаться от поспешных, поверхностных суждений о происшедшем, пока не выяснится точно картина событий».

Только через месяц представители блока посетили Верховного правителя и сделали ему официальное заявление о «бесповоротной решимости всемерно поддерживать власть Российского правительства»¹.

¹ Какое значение имела эта поддержка, указывает замечание К. Д. Набокова о враждебном отношении, с каким было встречено в Лондоне русскими либеральными кругами известие о свержении Директории. Позиция блока смягчила это отношение. О том, как реагировали вне Сибири различные демократические группы, см. мою книгу о Чайковском.

Для непризнания власти не было почвы под ногами¹. Только в первый день могло казаться, что вмешательство союзников сможет аннулировать события 18 ноября. Некоторые демократические круги, и не делавшие ставку на чехословацкую вооруженную силу, по-видимому, рассчитывали на такое дипломатическое вмешательство. По крайней мере, так была построена речь председателя Уфимской Городской Думы нар. соц. Чембулова. Он говорил: «В настоящее время известно, по сообщению чехословац. Нац. Совета, что весь Дипломатический корпус союзников высказался за непризнание переворота». Чембулов ошибался. Оставленный в Челябинске при чехах делегат Съезда У. С. Фомин почти немедленно доносил о своих впечатлениях: «Союзники если и не помогали Колчаку совершить переворот, то все же одобрили этот его шаг... Если союзники хотя бы неофициально признают Колчака, то не может быть никаких сомнений, что чешское высшее командование поступит так же» [*Святыцкий*. С. 125].

Мнение союзников, конечно, было чрезвычайно важно. Пишон с необычайным преувеличением рассказывает: «Немедленно во французскую миссию стали являться все: военные, журналисты, лидеры политических партий: “Должны ли мы признать или бороться против адмирала? Верно ли, что он ваш человек?”» [*«М. Sl.»*, 1925, II, р. 218].

«Наше положение было самое фальшивое», — комментирует автор. Он только забывает добавить, что критическое отношение возникло значительно позже. Легра признает, что в иностранных миссиях скорее сочувствовали перевороту [*«М. Sl.»*, 1928, II, р. 166]. «Директория, — сказал Ауслендеру один из высокопоставленных дипломатов, — досадное осложнение»².

Колчак о своих отношениях к иностранным дипломатам в первые дни дал довольно подробное показание.

¹ «Не следует верить, как хотели внушить некоторые политики, что сибирское население было против Колчака», — замечает французский наблюдатель Грондидж [с. 516].

² Недаром Пепеляеву казалось, что союзники (англичане, французы, японцы) «высказываются уже за монархию у нас» [запись 7 октября. — *Субботовский*. С. 20].

«Вообще отношения со стороны всех, кто ко мне являлся, были самыми положительными. Гаррис, американский представитель, относился ко мне с величайшими дружескими чувствами и чрезвычайной благожелательностью. Это был один из немногих представителей Америки, который искренно хотел нам помочь и делал все, что мог, чтобы облегчить нам наше положение в смысле снабжения. Гаррис, насколько я помню, прибыл ко мне первый с визитом на следующий день. Гаррис сказал мне: «Думаю, что в Америке этому событию будет придано самое неопределенное, самое неправильное освещение! Но, наблюдая всю атмосферу, всю обстановку, я могу только приветствовать, что вы взяли в свои руки власть, при условии, конечно, что вы смотрите на свою власть как на временную, переходную. Конечно, основной вашей задачей является довести народ до того момента, когда он мог бы взять управление в свои руки, т. е. выбрать правительство по своему желанию».

Я сказал ему: «Это есть моя основная задача. Вы знаете хорошо, что я прибыл сюда, не имея ни одного солдата, не имея за собой никаких решительно средств, кроме только моего имени, кроме веры в меня тех лиц, которые меня знают. Я не буду злоупотреблять властью и не буду держаться за нее лишний день, как только можно будет от нее отказаться». На это Гаррис сказал мне: «Я вам сочувствую и считаю, что если вы пойдете по этому пути и выполните задачи, которые ставятся перед вами, то в дальнейшем мы будем работать вместе». В таком же духе говорил со мной и Реньо. Полковник Уорд был у меня на следующий день и сказал, что он также считает, что это — единственная форма власти, которая должна быть: «Вы должны нести ее до тех пор, пока наконец ваша страна не успокоится и вы будете в состоянии передать эту власть в руки народа». Я сказал, что моя задача работать вместе с союзными представителями, в полном согласии с ними и что я смотрю на настоящую войну как на продолжение той войны, которая шла в Европе... Вслед за посещением этих лиц, о которых я говорил раньше, меня посетили Рихтер и Кошек. Со стороны Кошека отношение было самое милое, любезное, но все чувствовалась какая-то неопределенность. Они спросили меня: «Что вы предполагаете делать?» Я сказал, что моя задача очень простая — снабжать армию, увеличить ее и продолжать борьбу, которая ведется. Никаких сложных больших реформ я производить не намерен, так как смотрю на свою власть как на временную; буду делать только то, что вызывается необходимостью, имея

в виду одну задачу — продолжение борьбы на нашем Уральском фронте. Вся моя политика определяется этим. Стране нужна во что бы то ни стало победа, и должны быть приложены все усилия, чтобы достичь ее. Никаких решительно определенных политических целей у меня нет; ни с какими партиями я не пойду, не буду стремиться к восстановлению чего-либо старого, а буду стараться создать армию регулярного типа, так как считаю, что только такая армия может одерживать победы. В этом заключается вся моя задача. Тогда Рихтер задал мне вопрос: «Отчего вы раньше не говорили об этом, почему не спросили раньше нашего мнения?» Я ему довольно резко ответил: «Вам какое дело?» Я менее всего намерен был спрашивать мнения иностранцев и заявил ему: «Ваше мнение совершенно неинтересно и необязательно для нас». Он сказал мне: «Мы принимаем участие в ведении войны». Я ему ответил: «Да, но теперь вы никакого участия не принимаете; теперь вы оставляете фронт, — почему же вы хотите, чтобы мы справлялись с вашим мнением и в особенности теперь, когда вы оставляете фронт?» Таким образом, отношение чехов, в лице их представителей, было, скорее, недоверчивым; со стороны Рихтера оно носило как бы характер обиды, что все сделано без их согласия, без предварительных переговоров с ними» [с. 186—188].

21 ноября приветствовали Колчака прибывшие в Красноярск итальянцы [«Прав. Вест.», № 10]. «Высокий комиссар» Великобритании сэр Эллиот приветствовал Верховного правителя лишь 13 января [«Правит. Вестн.», № 50¹].

¹ Общий вывод Пепеляева (в дневнике) об отношении сибирских представителей-иностранцев таков: «Англичане довольны... Уорд заявил Колчаку, что английская часть в Омске в распоряжении адмирала... французы доброжелательно нажимают на чехов в целях нейтрализации [«Хр.». Прил. 98]. «Чехи должны были примириться, — пишет Глос, — но им было непонятно, что союзники решились на этот шаг». Колчак появился «без нашего ведома» в тот момент, когда «нам» удалось достигнуть «настоящего успокоения в Сибири при Правительстве Авксентьева» [«Вольн. Сиб.». IV, с. 33].

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Первые шаги

1. Суд над заговорщиками

Новому Правительству прежде всего предстояло ликвидировать самочинное выступление военного отряда, совершившего переворот. Колчак, как мы уже знаем, считал самым правильным средством осведомления о сущности переворота судебное разбирательство в открытом заседании. «Я не помню, — говорит он, — я ли первый высказал эту мысль или Вологодский». Мысль эту проводил настойчиво Старынкевич. По-видимому, он был и инициатором судебного разбирательства¹. «Я вызвал Волкова, — показывает Колчак, — и сказал ему, что считаю необходимым гласное расследование всех его действий, не с целью его наказывать или карать, а с целью предать гласности, и поэтому я его отдаю под суд чрезвычайного суда». Этот акт Колчака приветствовался многими деятелями Сибири. «Преданием суду Волкова Колчак начал хорошо», — замечает Будберг [XIII, с. 265].

Совершенно очевидно, однако, что такой суд с самого начала не мог быть назван судом в юридическом смысле этого слова. Судить должны были, по существу, Директорию и этим судом оправдать «патриотические действия казачьих офицеров». «Движимые чувством глубокой любви и беззаветной преданности к истерзанной и измученной когда-то Великой России, — говорило официальное сообщение штаба Восточн.-Сибир. армии в связи с протестом ат. Семенова против суда, — полк. Волков, войсковые старшины Красильников и Катанаев были главными деятелями омских событий. Решившись и исполнив этот серьезный и опасный шаг, названные офицеры сами отдались в руки правосудия. Действуя по своему крайнему разумению, (они) считали, что если действия

¹ Лицо, близкое Колчаку, пишет мне: «Величайший абсурд — суд над лицом, произведшим удавшийся переворот, — имел место исключительно по требованию союзников». Очевидно, дело было не совсем так.

их нарушали формальный закон, то они должны предстать перед судом, который вынесет им свой справедливый приговор»¹. Разбирал дело виновников переворота чрезвычайный военный суд в составе председателя ген. Матковского, членов: ген. Бржеховского, полковников Сторожева и Верникова. Обвиняемых защищали прис. пов. Жардецкий и полк. Киселев... К сожалению, в моем распоряжении нет подробностей этого суда, за исключением рассказа одного из присутствовавших на суде. (В сборнике Зензинова помещен отчет из харбинских «Новостей Жизни» — газеты, достаточно тенденциозной в отношении к новому Сибирскому правительству.)

Современная запись очевидца отмечает, что суд далеко не формально отнесся к судоговорению. Суд затруднялся подыскать статью для обвинения, так как соответствующая ст. старого Уг. Ул. о посягательстве на верховную власть (ст. 100) была отменена после революции... Возник вопрос об отложении судебного разбирательства. Но «так как отложить суд по соображениям политического характера было немыслимо, то решили 100 ст. на случай, ежели пришлось бы выносить обвинительный приговор». Цитируемый мной источник указывает, что подсудимые «сильно волновались». Сам Красильников имел «испуганный вид». Из «довольно бессвязных» объяснений обвиняемых «трудно было понять, что, собственно, побудило их прибегнуть к аресту членов Правительства». «Ясно было одно, — передает свидетель, — переворот назрел, а осуществить его могли только люди, располагающие военной силой; этими людьми оказались подсудимые»². Последние подчеркивали, что они устранили лишь «персонально» Авксентьева и Зензинова, но против Директории как таковой ничего не имели.

Наиболее серьезным обвинением, тяготившим над членами Директории, по словам Колчака, являлись пе-

¹ Официозная «информация» очень неточно передавала, как только что было сказано, историю возникновения судебного процесса.

² Я не имею пока права назвать имя этого свидетеля. Отмечу его несочувствие методам переворота 18 ноября, его прогрессивный образ мысли и то, что сам он квалифицированный юрист.

реговоры их по прямому проводу с членами ЦК партии, что служило доказательством якобы тесной связи Авксентьева и Зензинова с Черновым.

«Эти обстоятельства вызывали страшное возмущение. Какое это правительство, которое находится в руках определенной партии и исполняет ее приказания! Я подробно не знаю текста этих переговоров. Кажется, что я видел ленты, но они у меня в голове не остались и ничего особенного не представляли. Во всяком случае, каких-нибудь криминальных или преступных решений не было, но они действительно носили оттенок такой, что как бы верховная власть подчинялась партии и ее директивам» [«Допрос». С. 177].

На суде офицер, заведывавший прямым проводом, показал¹, что «Правительство из с.-р. всегда уносило с собой ленту переговоров или ее рвало. Авксентьев даже приводил своего телеграфиста. Но так как господа эти были русские люди со всеми их свойствами, то они иногда забывали уничтожать следы своих разговоров, а затем, спохватившись, присылали за лентой адъютантов (кстати, характерная деталь и сибирской и уфимской власти — у штатских министров офицеры адъютанты). Это позволило кое-что последить. Выяснилось, что Авксентьев жаловался своему партийному собеседнику на тяжесть персонального его положения в Директории и на затруднительность проведения с.-р. директив вследствие наличия в Сибири бессознательной и дисциплинированной армии².

На суде правда переплелась с вымыслом — главным образом в показаниях членов политической контрразведки. Военная контрразведка, ставящая себе политические задачи, почти всегда и повсюду оказывается не на высоте. Так было и здесь. Когда контрразведка утверждала, что партия с.-р. поставила себе целью свержение

¹ Я вновь цитирую указанный источник, считая нужным подчеркнуть, что свидетельство относится к тем дням, — это копия письма, отправленного 22 ноября 1918 г.

² Подчеркнуто в оригинале. Может быть, здесь сгущены краски. Но отчетливо видно, какую пищу для разговоров давала подобная тактика.

власти — она была права. Когда она к этому заговору приплетала Авксентьева — она показывала только то, что не умела разбираться в политических отношениях. Когда разведка устанавливала данные, свидетельствовавшие, что в распоряжении Авксентьева имелось около 200 млн руб., переправленных в Омск через большевицкие войска¹, и что между эсерами и большевиками был уже подписан договор ответственными лидерами партии, — она или безудержно фантазировала, или предупреждала события. Но все-таки это были только показания контрразведки на суде, и у Авксентьева не было абсолютно никакого права на основании даже газетной информации говорить, что суд установил, что он, Авксентьев, получил от большевиков 200 млн руб. для большевицкой пропаганды в армии [известное интервью. *Зензинов*. С. 182]. В официальном постановлении суда ничего подобного не было. Оно гласило: «При рассмотрении дела о полковнике Волкове и других из показаний допрошенных свидетелей и представленных к делу документов суд усмотрел, что некоторые члены Центрального Комитета партии с.-р. и члены партии составили и распространили воззвание, в коем призывали к мобилизации и вооружению членов партии с.-р. для борьбы против Всерос. Врем. прав., восстановления Областной Думы и борьбы против дисциплины, установленной в армии и нежелательной для партии.

«Роговский совместно с другими членами партии с.-р. организовал вооруженный отряд в целях устранения нежелательных для партии членов Директории (генер. Болдырева и Вологодского) и выполнения террористических актов против офицеров и других лиц [«Новости Жизни», 26 ноября].

¹ Впрочем, делалась оговорка, что «установить наличие фонда не удалось». Показания контрразведки я сознательно беру из враждебного отчета «Новостей Жизни». В письме моего «очевидца» имя Авксентьева даже не упоминается и показания эти относятся к Чернову и к деньгам, якобы привезенным им в Самару. Конечно, это досужая фантазия. Ср. с вышеприведенным письмом с.-р. Альтовского о необходимости обеспечить партию деньгами.

Мы видим, что члены Директории как таковые не упоминаются. Говорилось лишь о некоторых членах ЦК партии. В такой постановке суд почти не отошел от истины¹.

Мой свидетель, считая «мало обоснованной» (в показаниях контрразведки) «достоверность заговора с.-р. и их намерений заключить с большевиками соглашение»² (что происходило в действительности, мы знаем из рассказа Святицого), пишет, что «безусловно надо считать доказанным то, что с.-р. самым широким образом пользовались правительственным аппаратом для своих узкопартийных целей»... Суд, конечно, оправдал виновных, а относительно материала, касающегося эсеров, постановил довести до сведения министра юстиции. Теоретически совершенно последовательно министр юстиции поручил члену судебной палаты Брюханову произвести расследование о преступных деяниях членов ЦК партии с.-р., и возник вопрос о задержке высланных членов Директории (они выехали в ночь 21 ноября; постановление суда состоялось в тот же день). Но этому решительно воспротивился Колчак. «Мне пришлось сказать, — замечает Колчак, — что нежелательно предавать их суду как принципиально, так и фактически. Так как они уже уехали, и судить их нет никаких оснований. Раз они смещены, то зачем, собственно говоря, их судить».

Действительно, серьезным обвинением против Комитета У. С. могло быть расходование государственных денег на партийную работу. Это и было отмечено Старынкевичем [«Допрос». С. 192].

Картина порядков в распоряжении казенными средствами в Уфе, по выражению Кроля, была «ужасающая»:

¹ Относительно назначения отряда Роговского сказано слишком сильно, но несомненно, в функции отряда Роговского должны были входить и некоторые специфические задания. Вспомним хотя бы рассказ Болдырева о посещении его эсерами после убийства Моисеенко и об угрозе расправиться с «военщиной». Письмо современника говорит: ...«департамент милиции стал по примеру самарского реорганизоваться в партийную с.-р. охрану».

² «Говорят, — добавляет он, — что в закрытом заседании были оглашены документы, проливающие свет на это обвинение».

«Я охотно допускаю, что злоупотребления самих руководителей в личных целях если и были, то были не в крупном масштабе, но нельзя не отметить общей язвы революционных правительств, которые считали, что они, эти временные органы или их партии, и государство — одно и то же. Беззаконное в ускоренном и упрощенном порядке (не возиться же с канцелярщиной и буквеедством!) распоряжение казной не могло не нарушать возможности правильного контроля, а следовательно, и не влечь неизбежного казнокрадства со стороны подчиненных органов. Давать щедрой рукой деньги своей партии, своим партийным газетам эсеры, по крайней мере, считали вполне государственным делом. Будущий историк найдет, несомненно, немало такого и в деятельности Сибирского правительства» [с. 162].

История пока таких материалов не обнаружила¹, и приходится заниматься рассмотрением того, что есть. Нельзя признать нормальным то, что обнаружила ревизия учреждений финансов. ведомства Сов. упр. вед. в Уфе². Ревизия была произведена еще при Директории (16 ноября), когда областное правительство должно было сдать при ликвидации свои дела, вице-директором Общего отдела Мин. фин. Крестовским. Результат ревизии был в свое время опубликован в «Заре» и в «Правит. Вест.» [4 дек., № 14]. Данные эти, касающиеся ассигновок чехам на «развертывание русско-чешских частей» (3 млн), несмотря на запрещение центральной власти, ассигновок на «зарубежную работу» (2 млн), на «неотложные надобности», на «неопределенные расходы, выдачи Правительству Башкирии» (3 млн) («беспримерное ассигнование», по мнению ревизии), перепечатаны Гинсом в его книге³, поэтому ограничиваюсь достаточными коротенькими выдержками, относящимися к последним дням существования Совета упр. ведом., который отчасти тоже превратился в

¹ На совести и проф. Легра, и его информаторов остается приведенное выше обвинение членов Сибирского правительства.

² Характерно, что нечто аналогичное обнаружилось и при ревизии дел Сибоблдумы [«От. Вед.», № 29].

³ Также у Гутмана (Гана) в книге «Россия и большевизм» [с. 295—298].

один из штабов противокочкавской акции: ему в эти дни стала в Уфе принадлежать «полнота власти».

«19-го г. Веденяпин, управляющий Вед. иностранных дел, — констатировала ревизия, — предъявил чек на один миллион рублей, но встретил решительный отпор со стороны представителей Министерства финансов, указавших, что они не могут допустить расхищение государственных средств в столь тревожное время и притом на совершенно неизвестные и неопределенные цели. Тогда Совет упр. ведомствами пошел по проторенной большевиками дорожке и арестовал лиц, заграждавших доступ к государственному сундуку, а затем на свободе вынул из отделения государственного банка 5.000.000 рублей... Несмотря на категорические приказы Министерства финансов отправить из присланных Омском в подкрепление Уфимского отделения 16 миллионов руб., 5.000.000 руб. в Оренбург, представители последнего денег не могли получить ввиду того, что Совет управления ведомствами решительно воспретил исп. об. упр. Уфимским отделом государственного банка произвести эту отсылку... Заслуживают также внимания и расходы Совета в связи с военными обстоятельствами. Сумма последних за время с 10 октября по 8 ноября составляет в общем 14.901.352 руб. 54 коп., причем свыше 9.560.000 руб. ассигновано в один день 7 ноября. Из приведенной суммы уполномоченному Совету на поддержание партизанских отрядов с развертыванием их в полки отпущено 4.500.000 руб. Ген. Войцеховскому на поддержание русских частей, работающих на фронте, — 2.000.000 р. и упол. чехословацкого Нац. Совета на поддержание русско-чешских частей — 3.000.000 руб. Столь щедрые ассигнования на поддержание и развертывание партизанских отрядов и батальонов всерос. Учр. Собрания в полки становятся особенно симптоматичными, если припомнить, что эти ассигнования последовали вслед за известной «граммотой» В. Чернова о необходимости иметь в своем распоряжении батальоны совершенно особого и специального назначения. Мало того, Совет упр. ведомствами считал себя вправе снимать ценности с эшелонов, эвакуируемые казначействами отделений Государственного банка, — таким путем ему удалось захватить 36.000.000 руб., и все они израсходованы вышеуказанным порядком».

В этих ассигновках была еще одна характерная черта: ассигнованные суммы тотчас же брались в казначейства

и, по выражению ревизора, «бесследно исчезали». Ревизор иллюстрировал деятельность агитационного культурно-просветительного отдела (кстати подлежавшего расформированию по распоряжению Болдырева), который получил в середине октября ассигновку в 4¹/₂ млн и на текущем счету которого было лишь 16 р. 60 коп.... Также прав был ревизор, отмечая, что все деньги в значительной степени шли на агитацию против Правительства (газеты «Народ» и «Народное Дело»).

Никаких опровержений данных ревизии нам не удалось... Она бесспорно дала обличительный материал, который можно было использовать в политических целях. Новое Правительство этого не сумело сделать или не хотело. И в том и в другом случае показательный суд над виновными не мог служить в пользу Правительства, так как несерьезные данные дискредитировали и то серьезное, что могло быть представлено на суд общественного мнения.

2. Ультиматум Семенова

Ошибкой считает Будберг оправдание виновников переворота, еще большей тактической ошибкой, по мнению Гинса, было производство Волкова в ген.-майоры, а Красильникова и Катанаева — в полковники: «Даже при невозможности вменения ему (Волкову) политического проступка, он должен был быть не награжден, а, наоборот, наказан» [II, с. 36]. Плохой, действительно, симптом, когда правительство вынуждено идти на компромисс, считаясь с настроением кругов, в руках которых так или иначе были значительные вооруженные силы. В таких условиях всегда появляется опасность создания своего рода преторианцев, которые будут предъявлять, когда нужно, свои счета к оплате¹.

Омские казачьи круги — омская «атаманщина» — могли быть во время суда над Волковым и его соучастниками

¹ По словам Окулича [«Возрождение», № 282], оправдание чрезвычайно «мучило» Вологодского. Но другого выхода, кроме оправдания, не было.

взбудоражены протестом и ультиматумом, которые предъявил Семенов Правительству. До этих пор молчавший забайкальский атаман, лишь только был обнародован приказ о назначении суда над виновниками переворота, реагировал телеграммой на имя Колчака, в которой заявил, что Колчак не имеет права предавать виновников суду, и требовал выдачи их в свое распоряжение. Быть может, подчеркнуто пришлось пойти на награду оправданных по суду, чтобы успокоить разгоревшиеся страсти¹. Это производство, возможно, преследовало и другие цели. Опасный в Омске, Волков был отправлен в Читу с миссией убедить Семенова в государственном вреде его выступления — Семенов заявил, что он не признает Колчака. Есть, однако, одно неразрешимое пока противоречие. В работе Парфенова напечатан приказ «по казачьим войскам» временного управл. воен. мин. ген. Сурина о производстве Волкова и др. в следующий чин «за выдающиеся боевые отличия». Дата приказа 19 ноября, т. е. одновременно с назначением чрезвычайного суда. На нем есть странная пометка: «секретно». На мой вопрос и Старынкевич и Гинс, которые, казалось бы, должны были знать об этом секретном приказе, решительно отвергли его возможность... Большевицкие историки не всегда точны и аккуратны в печатании материалов, которые могут дискредитировать их политических противников²... Сомнительно, однако, то, что Колчак имел непосредственное отношение к этому производству.

Упомянутый протест Семенова грозил новому Правительству большими осложнениями, так как за Семеновым стояли японцы, весьма неодобительно относившиеся к перевороту [*Уорд*. С. 90]. Первое столкновение с Семеновым я предпочитаю рассказать словами Колчака. Этот своеобразный мемуарист почти всегда более точен в передаче фактов, чем иные «документы». Документы в сбор-

¹ О настроениях свидетельствуют сцены, сопровождавшие оправдание подсудимых. Мой «очевидец» рассказывал: «Зал огласился неистовыми овациями, «атаманов» качали и вынесли на руках; коридоры суда и лестница были заполнены преторианцами, одобрявшими решение суда».

² Парфенова даже советская критика упрекала в неверных и тенденциозных цитатах [*Сиб. Огни*, 1928, № 1, с. 277].

нике Зензинова рассказывают семеновский инцидент более колоритно на основании официальной информации штаба воен. Сиб. отдельной армии в иркутские газеты, но в этой информации так много путаницы и противоречий, что она требует больших поправок и — не все еще может быть проверено¹.

Колчак показывает:

«Затем я получил известие, которое потом оказалось недоразумением, но тогда на меня произвело впечатление чрезвычайно серьезное: это была первая угроза транспорту с оружием, обувью и т. д., задержанному где-то на Забайкальской жел. дороге. Впоследствии оказалось, что это было не предусмотренной задержкой, а задержкой благодаря непорядкам на линии; мне же доложили это так, что я поставил это в связь с перерывом сообщения и решил, что дело становится очень серьезным, что Семенов уже задерживает не только связь, но задерживает доставку запасов. Я просил Лебедева, который вступил в должность начальника штаба, вызвать по прямому проводу или Семенова, или его начальника штаба и окончательно выяснить вопрос, делается ли это умышленно или нет, и если это делается не умышленно, то я прошу содействия и облегчить мне возможность сношений и протолкнуть вне очереди поезда с припасами и предметами снабжения для фронта. Лебедев получил такой ответ, что они просто не желают разговаривать. Тогда я, обдумавши этот вопрос и пользуясь тем, что Волкова я послал на Восток в

¹ Здесь, между прочим, приведена из харбинских «Новостей Жизни» телеграмма Семенова, заявляющая о непризнании Колчака: «Адмирал Колчак, находясь в то время на Дальнем Востоке, всячески старался противодействовать успеху моего отряда, благодаря чему отряд остался без обмундирования и припасов, имевшихся тогда в распоряжении адмирала Колчака, и посему признать адмирала Колчака как Верховного правителя государства я не могу. На столь ответственный перед родиной пост я, как командующий Дальневосточными войсками, выставляю кандидатами генерала Деникина, Хорвата и Дутова; каждая из кандидатур мной приемлема».

Имеется и телеграмма Дутова, который, как «старый боец за родину и казачество», просит Семенова «учесть всю пагубность (его) позиции, грозящей гибелью родине и всему казачеству» [с. 84]. [Тел. приведена и у Гинса. II, с. 41.]

Иркутск, решил поручить Волкову организовать отряд там, в Иркутске, и двинуться на Забайкальскую жел. дорогу для того, чтобы обеспечить нам провоз наших грузов».

Словом, создался целый конфликт.

«В отношении Семенова я тогда издал приказ, в котором говорил, что четыре или пять дней задерживается связь с Владивостоком, задерживается перевоз боевых припасов, что я считаю это актом предательства по отношению к армии со стороны Семенова и отрешаю его от должности¹. Это был приказ, который знаменовал собой перерыв всяких сношений с Семеновым. Насколько я был прав, трудно сказать, но я рисую вам ту обстановку и те мотивы, по которым я тогда действовал. В ответ на это не последовало ничего, но иностранные представители, которые тоже были оповещены об этой истории, спросили, что я намерен делать. Я сказал, что такие случаи нужно решать оружием, я постараюсь собрать войска и двинуть их для того, чтобы обеспечить Забайкальскую жел. дорогу и продвинуть по ней грузы. Насколько это мне удастся, я не знал, но, во всяком случае, у меня другого выхода не было, потому что я пытался войти в соглашение, но из этого ровно ничего не вышло.

Об этом событии стало известно Ноксу и Жанену, который в это время приехал во Владивосток и был на пути к Омску. Из Читы я получил предложение от генерала Жанена подойти к прямому проводу, что я и сделал. Он сообщил мне, что положение чрезвычайно осложняется в Забайкалье и что он считает долгом мне сообщить следующее: командующий японской дивизией заявил, что он не допустит никаких вооруженных действий на железнодорожной линии и что в случае, если я попробую ввести войска в Забайкалье, то японские войска вынуждены будут выступить против них... он рекомендует мне быть очень осторожным, более спокойным и надеяться, что этот конфликт может разрешиться благополучным путем и что решение его вооруженной силой является совершенно невозможным. Тогда я отставил это распоряжение. Японцы сообщили, что они берут на себя гарантию, что связь будет действовать и что движение на линии жел. дор. прекращаться не будет. Это мне в тот момент разрешало сомнение и то затруднительное положение, в кото-

¹ Приказ Колчака, между прочим, приветствовала эсеровская «Новая Сибирь» [№ 16] и выражала надежду, что Верховный правитель не остановится на полумерах.

ром я находился в отношении доставки на фронт предметов снабжения, и я подчинился тому положению, разрешить которое своими средствами я иначе не мог» [с. 194–196].

В информации от штаба Вост.-Сибирской армии, присланной атаманом Калмыковым, упоминалось, что Семенов заявил миссии, прибывшей в Читу, что он согласен признать адм. Колчака, при условии аннулирования приказа № 60 и признания временного характера сибирской власти (до соединения с Деникиным). Затем Семенов выслал чрезвычайную «миссию» из Читы, руководствуясь ее «недипломатическим» поведением и «злонамеренной агитацией среди войска и населения Читы»¹.

«Я своими жалкими средствами что же мог сделать?» — спрашивал Колчак. Приходилось подчиняться иностранному вмешательству и ждать от него разрешения «конфликта». Заключительный аккорд в словах Будберга: «Готовая уже ликвидация атаманов сорвана японцами; не вмешайся они, теперь уже не существовало бы этих гнойников и можно было бы радоваться возможности приступить к созидательной работе»... (Запись 10 декабря.) Через десять дней Будберг добавляет: ...«Жанен работает, чтобы свести все на нет. Значит, здоровый и нужный для утверждения авторитета Омска исход становится почти безнадежным, ибо против него не только японцы, но и главный военный представитель союзников» [XIII, с. 273]².

3. Авантюристы и клятвопреступники

Итак, непосредственная угроза с востока (Семенов и японцы), угроза с запада (эсеры и чехи) в той или иной степени были отдалены от нового Российского правитель-

¹ Семенов для пропаганды среди казаков против Колчака направил особого посланца кап. Закржевского. Распространялась также особая брошюра «Колчак и Семенов», написанная начальником штаба Семенова полк. Веригой [Сиб. авант. С. 46].

² Будберг объясняет тактику ген. Жанена влиянием «семеновского приятеля» кап. Пеллио. В противность Будбергу многие обвиняли Лебедева за то, что он форсировал недоразумение с Семеновым и тем толкнул Колчака на вредный приказ.

ства¹. Перед ним стоял сложный вопрос о фактическом признании западноевропейскими государствами. В этом отношении переворот 18 ноября несколько осложнил дело, которое как будто стало налаживаться в последнее время при Директории. Именно налаживаться, но не более того. Если Чайковский в конце еще октября считал «невероятным» правовое признание союзными державами Директории и говорил только о «фактическом признании»², если английский представитель Линдей заявлял Чайковскому: «Мы очень рады образованию Правительства в Уфе и находимся уже с ним в сношениях, но лишены возможности признать его официально, пока такие огромные области, как центральная Россия, весь Юг и Туркестан, не подчиняются ее власти»³, то к середине ноября, по утверждению Набокова, английское правительство склонялось к официальному признанию Директории⁴...

«Склонялось» — это еще далеко не означало возможности реального признания. При двойственной союзнической политике, в период так называемой интервенции, международная дипломатия все время, в сущности, не знала, с кем ей идти, на кого опираться. Отсюда получалась та крайняя неопределенность, которую еще Пишон в своем докладе называл смешной и абсурдной [с. 51]... Уорд довольно верно определил характер помощи союзников России, назвав ее трагикомическим фарсом [с. 127]. Немедленное признание Директории англичанами, несомненно, должно было тормозиться отрицательным к ней отношением со стороны сибирских военных представителей. Мы знаем, что ген. Нокс считал Директорию просто нежизненной. Но и из первой же беседы с Эллиотом Авксентьев вынес впечатление, что Англия не сочувствует Директории. Это близко к истине. Ведь характерно, что сэр Эллиот в своей речи на банкете в Челя-

¹ Колчак избегал термина «всероссийского».

² В этих целях Чайковский рекомендовал «пятерке» назначить главверха, какого-либо известного генерала, приемлемого для Версаля [*Н. В. Чайковский*. С. 89].

³ Бумаги Н. В. Чайковского. Пражский Архив.

⁴ Испытания дипломата. С. 231. Набоков утверждает, что 17 ноября уже был изготовлен проект телеграммы на этот счет [с. 245].

бинске в честь Директории даже о ней не упомянул [*Кроль*. С. 140].

Не так уже определена была политика Франции. Во всяком случае, в то время от официального признания Директории она была еще дальше. Я не знаю, откуда почерпнул Зензинов [«Из жизни революционера». С. 114] уверенность, что 22 ноября Франция должна была признать Директорию и будто бы с этой именно целью ехала специальная миссия ген. Жанена¹. В Министерстве иностранных дел с самого начала был некоторый скепсис в отношении притязаний Правительства, избранного в Уфе. Министр иностранных дел Пишон, соединяя Директорию и Комуч в одно и отвечая на их обращение, писал Веденяпину: «Ключ к вашей значительности за границей лежит скорее в реальной силе, чем в ваших легальных правах, тем более что последние отнюдь не несомненны. Все здесь полагают, что только У. С. может реорганизовать Российское государство. Но невозможно отождествлять У. С. с его Комитетом, из которого исключены две политические партии, что колеблет сам принцип легальности, и двести пятьдесят членов представляют собой слишком узкую легальную базу. Вот почему ваше происхождение от У. С. не имеет большого веса в глазах Европы. Это скорее моральная, чем законная сила. Таким образом, необходимо вашей устойчивостью, вашей реальной силой дать нам доказательства вашего признания страной» [*Майский*. С. 78–79].

Устойчивость сибирской власти 18-го была нарушена. Надо было дать новые доказательства того, что власть будет более устойчива, чем ее предшественница. Члены бывшей Директории, переправившись за границу, не склонны были, конечно, поддерживать перед общественным мнением авторитет своего соперника.

Накануне Нового года в Иокогаме Болдырев увиделся с Авксентьевым, Зензиновым и Роговским. Вместе они встречали у Авксентьева Новый год. «Все они, — запи-

¹ О признании Директории в связи с миссией Жанена говорит и Аргунов [с. 36]. Во всяком случае, по отношению к миссии Жанена, как мы увидим, это совершенно неверно.

сывает Болдырев, — собираются в Америку “выяснить истинный смысл сибирских событий”». Будберг это предвидел, когда записал в свой дневник, что высылка за границу является со стороны Правительства «крупной ошибкой», так как «в их лице омская власть получает группу весьма озлобленных людей, у которых известные революционные имена и которые могут ей здорово напортить» [XIII, с. 269]. Все и вся критикующий Будберг не указывает, однако, выхода из создавшегося положения.

Высланные действительно с самого начала стали вредить омской власти. Представители омской власти, начиная с Колчака, и газеты, поддерживавшие Правительство, в один голос утверждают, что члены Директории дали обязательство не вести антиправительственной пропаганды. Члены Директории, как было указано, решительно это отрицают. Авксентьев называет подобное утверждение «ложью»: «Если бы у них был такой документ, они бы его уже опубликовали. Они злостно нас оклеветали» [с. 181]. Конечно, все эти вынужденные или полувынужденные обязательства большого морального значения не имеют. Очевидно, что «по собственному почину» члены Директории давать обязательств не могли. И все-таки какое-то обязательство они дали, помимо того согласия в «письменной форме» на высылку за границу, которое, по их словам, они дали кап. Герке. Совершенно естественно, что в обстановке револьверной, под угрозой ультиматумов и сроков, арестованные чувствовали себя крайне растерянно. Никто не бросит им упрека за любую подписку, но дело идет о другом обязательстве перед Омским правительством. Оно было — утверждает министр юстиции, имевший с арестованными непосредственные сношения. Ген. Хорошхин свидетельствует, что он сам непосредственно отбирал у высылаемых эти подписки. В «заявлении» высланных сказано, между прочим, о согласии их на то, что «во время пути в пределах сибирской территории» они «не будут заниматься агитацией» и что они едут «как частные лица». Нельзя не признать, что подобная подписка в условиях высылки была бы по меньшей мере бессмысленна.

Так или иначе, но молчать за границей высланные не собирались, они ехали для разоблачений омских «аван-

тюристов и клятвопреступников»¹. В Париж для большого авторитета звали и Болдырева.

15 декабря за подписью Авксентьева, Аргунова, Зензинова и Роговского в Харбинской газете «Маньчжурия» было опубликовано первое их заявление о государственном перевороте в Омске и 2 марта в нью-йоркском «Русском Слове» возражение на декларацию Омского правительства — и то и другое не раз уже было цитировано. Также цитировали мы и данное Авксентьевым Герм. Бернштейну описание «для опубликования» в Америке². Но больше всего возмутило демократические слои, группировавшиеся вокруг блока, интервью Авксентьева, помещенное в китайской прессе, в пекинском «Таймсе». То же ли это интервью или другое, в данный момент я установить не мог. Гинс утверждает, что в нем Авксентьев «en canaille» расписал весь состав министерства [II, с. 71]. По поводу этих интервью в «Заре» [21 января]

¹ Квалификация эта принадлежит Зензинову. Более сложна была, однако, психология действующих лиц. И думается, что В. М. Зензинову надлежало вдумчивее отнестись к результатам, к которым приводило неопределенное существование Директории. Устранение Директории, по словам автора цитированной уже статьи в «Чехосл. Дн.» [№ 552], было результатом того, что левые подозревали военное командование и либералов в реакционных замыслах, а эти последние переставали верить в возможность сотрудничества с социалистическими партиями. Зензинов впоследствии просто разрешил дилемму, которую ставил д-р Павлу. Он писал в «Воле России» [№ 67, 1920]: «Правы, увы, оказались те из социалистов, которые... предостерегали против коалиции с буржуазией, заранее убежденные в коварстве и измене последней, в неспособности понять глубокий смысл происходящих революционных событий. История оправдала их недоверие». Пожалуй, ссылка на «историю» здесь будет и неуместна.

² В главе «Иностранная печать о перевороте» Зензинов приводит лишь статью Бернштейна 27 дек. в «Japan Advertiser», утверждавшую, что «диктатор Колчак появился в тот момент, когда Вс. пр. добилось прекращения партийных раздоров и признания едва ли не со стороны всех частей России, за исключением тех, которые находились под террором большевиков». Получается довольно одностороннее представление. Достаточно сопоставить это с одной из статей «Таймса» (в апреле), признававшей переворот «демократическим» актом, так как иного спасения для демократии не было.

напечатан был коллективный протест, за подписью Сазонова и др. Протестующие писали, что интервью вызывает «недоумение» в общественно-демократических организациях. «Зная Авксентьева и его последние заверения при отъезде из Омска», они не допускают мысли о правильности изложения и думают, что газетой допущено извращение мыслей Авксентьева.

Но... что с воза упало, то пропало. «Плохая молва пошла, — говорит Гинс, — и рассеять ее было нелегко. Это составляло одну из труднейших обязанностей Мин. ин. дел» [II, с. 71].

Нельзя сказать, чтобы контрагитация из Омска велась вполне умело.

Противоколчаковская кампания за границей в общем изложена мной в книге «Н. В. Чайковский в годы гражданской войны». К ней я и отсылаю читателя, хотя отдельных эпизодов и придется коснуться в связи с вопросом о международном признании власти адм. Колчака. Собравшиеся в Париже представители «революционной демократии» значительно повредили авторитету колчаковской власти. Их агитация отсрочивала признание ее западноевропейскими государствами. Уже в «интервью», данном Авксентьевым «для Америки» Бернштейну, в таком виде «с демократической точки зрения» оценивалось положение вещей:

«Правительство (Директории) имело все шансы быть признанным союзниками в качестве законного Всерос. демократического правительства; оно могло быть признано официально, и тогда осуществилась бы мечта всех русских. И в тот час, когда решалась судьба всей нации, после года страшнейших испытаний, Россия, как равная, вступила бы в семью свободных народов. Это признание было уже отчасти совершившимся фактом со стороны наших союзников и братьев в лице чешской армии... но в ночь на 18 ноября все это было разрушено нелепым и преступным государственным переворотом в Омске, совершенным авантюристами, ренегатами и реакционерами. Переворот этот произвела группа монархически настроенных офицеров, спекулировавших на невежестве населения, сама политически незрелая.

Эти люди претендуют, что они действовали как патриоты, поставив на место законного Правительства Колчака, который является в их руках куклой и которого они мечтают

заменить настоящим монархом. Я утверждаю, что они являются худшими изменниками и злейшими врагами России. Своим бессмысленным преступлением они разрушили единство России...

Участники государственного переворота поставили себя на один уровень с большевиками, так как и те и другие совершают насилие над волей истинной демократии. Своим переворотом они разрушили веру демократии в возрождение свободной России, так как они создали Правительство из реакционных элементов, находящихся в борьбе с демократией. Тем самым они подготовили новую почву для большевистской агитации и дали большевикам полное право утверждать, что Правительство, с которым большевики борются, есть контрреволюционное Правительство. Они лишили армию и демократию энтузиазма в их борьбе за единую Россию, так как они отняли у них веру в свободную Россию.

В настоящее время Россия может возродиться лишь механически при помощи вооруженных сил союзников, так как теперь мы не можем рассчитывать на нашу собственную армию, которую Вр. прав. создало с таким трудом и такой любовью.

Таково в настоящее время положение дел в России с демократической точки зрения. Я убежден, что демократия будет снова, как прежде, бороться с ее основным врагом — большевизмом, но она будет вынуждена бороться также и против Правительства авантюристов и большевиков справа, каким является в действительности Правительство Колчака.

Как должны действовать союзные демократии, чтобы помочь России? Я снова утверждаю, что для дела возрождения России помощь союзных демократий чрезвычайно существенна и в высшей степени желательна. Россия ждет этой помощи с доверием, но союзные демократии должны дать себе отчет в том, что одна техническая помощь, т. е. посылка одних войск, припасов и военного снабжения Колчаку, будет при настоящих условиях помощью русской политической реакции, поэтому я и думаю, что будет вмешательством во внутренние дела России, если союзники, в особенности Америка и ее благородный президент Вильсон, определяют условия, при которых помощь может быть оказана: такими условиями является восстановление в России порядка, права и справедливости вместо режима притеснений, порядка демократии, а не реакции, при этом воля русского народа не должна быть разрушена»...

«Я убежден, — заканчивает Авксентьев, — что в настоящее время союзники не будут помогать созданию в России угро-

зы для демократии и для мира. Больше того, они должны помочь этой демократии, истощенной гражданской войной, восстановить нарушенный закон и порядок и возродить свободную Россию»... [с. 183—185].

Другая, также демократическая точка зрения могла ставить ставку не только на механическое возрождение России при помощи вооруженных сил союзников. Ставка делалась на собственные силы и на возможное влияние на новую власть. С этой точки зрения признавалось малоцелесообразным дискредитировать власть перед колеблющимся общественным мнением Европы и Америки.

В известном письме на Юг Авксентьев как бы констатирует успех заграничной деятельности своих единомышленников: «Наше предприятие благодаря тому, что мы получили возможность влиять очень непосредственно на Вильсона, увенчалось на первых порах успехом: обращение союзников к Колчаку было сделано под нашим влиянием» [«Пр. Рев.». Кн. 1, с. 120]¹. Это крыло партии с.-р. продолжало занимать промежуточную позицию и отгораживать себя от «черновцев», но оно, в сущности, в своем большинстве было безоговорочно враждебно Колчаку. Сам Авксентьев в письме на Юг опровергает то, что Львов и Маклаков писали 5 октября 1919 г. омскому министру иностранных дел: «Считаем долгом удостоверить, что Авксентьев, по приезде сюда, не присоединился к этой агитации и тем разочаровал тех, кто хотел бы видеть его во главе ее. Его позиция определенно патриотически-государственная. Думаем, что было бы большой несправедливостью и ошибкой, если бы у вас продолжали смешивать его с теми, с кем надо бороться, а не сотрудничать»².

¹ Имеется в виду майская декларация 1919 г. (См. в III ч. моей работы.)

² *Субботовский*. О том же писал раньше из Вашингтона Угет (26 февраля). Писал он Сазонову: «На днях прибыл Авксентьев со спутником, с которым установились вполне хорошие отношения. 9 марта они выезжают в Париж, где намереваются принять усиленное участие в ваших работах. Авксентьев настроен государственно и ставит себе основной задачей выставление единого национального фронта перед союзниками, объединенного общей формальной программой». «У всех у нас!.. — добавляет Угет. —

Колчаковский министр Сукин отвечал кн. Львову: «Верховный правитель считает возможным официально санкционировать какое-либо поручение Авксентьеву. Со своей стороны хотел бы вас осведомить, что корректная позиция Авксентьева и обнаруженный им патриотизм здесь вполне учитываются»...

Оказавшиеся за границей члены Директории, кандидаты к ним и их ближайшие сотрудники раскололись во взглядах на русскую политику — так пишет Болдыреву из Парижа в начале июля 1919 г. эсер полк. Махин, один из руководителей борьбы на Волжском фронте в ее первоначальный период, оказавшийся «не ко двору в колчаковской Ставке» и «принужденный» эмигрировать; «часть склонна помириться с Колчаком, другая занимает позицию: ни Ленин, ни Колчак»¹ [Болдырев. С. 246]. Какую позицию занимал среди указанных временный председатель Директории? Он не был среди прямолинейных «нинистов», как будто бы даже согласен на «косвенное сотрудничество с русским Политическим совещанием в Париже» (все еще будирующий Болдырев ссылается на личное письмо к нему Авксентьева, на котором «отразились» парижские настроения), и в то же время он очень далек от той позиции, которую определенно после недолгих колебаний занял Чайковский². Эта позиция была близка позиции той части сибирской демократии, кото-

Сквозит, однако, горечь по поводу омского переворота, причем вполне определенно чувствуется не оскорбленное партийное или личное самолюбие, а боязнь, чтобы Правительство, не опирающееся, по их мнению, на народные массы, не послужило началом гражданской войны в антибольшевицком лагере... Во всяком случае, мое личное впечатление, что приезд Авксентьева в Париж может быть крайне полезен для наших национальных интересов» [«Кр. Арх.». XXXVII, с. 101].

¹ Показательно, что и Махин считает, что, «пока не будут двинуты иностранные войска, на успех рассчитывать нечего». На письмо Махина я должен обратить особое внимание весьма пристрастного критика в «Днях» [№ 56] моей работы о Чайковском, голословно пытавшегося опровергать якобы неверные и несправедливые суждения Чайковского.

² Письмо его к Болдыреву с убеждением сотрудничать с Колчаком приведено в приложении к моей книге о Чайковском.

рая решила власть адм. Колчака не только признать, но и всецело поддерживать. В письме на Юг Авксентьев в действительности, скорее, признает неудачу той пропаганды, которая велась за границей против колчаковского Правительства. В Европе эсеры не нашли подлинной демократии: здесь пришлось столкнуться или с большевизки настроенной демократией или антидемократически настроенной буржуазией. В этих условиях имела успех агитация русских правых элементов, к которым Авксентьев причислял «совершенно сбившегося с толка Чайковского» [«Прол. Рев.». Кн. 1, с. 114—121]¹.

* * *

Н. Д. Авксентьев признал неудачу той кампании, которая велась за границей против власти, заменившей Директорию. Но эта агитация людей с «революционными именами» была на первых порах по самому больному месту нового Правительства, ежечасно подчеркивая его антидемократичность². Его искусственно изображали реак-

¹ Чайковский не был одинок. В дополнение к тем данным, которые приведены мной в его биографии за годы гражданской войны, отмечу поддержку, которую оказывало колчаковскому Правительству лондонское «Народоправство» — «The Russian Commonwealth» (орган, который в свое время ускользнул из моего внимания). Демократическое «Народоправство» подчеркивало, что после омского переворота дело пошло не так, как «рассчитывали заговорщики»: Колчак солидаризировался с демократическими элементами [с. 232]. «Нинисты», т. е. выдвинувшие нежизненный лозунг «Ни Ленин, ни Колчак», в конце концов объединились около парижского с.-р. «Pour la Russie» (возник в октябре), выходившего под редакцией Минора, Зензинова, Сталинского и Лебедева, при участии Керенского, Роговского, Сухомлина, Махина и Тер-Погосяна. Эта эсеровская группа выступала уже решительно против военной вооруженной интервенции и провозглашала борьбу с диктатурой большевиков и военной диктатурой генералов. Н. В. Чайковский назвал «Pour la Russie» «большевицкой» прессой.

² «Б. члены Директории, — замечает Будберг, — не должны были бы «мешать тем, кто плохо или хорошо борются с большевиками» [XIII, с. 276].

ционным, хотя таковым оно в действительности не было. Правительству, пришедшему к власти через переворот, не так легко было оправдаться. «А союзники, — писал из Парижа С. Д. Сазонов Вологодскому 17 апреля 1919 г., — оценивают русские правительства с точки зрения приемлемости их для западных демократий»¹.

Отсюда видно, какие трудности предстояло преодолеть А. В. Колчаку в роли Верховного правителя; в какой необычайно сложной обстановке, даже вне зависимости от специфических сибирских условий, должна была протекать творческая деятельность нового Правительства.

Достаточно ярко охарактеризовал Колчак свою позицию в беседе, которую он имел с представителями печати 28 ноября².

«Я не искал власти и не стремился к ней, но, любя родину, я не смел отказаться, когда интересы России потребовали, чтобы я встал во главе правления.

Приняв власть, я немедленно разъяснил населению, чем я буду руководствоваться в своей государственной работе³.

Я сказал: «Я не пойду ни по пути реакции, ни по губельному пути партийности». И это свое обещание я оправдаю не словами, а делом.

Я сам был свидетелем того, как губельно сказался старый режим на России, не сумев в тяжкие дни испытаний дать ей возможность устоять от разгрома. И конечно, я не буду стремиться к тому, чтобы снова вернуть эти тяжелые дни прошлого, чтобы реставрировать все то, что признано самим народом ненужным.

¹ Сборник «Последние дни колчаковщины» [с. 95].

² «Новая Сибирь», № 19; *Гинс* [II, с. 30–33].

³ В обращении к населению 18 ноября от имени Верховного правителя говорилось: ...«Приняв крест этой власти в исключительно трудных условиях гражданской войны и полного расстройтва государственной жизни, объявляю: я не пойду ни по пути реакции, ни по пути партийности. Главной своей целью ставлю создание боеспособной армии, победу над большевизмом и установление законности и правопорядка, дабы народ мог беспрепятственно избрать себе образ правления, который он пожелает, и осуществить великие идеи свободы, ныне провозглашенные по всему миру. Призываю Вас, граждане, к единению, к борьбе с большевизмом, труду и жертвам».

С глубокой искренностью скажу вам, господа, что теперь, пережив впечатления тяжелой мировой войны, я твердо укрепился на той мысли, что государства наших дней могут жить и развиваться только на прочном демократическом основании. Я всегда являлся сторонником порядка и государственной дисциплины, а теперь в особенности буду требовать от всех не только уважения права, но и — что главное всего в процессе восстановления государственности — поддержания порядка.

...Дело восстановления родины не может не быть связанным с беспощадной, неумолимой борьбой с большевиками. Только уничтожение большевизма может создать условия спокойной жизни, о чем так исстрадалась Русская земля, только после выполнения этой тяжелой задачи мы все можем снова подумать о правильном устройстве всей нашей державной государственности. Следует всегда помнить, что мы здесь не одни, что такая же борьба ведется на юге, на севере и на западе России, где также проснулась тяга к возрождению и восстановлению Русской державы.

Раз будут созданы нормальные условия жизни, раз в стране будут царить законность и порядок, тогда возможно будет приступить и к созыву Национального Собрания¹.

Я избегаю называть Национальное Собрание Учредительным Собранием, так как последнее слово слишком скомпрометировано. Опыт созыва Учредительного Собрания, собранного в дни развала страны, дал слишком односторонний партийный состав. Вместо Учредительного Собрания собралось партийное, которое запело интернационал и было разогнано матросом. Повторение такого опыта недопустимо. Вот почему я и говорю о созыве Национального Собрания, где народ, в лице своих полномочных представителей, установит формы государственного правления, соответствующие национальным интересам России.

Я не знаю иного пути к решению этого основного вопроса, кроме того пути, который лежит через Национальное Собрание».

Беседа эта произвела должное впечатление. Но с каким-то фанатизмом «левая» сибирская печать, как, напр.,

¹ Совершенно неосновательно впоследствии «Чехосл. Дневник» [18 ноября 1919, № 269] приписал влиянию прибывшего в Сибирь воен. мин. Штефанска то, что Колчак объявил свою власть временной и обещался созвать Уч. Собр.

иркутская «Новая Сибирь» [№ 20, 4 дек.], не сомневаясь в личной «искренности» Колчака, заявляла, что «объективная обстановка, созданная передачей верховной власти» адм. Колчаку, не только не способствует, но и совершенно определенно противодействует «установлению прочного демократического основания» у нас в России. Не обстановка, а люди с их шорами партийными и иными помешали власти выбраться из пучины, созданной сибирской «неразберихой»...

Надо глубже окунуться в эту пучину социальных отношений и многообразных политических переживаний; надо еще больше проникнуться атмосферой эгоистического себялюбия, которое рождала гражданская война, наряду с подлинным героизмом и жертвенностью; надо ближе подойти к переживаниям народных масс — тогда понятнее станет то, что я назвал трагедией адмирала Колчака. Это была не только личная драма — драма разочарования в людях; драма крушения надежд и разбитых иллюзий. Это была трагедия всей гражданской войны. Трагедия России и ее народа.

Колчак был так же бессилён, как и все другие. Время для возрождения России еще не пришло. По-видимому, приходится признать, что сама личность Колчака — благородного энтузиаста, слишком прямого и искреннего человека, оригинального в своих помыслах, — не подходила своей непосредственностью к той талейрановской политике, которую требовала жизнь и которую приходилось вести вовне и внутри страны.